

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (26)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2017**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 2 (26)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации
президент ГАОУ ВО МГПУ,

Рябов В.В.

заместитель председателя

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

главный редактор

президент МГПУ, заведующий общеуниверситетской кафедрой
истории МГПУ, доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.

заместитель главного редактора

заведующий кафедрой всеобщей истории МГПУ,

Андреев И.Л.

доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ,
кандидат исторических наук, доцент

Жиряков И.Г.

профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии
МГОУ, доктор исторических наук, профессор

Исаков В.А.

профессор кафедры всеобщей истории МГПУ,
доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.В.

директор ИГНиУ МГПУ,
кандидат исторических наук, профессор

Малышева О.Г.

профессор кафедры отечественной истории МГПУ,
доктор исторических наук, профессор

Орлов А.А.

профессор кафедры новой и новейшей истории МГПУ,
доктор исторических наук, доцент

Ртищева Г.А.

доцент кафедры всеобщей истории МГПУ,
кандидат исторических наук, доцент

Сорокин А.А.

заведующий кафедрой методики преподавания
истории, обществознания и права МГПУ,

Токарева Е.А.

кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры отечественной истории МГПУ,
кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории
МГИМО, доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

профессор кафедры всеобщей истории МГПУ,
доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© ГАОУ ВО МГПУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Емельянова А.А., Данчеева М.Ю.* Брачный возраст
московских мещан в середине XIX века 8
- Смирнова Ю.В., Токарева Е.А.* Ожидания, ценности
и ментальные «разрывы» в политической культуре
российской либеральной интеллигенции в начале XX века..... 18
- Касаров Г.Г., Подшибякин С.С.* Парламентская тактика
меньшевиков в годы Первой российской революции..... 28
- Гусева И.Е., Ершова Т.В.* Женская большевистская пресса
в 1914–1917 годы 35
- Мальшиева О.Г., Фатеев А.В.* Либералы и их роль
в формировании Временного правительства 43
- Рагимова А.Ф.* Положение в Туркестанском крае
к началу Первой мировой войны..... 50

Новейшая история России

- Музафарова Н.И.* Религиозные организации
в условиях Российской революции..... 61
- Буданов А.В.* Правовое обеспечение деятельности
ракетостроительной отрасли СССР в 1957–1962 годах 71

Всеобщая история

- Ляпустин Б.С.* Крестьянское хозяйство в «похвале Италии» Варрона в контексте экономического закона А.В. Чаянова 80
- Щемелев А.В.* К вопросу о классификации изображений фракийского всадника 87
- Серёгичев С.Ю.* Эволюция исламского фундаментализма в Египте и Судане в 1970–1980-е годы: сравнительный анализ..... 94

Критика. Рецензии. Публицистика

- Рябов В.В., Хаванов Е.И.* А гражданином быть обязан..... 102

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки», 2017, № 2 (26)..... 111**Требования к оформлению статей..... 115**

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

<i>Emel'janova A.A., Dancheeva M.Ju.</i> Marriage Age of Moscow Meshane in the Middle of the XIX Century	8
<i>Smirnova Yu.V., Tokareva E.A.</i> Expectations, Values and Mental “Gaps” in the Political Culture of the Russian Intelligentsia in the Early Twentieth Century	18
<i>Kasarov G.G., Podshibyakin S.S.</i> Mensheviks’ Parliamentart Tactics during the First Russian Revolution.....	28
<i>Guseva I.E., Ershova T.V.</i> Women’s Bolshevik Press in 1914–1917	35
<i>Malysheva O.G., Fateev A.V.</i> Liberals and Their Role in the Formation of the Provisional Government	43
<i>Ragimova A.F.</i> Situation of Turkestan Land at the Beginning of the First World War	50

Modern History of Russia

<i>Muzafarova N.I.</i> Religious Organizations in the Conditions of the Russian Revolution	61
<i>Budanov A.V.</i> Legal Support of Activity of Rocketproduction Branch of the USSR in 1957–1962	71

General History

<i>Lyapustin B.S.</i> The Peasant Farming in the «Praise of Italy» of Varro in the Context of A.V. Chayanov's Economic Law	80
<i>Shchemelev A.V.</i> The Problem of the Classification of the Reliefs of the Thracian Horseman	87
<i>Seregichev S.Y.</i> The Evolution of Islamic Fundamentalism in Egypt and Sudan in 1970–1980: Comparative Analysis	94

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Ryabov V.V., Khavanov E.I.</i> And a Citizen Must Be.....	102
--	-----

«MCU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies», 2017, № 2 (26).....

111

Style Sheet	115
--------------------------	-----

История России: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1917 ГОДА

А.А. Емельянова,
М.Ю. Данчеева

Брачный возраст московских мещан в середине XIX века

В статье на материале метрических книг 1841 и 1859 годов исследуется брачный возраст московских мещан. Рассматриваются факторы, повлиявшие на формирование и динамику брачно-возрастных стандартов мещан в Москве.

Ключевые слова: мещане; брачный возраст; историческая демография; семья.

Брачный возраст — важный социальный показатель, который стоит в ряду малоисследованных вопросов исторической демографии городского населения Российской империи, особенно это справедливо для дореформенного периода.

Мещанство — «коренное» городское сословие, в русских провинциальных городах составляло самую массовую группу обывателей. Например, в середине XIX века во Владимире мещанами являлись 34 % жителей, в Костроме — 46 %, в Калуге — 58 %, а вместе с цеховыми ремесленниками — 64 % [13: часть «Владимир», с. 5; часть «Кострома», с. 3; часть «Калуга», с. 3]. В Москве, втором городе империи и ключевом экономическом центре, в условиях постоянного притока «пришлого» населения доля мещан была значительно ниже — в середине столетия около 23–26 % [12: с. 183]. Мещанство находилось в основании социальной пирамиды — в числе податного населения. Как податное сословие мещане не имели достаточной свободы перемещения, платили подушную подать, подлежали рекрутской повинности и телесному наказанию, а также были лишены права поступать на государственную службу. Крестьяне, включая бывших крепостных, являлись важнейшим источником пополнения мещан российских городов.

Можно предположить, что мещане и крестьяне, близкие по происхождению и правовому статусу социальные группы, имели общие установки относительно возраста вступления в брак.

У большей части русских крестьян ранний брак как для девушки, так и для юноши считался рациональным и экономически оправданным шагом. Статус женатого человека давал право на земельный надел. Наиболее ранние браки были характерны для крестьян земледельческих губерний — южных и центральных. Складыванию традиций ранних браков в Центральной России могло также способствовать крепостничество [8: с. 11]. Помещики были заинтересованы в том, чтобы крестьяне рано образовывали супружеские пары, так как подати «взимались с венца». Показательно, что в пределах одной губернии отмечалось отличие возраста вступления в брак у помещичьих, государственных и дворцовых крестьян [9: с. 91]. В качестве усредненного традиционного возраста создания супружеской пары в русской деревне XVIII – первой половины XIX веков указывается 18 лет для жениха и 16 лет для невесты [11: с. 420]. В крестьянской среде преобладали браки близких по возрасту людей: супругов редко разделяла разница в возрасте больше 2–3 лет в пользу мужа. Супружеские пары, в которых женщина была старше, воспринимались в народной среде негативно [8: с. 11].

Развивающаяся во второй половине XIX века статистика фиксирует установившееся различие между брачным возрастом в городах и сельских районах. Абсолютный брачный возраст (возраст заключения наибольшего числа браков) в городе был более поздним, чем в деревне. В 1870-е годы для мужчин-горожан этот показатель составлял 25–35 лет. Женщины в городе реже, чем в деревне, выходили замуж до 20 лет, а процент вышедших замуж в возрасте от 25 до 35 лет в городах был значительно выше, чем у остального населения [1: с. 447]. Отмечалась зависимость среднего брачного возраста от размеров города: в крупных городах новобрачные были старше, чем в городах средних и малых [4: с. 25]. Отличие брачного возраста в городе и деревне объяснялось, прежде всего, отсутствием в городе экономических факторов, стимулирующих ранние браки у крестьян. Во-вторых, поздний возраст создания семьи объяснялся более длительным, чем у селян, периодом подготовки горожанина к роли отца и мужа. У чиновников, интеллигенции, купцов социальная зрелость, с которой была связана возможность образования собственной семьи, наступала позже, чем у крестьян. Для того чтобы стать полноценным членом своей группы, мужчина должен был пройти период обучения, достичь экономической самостоятельности, определенного уровня достатка.

Уже в начале XIX века в провинциальных городах Центральной России браки канцеляристов и чиновников в возрасте 18–20 лет были мало распространены, а в середине века сократились до 8 % [2: с. 91]. В «Записках Замоскворецкого жителя» А.Н. Островский так объясняет преобладание поздних браков в чиновничьей среде: «У нас молодые чиновники не женятся, потому что нечем содержать жену, потому что никто не отдаст порядочной невесты за младшего помощника столоначальника» [10: с. 15].

Если в конце XVIII века купцы относительно часто женили сыновей в возрасте 18–20 лет, то к середине XIX века в купечестве укореняется представление

о том, что «женитьба хороша лишь после того, как налажено «дело» и пущен в оборот наследственный капитал» [7: с. 25]. В середине – второй половине XIX века ранние браки среди купцов-гильдийцев встречались редко. Большинство представителей купеческого сословия заводили семьи в возрасте около 28–30 лет, возраст невест при этом всего на несколько лет превышал минимально разрешенный по закону (16 лет), составляя приблизительно 18–20 лет [3: с. 127–128].

Брачный возраст женщины меньше варьировался во всех социальных группах. Общество не возлагало на нее основную ответственность за материальное обеспечение будущей семьи, а государственная служба и профессиональная карьера были для нее закрыты. Социальная зрелость женщины была приближена к физиологическому созреванию. В первой половине XIX века девушка в 18–19 лет считалась «на выданье» у всех слоев населения.

Так как мещанство было неоднородным и глубоко стратифицированным, единого стандарта брачного поведения не существовало. В регионах, где аграрные занятия и связи с сельским окружением занимали видное место в жизни городских обывателей, в мещанской среде отмечаются относительно ранние браки мужчин и, как следствие, небольшая разница в возрасте между мужем и женой. Такая ситуация наблюдалась во многих сибирских городах. Например, в Тюмени в середине XIX века, по свидетельству современника, мещанство стремилось женить «сыновей своих молодыми» [5: с. 181]. Для мещан Сибири была характерна минимальная относительно других городских сословий разница в возрасте между женихом и невестой — 3–4 года. Это сближает их брачное поведение с крестьянским стереотипом. У остальных групп населения сибирских городов возрастной разрыв между супругами был больше: от 5–6 лет у духовенства до 7–10 лет в купеческой среде [6: с. 49]. Близкая картина наблюдалась и в небольших городах Центральной России. По подсчетам Г.В. Жирновой, в уездном городе Ефремове во второй половине XIX века разница в возрасте между женихом и невестой составляла приблизительно 2–3 года в пользу мужчины. Мещане-мужчины чаще вступали в брак в возрасте от 21 до 25 лет (63 % от общего числа заключенных браков) [7: с. 24–25].

Основным источником, содержащим данные о брачном возрасте мещан Москвы, являются метрические книги. В исследовании привлекались метрические записи о вступлении в брак представителей мещанского сословия за 1841 и 1859 годы (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. № 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557). Всего было проанализировано 732 брака. Были исследованы метрические книги, представлявшие две разные с точки зрения социального состава мещан территории города. Первая территория охватывала расположенный на юге Москвы район Замоскворечья (Замоскворецкий сорок), в котором, как мы можем предполагать, среди населения была существенная прослойка зажиточных мещан, происходивших из купечества и связанных

с купечеством семейно-родственными связями. Данные по Замоскворечью сравнивались с метриками приходов Никитского сорока, который объединял часть приходов в Тверской, Арбатской, Сретенской, Суцевской и Пресненской городских частях. От центра к окраинам на этой территории располагались сначала «дворянские» районы, затем улицы, где жили демократические слои и, наконец, слабо заселенные предместья, в которых большую часть населения представляли, вероятно, малообеспеченные мещане, происходившие из вольноотпущенных дворовых людей и беднейших разночинцев.

В результате нашего исследования максимально поздний возраст первого брака у мужчины-мещанина зафиксирован на уровне 60 лет (1841 год, Замоскворецкий сорок). Невестой выступила 44-летняя московская мещанка, вдова вольноотпущенного крепостного человека (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 354. Л. 740 об. – 741). Аналогичный показатель для женщины, представительницы московского мещанства, — 48 лет (1859 год, Никитский сорок). Мужем девицы стал 36-летний рядовой жандармского дивизиона, женившийся вторым браком (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 556. Л. 891 об.).

В выборку попал случай, когда представительница мещанского сословия (но уже не москвичка) выходила замуж и в более зрелые годы. Уникальный брак был заключен в храме Николая Чудотворца на Берсеневке в 1859 году. Оба новобрачных согласно метрике впервые шли к алтарю, обоим исполнилось 56 лет. Невеста была мещанка, приписанная к Сергиевскому Посаду, жених — московский мещанин (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 552. Л. 52 об.).

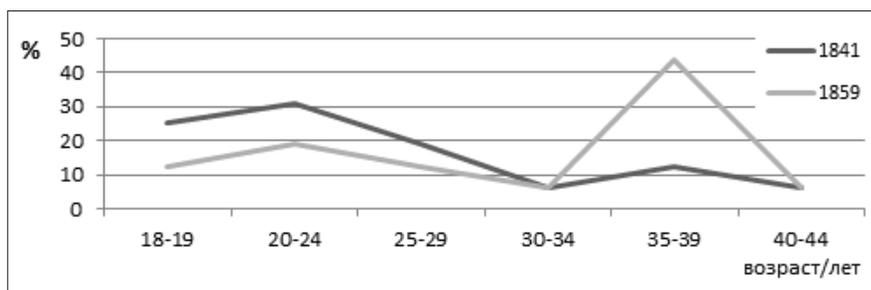
Отмеченные случаи чрезвычайно поздних первых браков оказались одновременно самыми «возрастными» браками московских мещан во всей выборке, иными словами, более пожилые женихи и невесты из мещан не зафиксированы даже среди вдовцов.

Минимальный возраст вступления в брак у мужчин-мещан соответствовал 18 годам. Самой молодой невесте-мещанке, попавшей в нашу выборку, на момент брака исполнилось 14 лет. Брак венчался в 1841 году на территории Замоскворецкого сорока. Женихом был 21-летний цеховой ремесленник (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 354. Л. 257 об.). Кстати, родители и священник в данном случае шли на нарушение действующего законодательства. Кроме указанного эпизода в выборку попал всего лишь еще один случай брака в среде московских мещан с девушкой до 16 лет. В том же Замоскворецком сороке в 1859 году 32-летний мещанин женился на 15-летней крестьянке Волоколамского уезда Московской губернии. С высокой долей вероятности можно сказать, что браки московских мещанок в возрасте 14–15 лет в середине века имели крайне редкий, единичный характер. Зато венчание мещанских дочерей в 16 лет (минимальный разрешенный возраст) было явлением достаточно массовым.

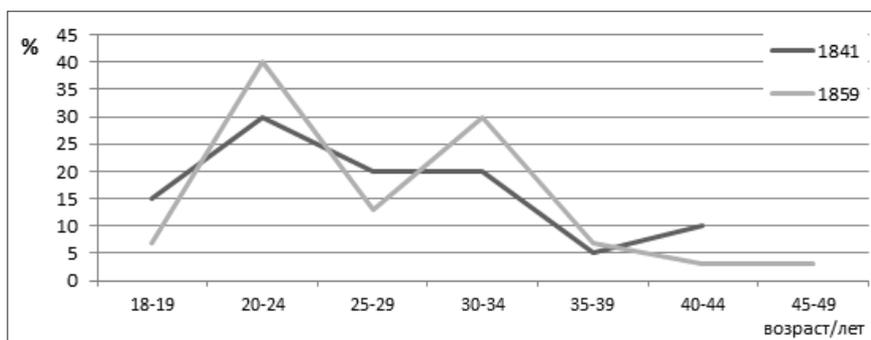
В начале 1840-х годов средний возраст первого брака московского мещанина составлял 26–27 лет: наиболее поздний возраст отмечается в «купеческой» Сретенской части, самый ранний — у мещан, проживающих на территории «дворянской» Арбатской части. Так как предположительно среди мещан Арбатской части была особенно велика доля выходцев из дворовых, отмеченную особенность можно связать с традициями ранних браков у крестьян.

К 1859 году во всех исследованных районах происходит увеличение среднего брачного возраста у мужчин. Существеннее всего поднялся средний возраст первого брака в «дворянской» части, в «купеческих» частях увеличение брачного возраста составило 2–3 года, меньше всего — примерно на 1 год — подрос средний брачный возраст в предместьях (см. рис. 1).

а) Арбатская часть

б) Пресненская и Сущевская части

в) Якиманская и Пятницкая части

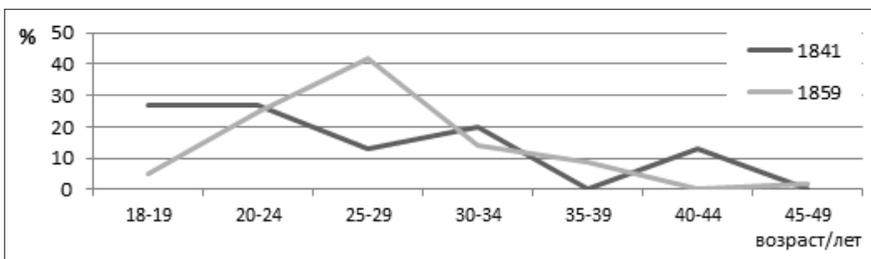

Рис. 1. Возраст первого брака у мещан-мужчин

(составлено по: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. № 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557)

Показательна динамика ранних браков у мужчин. В начале 1840-х годов женихи в возрасте 18–19 лет составляли 10–12 % мещан, вступавших в первый брак. Через 18 лет процент ранних женитьб у мещан сокращается до 6–7 %. На территории Арбатской части количество женихов в возрасте 18–19 лет с 25 % сокращается до 12,5 %.

Исследование показало, что в среде московских мещан и цеховых ремесленников в большинстве супружеских пар мужчина был старше жены на 5–8 лет. Доля супружеских пар, где жена была старше, составляла от 9 до 15 %. Доля вступающих в брак ровесников была очень мала: мещане и цеховые женились на женщинах одного с ними возраста в 3–5 % случаев, мещанки выходили замуж за ровесников еще реже — в 2–4 %. Максимальная зафиксированная разница в возрасте в пользу женщины составила 19 лет. Данный брак был заключен на территории Якиманской части в 1859 году: 20-летний цеховой кондитерского цеха женился на 39-летней вдове старшего вахмистра (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 551. Л. 702 об.).

Возрастной промежуток, на который приходится пик заключения первых браков (50–60 %), у девушек-мещанок выражен достаточно четко и соответствует 16–19 годам.

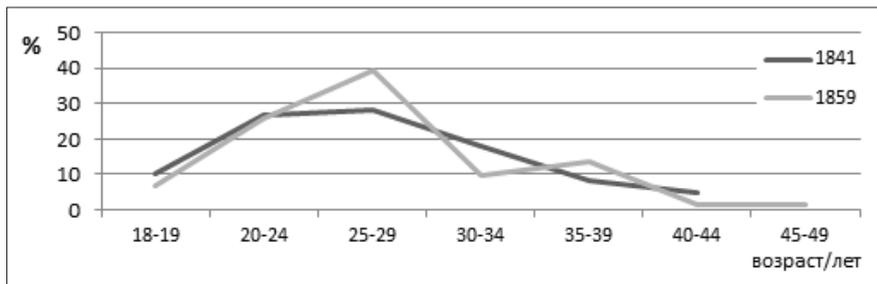
У мужчин в начале 1840-х годов пик первых браков приходился на возраст 20–24 года. В этом возрасте женилось 30 % мещан. Для сравнения, в уездном городе Ефремове в возрасте от 21 до 25 лет во второй половине столетия женилось 63 % мещан [7: с. 24–25]. Такая численная разница свидетельствует о более развитой стратификации московского мещанства в сравнении с мещанством уездного города.

К 1859 году ситуация меняется. Если на территории предместий и Арбатской части пик браков мужчин в возрасте 20–24 лет сохраняется, то в «купеческом» Замоскворечье отмечается смещение пика на возрастной отрезок 25–29 лет (40 %).

Обращает на себя внимание растянутость брачного возраста у мужчин, принадлежащих к московскому мещанству. Иногда возраст впервые женившегося мужчины мог превышать 40–45 и даже 50 лет.

Рассмотрим динамику брачного возраста на примере Замоскворецкого и Никитского сороков. У мужской части мещан в Замоскворецком сороке пик браков к 1859 году стал более отчетливо соответствовать возрасту 25–29 лет (40 % первых браков). При этом у цеховых ремесленников, проживающих на той же территории, изменение основного брачного возраста не наблюдалось — пик первых браков в 1859 году, как и двадцать лет назад, приходился на 20–24 года. Это можно объяснить тем, что среди мещан Замоскворечья доля выходцев из купечества, ориентированного на поздние браки, была больше, чем среди проживающих здесь цеховых ремесленников (см. рис. 2).

Мещане

Цеховые

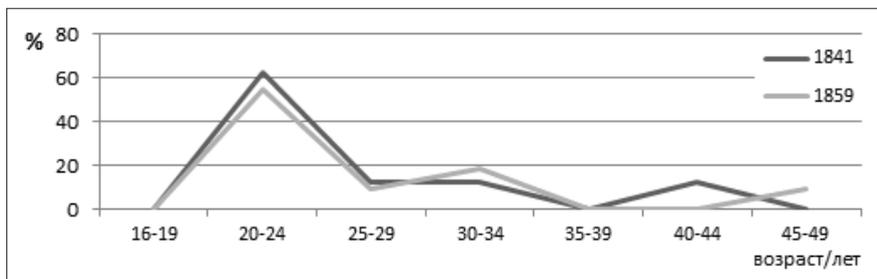

Рис. 2. Возраст первого брака мужчин Замоскворецкого сорока (составлено по: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. № 354, 355, 551, 552)

У мужчин-мещан Никитского сорока в середине XIX века наблюдается два пика брачности. Первый и основной приходится на возраст 20–24 года, второй соответствует возрасту 30–34 года. В 1859 году второй пик существенно увеличивается (см. рис. 3).

Никитский сорок

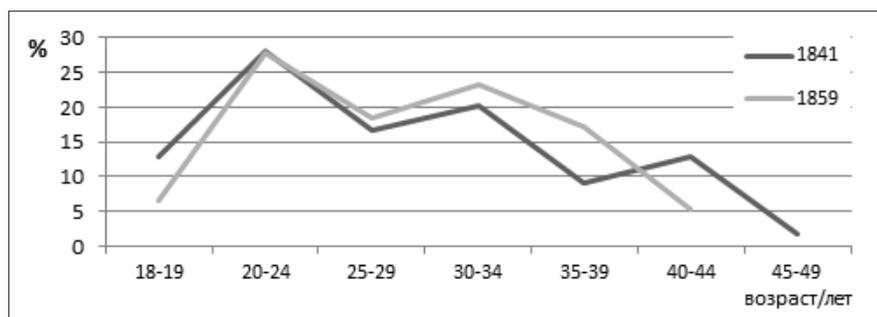

Рис. 3. Возраст первого брака мужчин-мещан (составлено по: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. № 359, 360, 556, 557)

У женщин во всех выборках основной пик замужеств был приближен к минимальному разрешенному законом брачному возрасту, основное число браков заключалось в самой молодой группе (16–19 лет). Наиболее отчетливо классическая ситуация, когда вместе с повышением возраста число браков

плавно идет на убыль, наблюдается у мещанок Замоскворецкого сорока. За двадцать лет никаких изменений брачного возраста у невест-мещанок Замоскворечья не произошло, графики 1841 и 1859 годов совпадают (см. рис. 4).

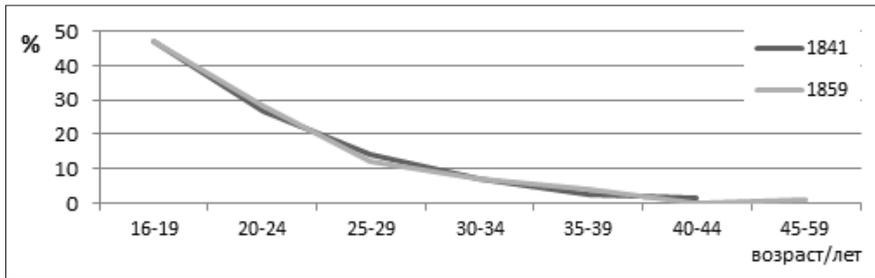

Рис. 4. Возраст вступления в первый брак мещанок Замоскворецкого сорока (составлено по: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. № 354, 355, 551, 552)

В отличие от жительниц Замоскворечья у мещанок Никитского сорока отмечается сложный, колеблющийся график. Привлекает внимание более высокий процент девушек, вышедших замуж в возрасте старше 24 лет. При этом доля браков в разных возрастных группах существенно колеблется по годам (см. рис. 2, 5).

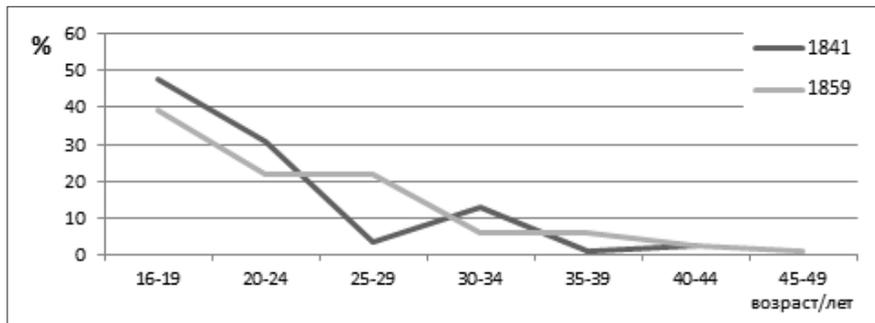

Рис. 5. Возраст вступления в первый брак мещанок Никитского сорока (составлено по: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. № 359, 360, 556, 557)

Возможным объяснением может быть то, что среди девушек-мещанок, вступавших в поздние браки, большинство были не дочерьми мещан, а вольноотпущенными крепостными, самостоятельно записавшимися в московское мещанство. Возраст, в котором женщина получала вольную, и период приобретения необходимого для замужества приданого могли быть очень индивидуальны. Этим, вероятно, объясняется варьирование графика в разные годы.

Итак, можно сделать вывод, что при сохранении стабильного брачного возраста у девушек-мещанок, у мужской части сословия на временном отрезке с 1841 по 1859 годы произошли заметные изменения, связанные с возрастом вступления в брак. На наш взгляд, здесь ярко проявилось влияние противостоящих крестьянских и купеческих стереотипов брачного поведения. Крестьянские браки в первой половине XIX века характеризуются как «ранние», купеческие —

как относительно «поздние». Распространение среди мещан «крестьянского» или «купеческого» возраста создания семьи находилось в тесной зависимости от социально-экономической специфики города. Полуаграрный характер малых городов предопределял близость модели брачного поведения мещан и крестьянства. В Москве накануне Великих реформ среди мещан начинает преобладать ориентация на «купеческие» брачно-возрастные стандарты. Полученные в результате исследования метрических записей данные позволяют предположить, что за период с 1841 по 1859 годы произошло повышение среднего брачного возраста мужчин-мещан, проживавших в различных районах Москвы.

Литература

1. «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: в 3 кн. Кн. 1. М.: Ладомир, 2004. 944 с.
2. *Бодрова Ю.В.* «Как во новой во конторе сидел писарь молодой...» Брачное поведение провинциального чиновничества первой половины XIX столетия // *Родина*. 2006. № 8. С. 90–95.
3. *Гончаров Ю.М.* Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. 244 с.
4. *Гончаров Ю.М.* Историческое развитие семьи в России в XVIII – начале XX вв. // *Преподавание истории в школе*. 2001. № 7. С. 21–32.
5. *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.
6. *Гончаров Ю.М.* Мещанское сословие Западной Сибири // *Преподавание истории в школе*. 2002. № 4. С. 46–53.
7. *Жирнова Г.В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1980. 150 с.
8. *Коротеева В.В.* Внутриэтнические различия в брачности у русских во второй половине XIX – начале XX в. // *Этнокультурная динамика в центре и на периферии этнического ареала: сборник статей*. М.: Институт этнографии АН СССР, 1986. С. 5–15.
9. *Миронов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР* / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 83–104.
10. *Островский А.Н.* Записки замоскворецкого жителя // *Островский А.Н. Собр. соч.*: в 10 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1960.
11. *Русские* / РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; отв. ред.: В.А. Александров, В.И. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1997. 828 с.
12. *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы: материалы и исследования: в 3 т. Т. 3: Пожар Москвы в 1812 году и строительство города в течение 50 лет, 1812–1862. М.: Моск. рабочий, 1972. 398 с.
13. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. Часть 1. СПб.: Типография К. Вульфа, 1863.

Literatura

1. «А се грехи злы'е, смертны'е...»: Russkaya semejnaya i seksual'naya kul'tura glazami istorikov, e'tnografov, literatorov, fol'kloristov, pravovedov i bogoslovov XIX – nachala XX veka: v 3 kn. Kn. 1. M.: Lodomir, 2004. 944 s.

2. *Bodrova Yu.V.* «Kak vo novoj vo kontore sidel pisar' molodoj...» Brachnoe povedenie provincial'nogo chinovnichestva pervoj poloviny' XIX stoletiya // *Rodina*. 2006. № 8. S. 90–95.

3. *Goncharov Yu.M.* Kupecheskaya sem'ya vtoroj poloviny' XIX – nachala XX v. (po materialam komp'yuternoj bazy' danny'x kupecheskix semej Zapadnoj Sibiri). M.: Institut e'tnologii i antropologii RAN, 1999. 244 s.

4. *Goncharov Yu.M.* Istoricheskoe razvitie sem'i v Rossii v XVIII – nachale XX vv. // *Prepodavanie istorii v shkole*. 2001. № 7. S. 21–32.

5. *Goncharov Yu.M.* Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroj poloviny' XIX – nachala XX v. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 384 s.

6. *Goncharov Yu.M.* Meshhanskoe soslovie Zapadnoj Sibiri // *Prepodavanie istorii v shkole*. 2002. № 4. S. 46–53.

7. *Zhirnova G.V.* Brak i svad'ba russkix gorozhan v proshlom i nastoyashhem. M.: Nauka, 1980. 150 s.

8. *Koroteeva V.V.* Vnutrie'tnicheskie razlichiya v brachnosti u russkix vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // *E'tnokul'turnaya dinamika v centre i na periferii e'tnicheskogo areala: sbornik statej*. M.: Institut e'tnografii AN SSSR, 1986. S. 5–15.

9. *Mironov B.N.* Tradicionnoe demograficheskoe povedenie krest'yan v XIX – nachale XX v. // *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR / pod red. A.G. Vishnevskogo*. M.: Statistika, 1977. S. 83–104.

10. *Ostrovskij A.N.* Zapiski zamoskvoreczkogo zhitelya // *Ostrovskij A.N. Sobr. soch.: v 10 t. T. 10*. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1960.

11. *Russkie / RAN, In-t e'tnologii i antropologii im. N.N. Mikluxo-Maklaya; otv. red.: V.A. Aleksandrov, V.I. Vlasova, N.S. Polishhuk*. M.: Nauka, 1997. 828 s.

12. *Sy'tin P.V.* Istoriya planirovki i zastrojki Moskvy': materialy' i issledovaniya: v 3 t. T. 3: Pozhar Moskvy' v 1812 godu i stroitel'stvo goroda v techenie 50 let, 1812–1862. M.: Mosk. rabochij, 1972. 398 s.

13. *E'konomicheskoe sostoyanie gorodskix poselenij Evropejskoj Rossii v 1861–1862 gg. Chast' 1*. SPb.: Tipografiya K. Vul'fa, 1863.

*A.A. Emelyanova,
M.Ju. Dancheeva*

**Marriage age of Moscow Lower Middle Class
in the Middle of the XIX Century**

In the article based on the material of metric books, the age of marriage of Moscow lower middle class in 1841 and 1859 is studied. The factors that influenced the formation and dynamics of marriage age standards of lower middle class in Moscow are considered.

Keywords: lower middle class; marriage age; historical demography; family.

Ю.В. Смирнова,
Е.А. Токарева

Ожидания, ценности и ментальные «разрывы» в политической культуре российской либеральной интеллигенции в начале XX века

В статье ведется речь о необходимости изучения такого явления в общественных настроениях Российской империи начала XX века, как несовпадение существующих политических ожиданий с новыми ценностями, которые входили в повседневную жизнь общества вместе с парламентаризмом. Эклектичность политической культуры этого периода, смешение различных ее пластов отразились в сознании российской либеральной интеллигенции. Эти ментальные «разрывы» во многом определяли степень гражданского противостояния задолго до 1917 года.

Ключевые слова: ожидания; ценности и ментальные «разрывы»; политическая культура общества; российская либеральная интеллигенция.

Начало XX века в истории Российской империи было отмечено массовыми протестами в среде студенческой, рабочей и крестьянской общности, волнениями в армии и на флоте, связанными с унижительным поражением в Русско-японской войне. Все это резко контрастировало с преступным равнодушием верховной власти к происходящему, а между тем здравомыслящая и образованная часть общества все больше переживала за судьбу страны, ее будущее.

Ускоренная модернизация отечественной экономики, постепенное проникновение элементов гражданского общества, неуклонное распространение либеральных идей — эти факторы выдвинули на передовые позиции малую часть населения огромной империи из числа отечественной интеллигенции, которая, наиболее чутко и остро осознавая и осмысливая несоответствие интересов развития страны отживающему свой век самодержавию, перешла к открытой общественно-политической конфронтации.

Для простоты понимания проблемы позволим себе не вторгаться в теоретический спор о содержании категории «интеллигенция» и определим ее в узком смысле слова как категорию политическую. В таком понимании это не столько образованная часть населения, сколько оппозиционная правительству часть населения, которая аккумулировала представления о необходимости перемен и генерировала новые представления о будущем устройстве страны. Степень оппозиционности политической интеллигенции и ее готовности к открытой

конфронтации, кстати, впоследствии нашла отражение в появившихся терминах: рабочая или крестьянская интеллигенция, буржуазная или дворянская, революционно-демократическая или либеральная.

И если в XIX веке духовной оппозицией самодержавной власти выступала дворянская интеллигенция, то на рубеже XIX–XX веков главный вектор общественного развития стала определять либеральная интеллигенция.

Очевидно, что «этот период истории России... для отечественной интеллигенции стал временем интенсивного духовного и интеллектуального поиска возможных путей развития Отечества, что нашло воплощение в создании различных общественных проектов, направленных на разработку моделей культурного, политического и экономического преобразования российского общества» [11: с. 16].

Так политическое сознание российской либеральной интеллигенции начала XX века не только включалось в существующее поле общественной жизни представлениями, основанными на традициях, взглядах, идеях и чувствах, соответствующих конкретному историческому времени и обществу, но и отражало новые политические ожидания и установки. Конечно, речь идет о политических ценностях.

Ценность — категория, являющаяся в некоторых методологических концепциях основанием для выбора фактов в процессе исторического исследования [17: с. 528–530]. Ряд исследователей апробировали принцип оценки историко-политических сюжетов дореволюционной и советской России с позиций определенных ценностей, на которые в качестве идеалов и норм ориентировалась в своем мышлении и деятельности такая общественная группа, как отечественная интеллигенция [8; 11; 18].

Подчеркнем, что нравственно-оценочные характеристики политической культуры формируются настроениями, чувствами, традициями и идеалами, существовавшими в сознании ее представителей. Поэтому ценности в политической культуре играют главную роль: они являются элементом политической традиции и главной траекторией развития политической мысли.

Если говорить о политико-культурном генотипе, сложившемся в императорской России, определяющем взаимоотношения индивида, государства и общества, то его исследователи чаще всего характеризуют как авторитарно-коллективистский с подданнической политической ориентацией.

Не вызывает сомнения, что российская политическая культура исторически базировалась на принципах этатизма, завышенных ожиданий от власти и одновременно претензий к ней, и, как следствие этого, мифологизация и персонализация власти стали нормой политических представлений. Бессилие общества и всеилие государства неоднократно отмечали в своих выступлениях лидеры либерально-демократических партий.

Внутреннюю противоречивость российской политической культуры начала XX века, ее прерывность, двойственность точнее всего определил Н.А. Бердяев: «...только в России тезис оборачивается антитезисом, рабство рождается из свободы, крайний национализм из сверхнационализма. В этой

душе — симбиоз анархизма и этатизма, готовности отдать жизнь за свободу и неслыханного сервиллизма, шовинизма, интернационализма, гуманизма и жестокости, аскетизма, “ангельской святости” и одновременно “зверской низости”» [1: с. 16]. Современные исследователи также отмечают разнородность и фрагментарность политической культуры России начала XX века, которая отчасти сохраняется и сегодня. Многообразность, пестрота политических установок охватывает политико-культурные ценности — от западных до почвеннических, от патриархально-консервативных до радикальных, от государственных до анархических.

Яркой характеристикой политической культуры России начала XX века выступает наивный монархизм: население легко мирилось с принуждением, мелочной регламентацией, негативно принимало перемены; наиболее стабильный режим власти обеспечивала монархия, она же выступала гарантом внутренней и внешней безопасности. Современные специалисты, правда, отмечают, что наивный монархизм был на самом деле глубоко анархичным и поверхностным. Ведь Россия относительно легко пришла к политическому хаосу.

И здесь стоит обратиться к проблеме сакральности и харизматичности верховной власти, которые занимали особое место в российской политической культуре. Верховная власть была проста и очевидна, управительная власть, данная от верховной, была всегда виновата во всех бедах. Политическая жизнь в России эмоционально чаще всего воспринималась в оценках самодержца, политические права — как долг перед государством и обществом. Даже патриотизм в политическом сознании носил не националистическую направленность, а государственническую. Часто лояльность к власти рассматривалась как проявление патриотического долга.

Превосходство государства над законом — еще одна черта политического сознания российского общества. Отсюда оправдание правового нигилизма и произвола и одновременно азиатская рабская покорность. Очевидно, что в России того времени бесспорными политическими ценностями признавались жертвенность, коллективизм, социальная справедливость, равенство (а не демократия или свобода, как в европейских странах), правда (а не истина). Свобода трактовалась, скорее, как воля. Ключевое понятие европейской ментальности «свобода» на русской почве не получило своего оформления. Основу российской государственности составляли жертвенность и особая мобилиционность.

Природа политической культуры Российской империи начала XX века в целом отрицала европейское понимание консенсуса: демократия, борьба политических партий, выборы в органы представительной власти, парламентаризм — всё это было чуждым. Разные точки зрения, их борьба воспринимались как временное, ненужное явление: есть одна Правда, политика обязана ей служить. В русской консенсуальной политической культуре того времени принципиально не решался конфликт двух или более сторон: все, кроме одной из конфликтующих сторон, уничтожались или конфликт загонялся внутрь. Оставалась одна, «правильная», сторона — это и был консенсус.

Вместе с тем на рубеже XIX–XX веков эклектичная политико-культурная палитра дополнилась новыми красками. Отметим наиболее значимые из них.

Так, ускоренная модернизация страны, как локомотив, тащила за собой либерализацию и демократизацию политико-культурного пространства. А неравномерность развития российского общества, его сословность, усиление контроля за жизнью общества со стороны государства не позволяли в полной мере утверждаться основам гражданского общества. В то же время ценности общинного сознания были подорваны маргинальными городскими слоями. На историческую арену выходили массовые социальные движения «низов», которые все чаще играли заметную роль в общественной жизни страны. Невиданная доньше социальная нестабильность дополнялась появлением новых программ, партий, лидеров. Даже либералы разворачивали антиправительственные кампании. Это было проявлением растущего демократизма, который грозил перерасти в бунт [4; 10; 12–14].

Социально-политические последствия Русско-японской войны и первых революционных потрясений серьезно трансформировали российскую политическую культуру. Идея насилия была востребована массами как понятие, ведущее к обретению справедливости, правды. Радикальная политическая культура вошла в теоретическое и практическое поле. «В русском обществе пошатнулось, ослабло нравственное понимание взаимной ответственности сословий, чувство солидарности. Каждая группа населения хотела решать свои проблемы за счет других. Когда террор не осуждается одними, погромы приветствуются другими, усадьбы жгут третьи, мирные манифестации расстреливают четвертые, — тогда вывод прост: такое общество глубоко больно сверху донизу. Оно или исцелится, или обречено на гибель» [5: с. 206]. Статистика свидетельствует, что только за год — с октября 1905 года — было убито и ранено 3611 государственных чиновников. За 1906–1908 годы совершено: покушений — 26 268; убито должностных и частных лиц — 6 091; ранено — более 6 000; ограблено — более 5 000 человек. Жертвами терактов, организованных только партией социалистов-революционеров за 10 лет (с 1901 по 1911 годы), стали 2 министра, 33 генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, начальников окружных отделений, полицмейстеров, прокуроров и их помощников, начальников сыскных отделений, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 8 присяжных поверенных, 26 агентов полиции.

Кроме того, стремительными темпами усиливалась десакрализация монархической власти. Монархический дух хирел, а между тем именно он отождествлял в политическом сознании образ власти. В поисках народной поддержки царствующий дом Романовых пытался уменьшить пропасть между императором и подданными, однако эти попытки к 1913 году лишь довершили начавшийся процесс. Автор вышедшей к 300-летию царствующего дома Романовых официальной популярной биографии «Царствование Государя Императора Николая Александровича», профессор генерал-майор А.Г. Ельчанинов

представил императора в образе неутомимого труженика, смиренного христианина и богомольца, а А.И. Гучков, констатируя, что «никогда авторитет правительственной власти не падал так низко», пришел в то же время к следующему выводу: «Историческая драма, которую мы переживаем, заключается в том, что мы вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной власти — против носителей этой власти» [15: с. 80].

Резко повысился уровень социальных ожиданий и требований к власти. Крестьяне требовали землю и вовсе не потому, что мечтали разбогатеть, получив прирезку от помещичьих угодий, а из чувства восстановления справедливости, попранной крепостным правом, лишившим крестьян собственности в пользу дворян.

Рабочие желали достойных условий труда и уменьшения разрыва между своей заработной платой и доходом владельца предприятия, требуя рабочего контроля над предприятиями.

Земская интеллигенция желала превращения России в действительно конституционное демократическое государство, в котором политическая власть формируется в соответствии с волей большинства народа, а не по прихоти «исторической власти» самодержца.

Нерусские народности Империи хотели культурного, языкового и исповедного равноправия с русским народом, финны желали сохранить свою автономию, поляки мечтали ее получить, евреи — покончить с унижительными ограничениями при выборе места жительства и формы образования [6]. Общее, массовое недовольство своим положением обнаружилось почти во всех слоях населения, именно это обстоятельство позволило быстро сформироваться радикальной политической оппозиции режиму.

В политический процесс быстро вовлекались все новые и новые слои населения. Есть мнение, что европейские либеральные ценности к 1905 году уже прочно укоренились в общественном сознании России, что и подтолкнуло в первую очередь либеральную интеллигенцию к попытке адаптации института представительной парламентской демократии в лице Государственной думы к условиям Российской империи [7]. «Культуре участия» не противоречила идея земств, дискредитации власти, догоняющий вялый характер политических и экономических реформ. Поэтому появившаяся как следствие революционных потрясений Государственная дума в большей степени стала рупором народного гнева, а не опытом российского парламентаризма. Ярким примером этого является наказ крестьян села Никольского Орловского уезда в I Госдуму (июнь 1906 года): «Если депутаты не истребуют от правительства исполнения народной воли, то народ сам найдет средства и силы завоевать свое счастье, но тогда вина, что родина временно впадет в пучину бедствий, ляжет не на народ, а на само слепое правительство и на бессильную думу, взявшую на свою совесть и страх действовать от имени народа» [16: с. 271].

Более того, идея представительной демократии была почти сразу скомпрометирована и избирательными кампаниями, и самой деятельностью российского парламента. Надежды на Государственную думу в народе не могли быть устойчивыми, что очень скоро проявилось в характерном равнодушии и к выборам, и к деятельности дум. Среди либеральной общественности также царили идеи о дистанцировании от верховной власти и правительственной группы. Стать на сторону правительства в Думе означало потерять политическое кредо. Даже протесты либеральной общественности по поводу роспуска I Государственной думы, наиболее ярко проявившиеся в «Выборгском воззвании», не нашли поддержки и отклика в стране. Сюжет и последующие размышления, приводимые С.Н. Булгаковым — депутатом II Государственной думы, позволяют более глубоко осознать и понять причины этого равнодушия. «Масса же, почти вся наша интеллигенция отвернулась от простонародной “мужицкой” веры, и духовное отчуждение создано между нею и народом. Мне вспоминается по этому поводу одна случайная картинка из жизни второй Государственной Думы. В один из весенних солнечных дней, когда во время думского заседания депутаты и журналисты прогуливались в Таврическом саду, мое внимание привлекла собравшаяся группа нарядной петербургской публики из депутатов и газетных сотрудников, к чему-то прислушивавшаяся и время от времени покатывавшаяся от смеху: в середине толпы оказался забредший туда волынский крестьянин, старик, с чудным и скорбным лицом, с характерной головой, с которой можно было лепить статую апостола или писать икону. Прислушиваясь я понял, что старик рассказывает про какое-то бывшее ему видение, в котором Бог послал его возвестить народным представителям Свою волю. Речь его была сумбурна, но всякий раз, когда он возвращался к своей миссии и говорил о Боге, слова его покрывались дружным смехом, а он кротко и терпеливо, скорбя о смеющихся господах, снова начинал свою повесть. Мне было невыразимо грустно и больно наблюдать эту сцену, в которой так ярко отразилась духовная трагедия новой России, и я с горечью отошел и лишь издали долго видел благородную голову старика, старавшегося что-то разъяснить и убедить смеющуюся толпу любопытных. Впрочем, может быть, я и не вполне точно воспроизвожу эту сцену, но так я ее тогда воспринял. “Не строим ли мы Вавилонскую башню?” — тихо сказал мне бывший здесь же католический священник-депутат. Я не обманываю себя и теперь, и тоже чувствую себя отчасти в положении думского старика. Всякому, кто в наши дни перед русской интеллигенцией рискует говорить не о текущих, главным образом, политических делах, а об общих целях жизни и религиозном смысле ее, тому приходится заранее иметь против себя безличного, но могущественного и в высшей степени реального противника в духе времени» [2: с. 8].

После 1905 года политическая культура Российской империи начала XX века пополнилась идеей партийной системы в стране. Политическая партийная

палитра была очень пестрой: от черного до красного, что отражало пестроту политических пристрастий профессиональной партийной интеллигенции. Образующаяся партийная система в стране мало чего стоила, так как культура большей части политической интеллигенции Российской империи вращалась вокруг «грозных петиций» и абстрактной борьбы за всеобщее благо. Общество не могло больше терпеть авторитарный режим, а народ не был готов к гражданскому обществу. Поэтому «культура участия», идеи парламентаризма и гражданского общества, которое «участвует» в управлении государством, обнулялись взаимным отчуждением.

Сказанное в полной мере можно отнести к российской либеральной интеллигенции начала XX века. Действительно, еще до революции либералы приступили к созданию своих нелегальных органов печати, организаций. Известны факты их сотрудничества с представителями левых и даже радикальных движений. «Скандальную известность... приобрело дело Н.П. Шмита. Богатый владелец мебельной мануфактуры и родственник С. Морозова, Шмит активно сотрудничал с большевиками и снабжал их деньгами на закупку оружия во время Московского декабрьского восстания. Во время восстания участвовал в захвате полицейского участка, аресте полицейских, осквернении портрета Государя и в попытке уничтожения полицейского архива. Привлеченный к суду по статье 100 — “насильственное посягательство на изменение в России образа правления”, он в 1906 г. предпочел правосудию самоубийство. Шмит не оставил завещания, но устно говорил Горькому, что хотел бы передать свое состояние (ок. 0,5 млн рублей) большевикам» [5: с. 187].

В политической жизни либералы занимали центристскую позицию, а позицию партии кадетов можно смело назвать индикатором либеральных настроений в обществе. Либералы очень быстро набирали политический вес, избавляясь от почвеннических идей, и приспособивали на русский манер западноевропейские идеи о конституционном парламентаризме, гражданских правах и свободах, ликвидации неограниченного самодержавного режима, введении конституционно-парламентского строя, правовом государстве, гражданском обществе, демократических свободах, самоопределении народов и наций. Все это базировалось на тезисе о неизбежной капиталистической модернизации страны.

В широком культурном смысле русское либеральное политическое сознание пыталось преобразовать традиционное общество в гражданское, сохраняя монархический режим. При этом представители либеральной интеллигенции признавали за монархией способность проводить реформы в стране. Условием прогресса монархии могла стать деятельность партии кадетов в Государственной думе России. И если поначалу они не отрицали возможности созыва Учредительного собрания, то позже, по мере развития революции, перешли к осуждению насильственных методов борьбы и тактике постепенного размывания сакрального образа и престижа верховной власти. Компромисс с властью публично трактовался как предательство национальных интересов народа. Особенно воинствующие позиции заняла печать. Она, по мнению С.Ю. Витте, «совсем разнузданась,

и не только либеральная, но и консервативная. Вся пресса обратилась в революционную, в том или другом направлении, но с тождественным мотивом “долгой подлой и бездарное правительство, или бюрократию, или существующий режим, доведший Россию до такого позора”» [3: с. 186].

Когда в 1909 году вышел сборник статей «Вехи», стало ясно, что есть и другая часть русской интеллигенции — религиозно-философская, которая отошла от идей революции и занялась переосмыслением своего предназначения и отношения к народу. Авторы знаменитого издания, философы и публицисты — Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков и другие — резко критиковали леворадикальную интеллигенцию, социалистическую идеологию, призывали к идеям ненасильственного обновления власти, личной ответственности и главенства права. Наиболее резкий отпор «веховцы» неожиданно получили от лидера партии конституционных демократов П.Н. Милюкова, который считал их идеи «ядовитыми семенами, которые те бросают на чересчур, к несчастью, восприимчивую почву» [9: с. 37]. Так «веховское» религиозное возрождение русской философской мысли подвело идейное основание под либеральный консерватизм в политической теории.

Таким образом, обозначившийся в России начала XX века цивилизационный раскол, усиление этноконфессиональных и социально-политических факторов обусловили формирование конгломератного типа политической культуры. Причем речь идет не об отдельных группах и слоях населения со своими политическими ценностями и установками, а о смешении в сознании абсолютного большинства граждан страны ожиданий, норм и ценностей разных политических культур. Массовая политическая культура России не могла принять либеральную политическую идеологию. Представители либеральной интеллигенции сами были носителями конгломератной политической культуры. Ментальные «разрывы» четко определили место либеральной идеологии: она не стала определяющей даже на этапе Первой русской революции. Их влияние на избирателей, в Думе, в общественно-политической жизни страны было едва заметным, а идейный раскол среди либеральной части интеллектуальной элиты способствовал парализации работы самой Думы.

В целом либеральная политическая идеология потерпела поражение и не приобрела популярности в российском обществе, так как либеральные идеи не вписывались в традиционные ценности большей части населения страны.

Литература

1. Бердяев Н.А. Душа России. Л.: Философское общество СССР, 1990. С. 16–17.
2. Булгаков С.Н. Интеллигенция и религия. СПб.: Изд-во Олега Абышко; «Сатисъ», 2010. 304 с.
3. Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II: в 2 т. Берлин: Слово, 1922. 572 с.
4. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции / отв. ред. И.И. Минц. М.: Наука, 1966. 374 с.
5. История России. XX век: 1894–1939 / под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель: АСТ, 2009. 1023 с.

6. *Кара-Мурза С.Г.* Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века. М.: ЭКСМО, 2003. 384 с.
7. *Мальшиева О.Г.* Первые выборы в парламент Российской империи в Москве и Санкт-Петербурге // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2016. № 3 (23). С. 37–38.
8. *Мальшиева О.Г., Токарева Е.А.* Россия начала XX века на пути к гражданскому обществу // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований: материалы VIII Международной научно-практической конференции (9–10 марта). North Charleston, USA, 2016. С. 11–15.
9. *Миллюков П.Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Вопросы философии. 1991. № 1. С. 106–159.
10. Модели общественного переустройства России. XX век / Ин-т общественной мысли; авт. кол.: В.В. Зверев, Н.И. Канищева, А.Н. Медушевский [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2004. 607 с.
11. *Набокина М.Е., Смирнова Ю.В., Токарева Е.А.* Российская религиозно-философская интеллигенция как социокультурный феномен начала XX века // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований: материалы VIII Международной научно-практической конференции (9–10 марта). North Charleston, USA, 2016. С. 15–29.
12. Непролетарские партии России в трех революциях: сб. статей / отв. ред. К.В. Гусев. М.: Наука, 1989. 246 с.
13. Российский либерализм середины XVIII – нач. XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. 1087 с.
14. Российский либерализм: идеи и люди: сб. статей / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2007. 904 с.
15. *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М.: Скрипторий, 1996. 263 с.
16. *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905–1907 гг.: по материалам центральных губерний: в 2 кн. Кн. 2. М.: Ин-т российской истории РАН, 1994. 204 с.
17. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
18. *Токарева Е.А.* Культурный проект, культурная практика и дискурс о культуре и революции в Советской России 1920–30-х гг.: к постановке проблемы // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам международной научной конференции «XIV Виноградовские чтения». М.: МГПУ, 2016. С. 157–164.

Literatura

1. *Berdyayev N.A.* Dusha Rossii. L.: Filosofskoe obshhestvo SSSR, 1990. S. 16–17.
2. *Bulgakov S.N.* Intelligenciya i religiya. SPb.: Izd-vo Olega Aby'shko; «Satis'», 2010. 304 s.
3. *Vitte S.Yu.* Vospominaniya: Czarstvovanie Nikolaya II: v 2 t. Berlin: Slovo, 1922. 572 s.
4. *Erman L.K.* Intelligenciya v pervoj russkoj revolyucii / отв. ред. I.I. Mincz. М.: Nauka, 1966. 374 s.
5. Istoriya Rossii. XX vek: 1894–1939 / pod red. A.B. Zubova. М.: Astrel': AST, 2009. 1023 s.
6. *Kara-Murza S.G.* Grazhdanskaya vojna (1918–1921). Urok dlya XXI veka. М.: E'KSMO, 2003. 384 s.

7. *Maly'sheva O.G.* Pervy'e vy'bory' v parlament Rossijskoj imperii v Moskve i Sankt-Peterburge // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2016. № 3 (23). S. 37–38.
8. *Maly'sheva O.G., Tokareva E.A.* Rossiya nachala XX veka na puti k grazhdanskomu obshhestvu // Aktual'ny'e napravleniya fundamental'ny'x i prikladny'x issledovanij: materialy' VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (9–10 marta). North Charleston, USA, 2016. S. 11–15.
9. *Milyukov P.N.* Intelligenciya i istoricheskaya tradiciya // Voprosy' filosofii. 1991. № 1. S. 106–159.
10. Modeli obshhestvennogo pereustrojstva Rossii. XX vek / In-t obshhestvennoj my'sli; avt. kol.: V.V. Zverev, N.I. Kanishheva, A.N. Medushevskij [i dr.]; otv. red. V.V. Sheloxaev. M.: ROSSPE'N, 2004. 607 s.
11. *Nabokina M.E., Smirnova Yu.V., Tokareva E.A.* Rossijskaya religiozno-filosofskaya intelligenciya kak sociokul'turny'j fenomen nachala XX veka // Aktual'ny'e napravleniya fundamental'ny'x i prikladny'x issledovanij: materialy' VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (9–10 marta). North Charleston, USA, 2016. S. 15–29.
12. Neproletarskie partii Rossii v trex revolyuciyax: sb. statej / otv. red. K.V. Gusev. M.: Nauka, 1989. 246 s.
13. Rossijskij liberalizm serediny' XVIII – nach. XX veka: e'nciklopediya / otv. red. V.V. Sheloxaev. M.: ROSSPE'N, 2010. 1087 s.
14. Rossijskij liberalizm: idei i lyudi: sb. statej / pod obshh. red. A.A. Kara-Murzy'. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 904 s.
15. *Senin A.S.* Aleksandr Ivanovich Guchkov. M.: Skriptorij, 1996. 263 s.
16. *Senchakova L.T.* Prigovory' i nakazy' rossijskogo krest'yanstva. 1905–1907 gg.: po materialam central'ny'x gubernij: v 2 kn. Kn. 2. M.: In-t rossijskoj istorii RAN, 1994. 204 s.
17. Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar' / otv. red. A.O. Chubar'yan. M.: Akvilon, 2014. 576 s.
18. *Tokareva E.A.* Kul'turny'j proekt, kul'turnaya praktika i diskurs o kul'ture i revolyucii v Sovetskoj Rossii 1920–30-x gg.: k postanovke problemy' // Tekst, kontekst, intertekst: sbornik nauchny'x statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «XIV Vinogradovskie chteniya». M.: MGPU, 2016. S. 157–164.

*Yu. V. Smirnova,
E. A. Tokareva*

**Expectations, Values and Mental “Gaps”
in the Political Culture of the Russian Liberal Intelligentsia
in the Early Twentieth Century**

The topic of the article is the necessity to study such a phenomenon in the public moods of the Russian Empire of the early twentieth century as the discrepancy between the existing political expectations and the new values that began to be part of the everyday life of society together with a parliamentary system. The eclectic nature of the political culture of this period, the blending of its various strata, were reflected in the minds of the Russian liberal intelligentsia. These “mental breaks” largely determined the degree of civil conflict long before 1917.

Keywords: expectations; values and “mental breaks”; the political culture of a society; the Russian liberal intelligentsia.

**Г.Г. Касаров,
С.С. Подшибякин**

Парламентская тактика меньшевиков в годы Первой российской революции

В статье рассматривается процесс формирования тактики меньшевиков по отношению к Государственной думе в годы Первой российской революции.

Ключевые слова: Государственная дума; парламентская тактика меньшевиков.

Первая российская революция создала для социал-демократического движения новые политические условия. Лидеры меньшевизма осознали, что старый стиль работы необходимо менять: следует расширять круг вопросов, определяющих деятельность партии. Существенным отличием политического подхода меньшевиков, проявившегося с самого начала революции, было использование всех политических возможностей, включая легальные, для политической мобилизации и организации рабочего класса. Одним из средств достижения этой цели явилась парламентская тактика меньшевиков, реализованная ими в годы революции.

В 1905 году начинается сближение большевиков и меньшевиков в области практической работы, направленной на борьбу за свержение самодержавия. Результатом этого стало объединительное движение в партии, завершившееся на IV (Объединительном) съезде РСДРП в 1906 году. Однако поражение Декабрьского восстания в Москве в 1905 году заставило лидеров меньшевизма изменить тактику борьбы. Они сосредоточили свою работу в профсоюзных организациях и приняли участие в выборах и работе Государственной думы I и II созывов. Во время революции меньшевики и большевики были самостоятельными фракциями в РСДРП и вели между собой идейную борьбу [7: с. 20, 21].

Несмотря на широкий диапазон мнений, лидеры меньшевизма разработали теоретические положения о предпосылках, характере и особенностях революции 1905–1907 годов и сделали попытку реализовать их на практике. В этом отношении особое внимание они уделили стратегии и тактике политической партии в революции. Меньшевики участвовали в вооруженном восстании в Москве, работали в Московском и Петроградском советах, приняли решение участвовать в выборах в Первую и Вторую Государственные думы, сочетали легальную и нелегальную работу в массах [11: с. 144–145, 156–157].

Революция 1905–1907 годов дала огромный толчок к вовлечению в борьбу с царизмом рабочих, крестьян, интеллигенции. Начался усиленный приток в партию, возникали новые организации в различных районах страны.

Социал-демократические организации существовали в 79 губерниях и областях, в 551 населенном пункте России. К марту 1905 года в стране действовали 32 большевистских комитета и 35 групп. Меньшевики контролировали 23 комитета и 27 групп. Основное влияние меньшевиков сказывалось в Западных и Южных губерниях и на Кавказе. Кроме того, имелись комитеты, которые занимали примиренческую позицию [11: с. 115]. Таким образом, общая численность социал-демократов постоянно возрастала. Их авторитет и влияние являлись той силой, которая способствовала усилению революционной борьбы, вовлечению в движение все новых и новых отрядов трудящихся.

В начале революции встал вопрос о созыве съезда партии. Большевики приняли решение провести его в апреле 1905 года и рассмотреть все вопросы, связанные с развитием революции. Меньшевики выступили против созыва съезда РСДРП. В конце февраля 1905 года меньшевистская «Искра» опубликовала постановление Совета РСДРП против проведения очередного съезда, мотивируя решение тем, что в данный момент нет необходимости отрывать революционеров от активной работы. В принятом Советом партии постановлении утверждалось, что, созывая его, большевики ставят себя вне партии [1].

Редакция меньшевистской «Искры», узнав о решении ЦК РСДРП и Бюро комитета большинства о созыве очередного съезда, приняла специальную резолюцию. В ней отмечалось, что ЦК устранил «законную инстанцию — Совет — от дела организации съезда», уничтожил «возможность контроля над условиями созыва съезда, как формальными, так и по существу, и тем самым лишает съезд всякого характера очередного или даже экстренного партийного съезда» (РГАСПИ. Ф. 278. Оп. 1. Д. 6. Л. 17).

Меньшевики писали: «ЦК отнимает последнюю надежду по упорядочению дел в партии, созывая такой съезд, авторитет которого не может быть непререкаем ни для одной стороны. В то же время, назначив “по военному” недельный срок для созыва съезда, и, не давая возможности комитетам подготовиться к обсуждению вопросов, которые будут обсуждаться на нем, ЦК превращает съезд в бонапартистскую комедию с явным стремлением по прежнему оставить судьбу партии в руках слабо связанных с рабочей массой кружков» (РГАСПИ. Ф. 278. Оп. 1. Д. 6. Л. 17–17 об.).

Вместе с тем в своей резолюции меньшевики отметили, что съезд все равно соберется, поэтому они стали менять тактику. Редакция «Искры» предложила, чтобы на съезд были допущены представители всех течений в партии, в том числе и меньшевики, работающие в большевистских организациях. Меньшевики предупреждали членов партии: «Если съезд все же соберется без соблюдения этих требований, то необходимо будет потребовать превращение съезда в конференцию, куда имели бы доступ представители каждой организованной группы, хотя бы те, для которых это будет фактически возможно. Если предъявленное ультимативно такое требование будет отвергнуто, то приезжие делегаты должны будут организовать свою собственную конференцию» (РГАСПИ. Ф. 278. Оп. 1. Д. 6. Л. 17 об.).

Резолюция меньшевистской «Искры» послужила основанием для циркуляра, написанного Ю.О. Мартовым. В нем говорилось, что большевики созывают помимо центральных учреждений III съезд, что большинство партийных организаций «не желают в настоящий момент съезда» (РГАСПИ. Ф. 278. Оп. 1. Д. 5. Л. 9). В циркуляре отмечалось, что группа «Вперед» со своим филиальным отделением — русским бюро — является «инициатором того съезда, к которому партия обязана отнестись самым определенным образом» (РГАСПИ. Ф. 278. Оп. 1. Д. 5. Л. 11 об., 12). Однако на III съезд меньшевики прибыли. Познакомившись с его задачами, они приняли решение провести в Женеве меньшевистскую конференцию [7: с. 107–115].

Меньшевистская конференция приняла ряд постановлений, где говорилось, что они против захвата власти, что на буржуазно-демократическом этапе революции руководить массами должна либеральная буржуазия и что власть должна перейти к ней. Ориентация меньшевиков на союз с либеральной буржуазией сковывала деятельность рабочего класса России в условиях революции. Местные меньшевистские деятели вынуждены были отходить от официальной политики своего руководства, рядовые меньшевики порой с недоумением встречали руководящие указания «Искры» и Организационного комитета. Меньшевистская конференция в резолюции о власти утверждала, что социал-демократы не должны брать власть в свои руки, а должны остаться крайней оппозицией [7: с. 123].

Вопрос об участии в выборах в Государственную думу был поднят меньшевиками еще в начале лета 1905 года. 1 июня 1905 года в газете «Искра» меньшевик Ф.И. Дан опубликовал статью «К современному положению», в которой отметил, что правительство приняло решение провести выборы в законосовещательную «Булыгинскую думу». Ф.И. Дан писал, что «для успеха борьбы мы теперь же должны начать готовить рабочие массы к активному и самостоятельному выступлению в связи с созывом Государственной Думы. От созыва Думы, от способов действия ее членов будет зависеть, на сколько это выступление, направленное прежде всего против самодержавной бюрократии, будет направлено и против самой Думы. Оно поддержит решающие шаги членов Думы, и оно же сметет их вместе со старым порядком, если они вздумают вести двойную игру и идти на уступки деспотизму» [2].

Для того чтобы поддержать идею об участии в выборах в «Булыгинскую думу», меньшевики предложили лозунг о создании органов «революционного самоуправления народа», которые могли бы привести к решительной победе над самодержавием. Для этого хороши были все виды пролетарского протеста — «политические стачки, уличные демонстрации, манифестации», — и они должны быть подчинены одной общей цели: добиваться участия в выборах в Советательную думу [3].

Против участия в выборах в Государственную думу выступили делегаты учредительной Южнорусской конференции организаций «меньшинства»,

состоявшейся в Киеве в августе 1905 года. В резолюции «По поводу Государственной Думы» отмечалось, что необходимо протестовать против выборов в Государственную думу и бороться за Учредительное собрание [7: с. 138].

Всеобщая политическая стачка российского пролетариата потрясла царскую Россию. По поводу выступления российского пролетариата В.И. Ленин писал, что «*всероссийская политическая стачка* охватила на этот раз действительно всю страну...» [5: с. 2]. Политическая борьба российского пролетариата в сентябре – декабре 1905 года заставила лидеров большевиков и меньшевиков прислушаться к голосу рядовых членов РСДРП. Объединительное движение во время наивысшего подъема революции крепло и развивалось. В конце декабря под давлением рядовых членов партии был создан Объединенный ЦК РСДРП, который в январе 1906 года объявил о созыве очередного съезда партии и установил порядок выборов делегатов на съезд [7: с. 147–150].

Накануне съезда меньшевики представили свою тактику борьбы в сложившихся новых условиях. С правых позиций меньшевизма выступил Г.В. Плеханов. Он считал, что после неудачного вооруженного восстания социал-демократы должны отказаться от тактики бойкота Государственной думы, что они должны поддержать выборы, послав в Думу своих депутатов, дав им наказ активно работать в ней [4: с. 235]. Подавляющая масса меньшевиков придерживалась тактики бойкота или «полубойкота» выборов с Государственную думу, но эта тактика после декабрьского поражения была ошибочной, считал А.С. Мартынов [12: с. 197–198].

В апреле 1906 года в Стокгольме состоялся IV (Объединительный) съезд РСДРП. На съезд было избрано 112 делегатов с решающим голосом, 22 — с совещательным. Меньшевистская фракция имела 62 голоса, большевики — 46 голосов. К меньшевикам примыкали бундовцы [7: с. 481–482]. По всем основным вопросам на съезде выступили докладчики от большевиков и меньшевиков. По тактическим вопросам съезд принял в основном меньшевистские резолюции. С большим докладом на съезде по вопросу о Государственной думе выступил П.Б. Аксельрод. Была утверждена меньшевистская резолюция о Государственной думе — поддержать ее работу. Руководствуясь принятой резолюцией, меньшевики призвали рабочих включиться в выборную кампанию. Они утверждали, что конфликт Государственной думы с правительством приведет к свержению царизма. Тактика союза с либеральной буржуазией заставила меньшевистских лидеров призывать голосовать во время выборов за кадетов [12: с. 247–260, 574–575].

На выборах в первые две Государственные думы Партия конституционных демократов (Партия народной свободы), несмотря на мощный административный прессинг, оставалась абсолютным лидером в борьбе за голоса избирателей, которые только в ней видели реальную силу, способную противостоять правительственной политике [6: с. 43]. Кадетов, избранных в Государственную думу, меньшевики провозгласили лидерами общенационального

политического центра. Меншевистский ЦК стремился использовать социал-демократические партийные силы для ведения парламентских форм борьбы. С этой целью они высказывались за создание социал-демократической фракции в Думе. Избранные в Первую Государственную думу меньшевики отдали свое предпочтение кадетам [11: с. 183].

В мае 1906 года лидеры меньшевиков составили и опубликовали листовку «Резолюции о тактике по отношению к Г. Думе в настоящий момент». Они призвали всех членов партии выступить в поддержку кадетского требования «Ответственного думского министерства». Реакция на эту листовку была отрицательной. Подавляющая масса местных комитетов, в том числе и меньшевистских, отнеслась к ней отрицательно. Петербургский и Московский комитеты, Областная конференция социал-демократов Центральной России и многие другие организации осудили меньшевистскую листовку [8: с. 65].

7 июля 1906 года Николай II подписал указ о роспуске Думы. Распустив Первую Государственную думу, царское правительство объявило о выборах во Вторую Государственную думу. После июльского политического кризиса лидеры меньшевизма на страницах центрального органа РСДРП газеты «Социал-демократ» стали пропагандировать лозунг о том, что необходимо превратить Думу в «орудие революции», что для этого необходимо укрепить связи и тесное сотрудничество с кадетами, что социал-демократы и кадеты составляют «общенациональную оппозицию». Меньшевики считали, что необходимо не допустить черносотенцев в Думу. Поэтому ЦК РСДРП предложил на выборах выступить в блоке с кадетами. Именно в это время — осенью 1906 года — зимой 1907 года — лидеры меньшевизма П.Б. Аксельрод, А.Н. Потресов и солидаризировавшийся с ними с определенными оговорками Г.В. Плеханов, выступили с идеей собрать и провести рабочий съезд. По мнению П.Б. Аксельрода, рабочий съезд должен был создать широкий профессионально-политический рабочий союз. РСДРП должна была раствориться в нем [8: с. 67].

В начале зимы 1907 года в рядах РСДРП произошли существенные изменения. Так, если к началу работы IV (Объединительного) съезда партии в ее рядах было 18 тыс. меньшевиков и 13 тыс. большевиков, то к весне 1907 года соотношение сил изменилось. Большевиков насчитывалось 58 тыс. человек, меньшевиков — 45,4 тыс. человек [9: с. 19]. Большевики и меньшевики приняли решение об участии в выборах во Вторую Государственную думу. Накануне выборов большевики и эсеры заключили соглашение, создали «левый блок», который усиленно проводил своих кандидатов в Думу в крупнейших промышленных центрах России, в том числе в Петербурге и Москве. Меньшевики поддерживали кадетов. Их тактика не выдержала испытания. На многих избирательных участках рабочие голосовали против меньшевиков. Такая позиция меньшевиков в революции 1905–1907 годов исчерпала себя.

Об этом красноречиво свидетельствовали решения V съезда РСДРП, который состоялся в мае 1907 года в Лондоне. На съезде резкой критике был подвергнут отчет меньшевистского ЦК и деятельность социал-демократической фракции в Государственной думе. Главными стали вопросы об отношении к либеральной буржуазии. Большевики защищали союз рабочего класса с либеральной буржуазией, отрицали гегемонию пролетариата в буржуазной революции, отстаивали необходимость проведения рабочего съезда. Однако большинство делегатов съезда выступили против меньшевистской тактики. Используя свое преимущество и поддержку польско-литовских и латышских делегатов, большевики провели свои резолюции [10: с. 609–618]. Решениями V съезда РСДРП российские социал-демократы должны были руководствоваться в новых условиях. 3 июня 1907 года царизм разогнал Вторую Государственную думу. Началась полоса реакции. Большевики должны были выработать новую тактику борьбы, приспособиться к политическим условиям третьеиюньской монархии.

Таким образом, меньшевики, выступающие за широкое внедрение легальных методов борьбы в практику деятельности российской социал-демократии, восприняли выборы в Государственную думу как возможность реализовать эти методы на деле. В своей парламентской тактике они последовательно выступали против бойкота Государственной думы, поняли преимущества парламентской деятельности и успели принять участие в работе обоих представительных органов России периода революции 1905–1907 годов.

Литература

1. Искра. 1905. № 89. 24 февраля.
2. Искра. 1905. № 101. 1 июня.
3. Искра. 1905. № 108. 13 августа.
4. История политических партий России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.
5. Ленин В.И. Всероссийская политическая стачка // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 12. М.: Политиздат, 1968. С. 1–4.
6. Малышева О.Г. Первые выборы в парламент Российской империи в Москве и Санкт-Петербурге // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2016. № 3 (23). С. 37–44.
7. Большевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М.: РОССПЭН, 1996. 515 с.
8. Непролетарские партии России: Урок истории. М.: Мысль, 1984. 566 с.
9. Политические партии России в период революции 1905–1907 годов. Количественный анализ. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1987. 198 с.
10. Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1963. XXIII, 951 с.
11. Тютюкин С.В. Большевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.
12. Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель – май) 1906 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. LXV, 714 с.

Literatura

1. Iskra. 1905. № 89. 24 fevralya.
2. Iskra. 1905. № 101. 1 iyunya.
3. Iskra. 1905. № 108. 13 avgusta.
4. Istoriya politicheskix partij Rossii: istoriya i sovremennost'. M.: ROSSPE'N, 2000. 631 s.
5. *Lenin V.I.* Vserossijskaya politicheskaya stachka // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. 5-e izd. T. 12. M.: Politizdat, 1968. S. 1–4.
6. *Maly'sheva O.G.* Pervy'e vy'bory' v parlament Rossijskoj imperii v Moskve i Sankt-Peterburge // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2016. № 3 (23). S. 37–44.
7. Men'sheviki. Dokumenty' i materialy'. 1903 – fevral' 1917 gg. M.: ROSSPE'N, 1996. 515 s.
8. Neproletarskie partii Rossii: Urok istorii. M.: My'sl', 1984. 566 s.
9. Politicheskie partii Rossii v period revolyucii 1905–1907 godov. Kolichestvenny'j analiz. M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1987. 198 s.
10. Pyaty'j (Londonskij) s'ezd RSDRP. Protokoly'. M.: Gospolitizdat, 1963. XXIII, 951 s.
11. Tyutyukin S.V. Men'shevizm: straniczy' istorii. M.: ROSSPE'N, 2002. 560 s.
12. Chetverty'j (Ob'edinitel'ny'j) s'ezd RSDRP. Aprel' (aprel' – maj) 1906 goda. Protokoly'. M.: Gospolitizdat, 1959. LXV, 714 s.

*G.G. Kasarov,
S.S. Podshibyakin*

**Mensheviks' Parliamentary Tactics
during the First Russian Revolution**

The article deals with the process of formation of the tactics of the Mensheviks towards the State Duma during the First Russian revolution.

Keywords: State Duma; parliamentary tactics of the Mensheviks.

**И.Е. Гусева,
Т.В. Ершова**

Женская большевистская пресса в 1914–1917 годы

Статья посвящена рождению женской большевистской прессы и ее роли в объединении женщин-работниц вокруг партии большевиков в борьбе за победу Октябрьской революции 1917 года.

Ключевые слова: женская большевистская пресса; журнал «Работница»; журнал «Жизнь работницы».

Журналы, в том числе и женские, всегда являлись одним из средств массовой информации и пропаганды, оказывая влияние на общественно-политическое мнение, формируя его в соответствии с интересами определенных классов и политических партий.

В российской женской прессе начала XX века обсуждались проблемы, связанные с неравноправным положением женщин в обществе и семье. В спорах по женскому вопросу участвовали феминистки и представительницы левого крыла политических партий. Женская феминистская пресса была представлена изданиями «Женское дело» (1899–1900), «Женский вестник» (1904–1917), «Союз женщин» (1907–1909), включая региональные, — киевская «Женская мысль» (1909–1910).

Иначе обстояло дело с женской партийной прессой. Ни одна из политических партий не имела специального женского издания, которое бы было ориентировано на массовую аудиторию женщин, занятых на производстве, боролось за их права, вело партийную пропаганду и агитацию.

Большевики не выделяли женский вопрос из общих задач рабочего класса, резко отрицательно относились к самостоятельным женским организациям, считая, что борьба женщин в составе рабочего движения эффективнее борьбы феминисток. Меньшевики признавали совместную работу с женскими организациями, участвовали в работе феминистских организаций [15: с. 278]. Эсеры выступали за уравнивание гражданских прав мужчин и женщин, рассматривали женщин как участниц общей политической борьбы, но они не имели конкретной программы по женскому вопросу. Анархисты освобождение женщины «связывали с усилением ее активности в общественной и созидательной деятельности, а также в получении равных с мужчинами социальных прав. И это освобождение должно исходить не столько сверху, директивным путем, сколько снизу, от самих женщин. По их мнению, достаточно отменить государство с его аппаратом насилия и женщины займут подобающее им место» [8: с. 114].

Накануне Первой мировой войны в женском движении произошли перемены. После Ленских событий в 1912 году рабочее движение становится массовым. Участие женщин в промышленном производстве вовлекало их в рабочее движение. За равный труд с мужчинами они получали в полтора-два раза меньше. К началу 1913 года в стачечную борьбу стали включаться и работницы тех производств, которые раньше не принимали участия в стачках. Женское движение проявило себя с особой активностью в текстильной, швейной, обувной, химической отраслях промышленности Петербурга, Москвы, Костромской и Владимирской губерниях [4: с. 26].

В этой связи большевистские организации усилили работу среди женщин-работниц. Назрела необходимость в создании средств массовой информации и пропаганды, ориентированных на женскую аудиторию. Ситуация изменилась, когда В.И. Ленин выдвинул идею о создании специального женского журнала, вокруг которого могли бы объединиться трудящиеся женщины.

Процесс создания нового журнала был непростым. Членами редколлегии стали деятельницы коммунистического движения. Редакционный совет «Работницы» состоял из трех групп, находящихся в России, Париже, Кракове. В России его представляли А.И. Елизарова (Ульянова) с помощницами; в Париже — Л.Н. Сталь и И.Ф. Арманд; в Кракове — Н.К. Крупская и З.И. Лилина. В редакции шли дискуссии по содержанию журнала, структуре, направленности, организационным вопросам.

В 1913 году Н.К. Крупская наметила основные разделы журнала «Работница»: «1). Общие задачи женского социалистического движения. 2). Рабочее движение и участие работниц в различных формах... 3). Буржуазное и пролетарское женское движение. 4). Биографии. 5). Женщина и капиталистическое развитие. Женщины и семья. 6). О женском дне. 7). Русская работница» (РГАСПИ. Ф. 456. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

В декабре 1913 года Н.К. Крупской была предложена окончательная программа нового журнала, состоящего из следующих разделов: «1). Передовица — текущая политика. 2). Рабочее движение и участие работниц в различных его сторонах (полит. Р. и экон. Р.. кооперативы). 3). Условия труда работницы на фабриках, за прилавком, в мастерской, промышленности. 4). Охрана женского труда. 5). Хроника раб. и политич. 6). Иностр. отд. (борьба работниц женщин). 7). Семья и работница» (РГАСПИ. Ф. 456. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

В.И. Ленин в письме к И.Ф. Арманд, которое было написано в конце декабря 1913 года и послано из Кракова в Париж, призывал: «Беритесь энергично за женский журнал!», имея в виду подготовку издания журнала «Работница» [7: с. 243]. В начале 1914 года И.Ф. Арманд предлагала от своего имени и от имени Л.Н. Сталь проект программы первого номера «Работницы». Она писала из Парижа: «...редакционная статья, в которой в популярной форме была бы высказана цель издания журнала; статья о 9 января; работница

и страховая кампания; статья о женском быте. За эту статью берется Людмила» (РГАСПИ. Ф. 456. Оп. 1. Д. 10. Л. 2).

Журнал «Работница» вышел в свет 23 февраля (8 марта) в 1914 году как орган ЦК РСДРП, явившийся первым большевистским массовым легальным женским журналом, ставившим своей целью защиту интересов женского рабочего движения и имевшим свою собственную аудиторию — женщин-работниц. Перед подготовкой журнала в печать в помещение редакции ворвались жандармы и арестовали женщин. Только А.И. Елизарова не попала под арест, так как опоздала на собрание редколлегии. Все заботы по выходу первого номера она взяла на себя. «Этот журнал, издававшийся работницами-большевичками, сразу стал подлинным органом работниц, где они писали о своих нуждах, страданиях и борьбе, вокруг которого они объединились и организовывались. Всего этого было достаточно, чтобы журнал подвергся самым настоящим преследованиям, конфискациям, арестам и пр.» (РГАСПИ. Ф. 127. Д. 59. Л. 26–27).

Журнал начал выходить ежемесячно в Москве в издательстве «Правда». Тираж журнала составил 12 000 экземпляров. На его титульном листе было написано «Работница». Редакция журнала располагалась в Москве по адресу: Ямская ул., 6, ком. 51. Редакция была открыта в понедельник, среду и субботу от 6 до 8 часов вечера. Об этом сообщалось в первом номере журнала за 1914 год. «Работницу» печатали в типографии Р.Х. Зархи. Ее объем составлял 16 страниц. Двухнедельный журнал выходил в мягкой обложке по цене 5 копеек за экземпляр.

Первый номер журнала открывался статьей «От редакции», в которой излагались задачи по вовлечению работниц в политическую борьбу. В обращении к читательской аудитории отмечалось: «В последнее время у нас в России вопрос об организации работниц стал одним из самых насущных вопросов... работница втянута в ту борьбу, которую ведет рабочий класс за свои права... Журнал “Работница” хочет прийти ей на помощь. Он будет выяснять мало-сознательным работницам их интересы. Будет указывать на то, что интересы у них общие со всеми рабочими, со всем рабочим классом не только России, но и всех стран. “Работница” будет рассказывать о том, как объединяются рабочие повсюду для борьбы за свои права» [9: с. 1–2].

Все рубрики этого номера были посвящены знаменательной дате — Международному женскому дню. Журнал объяснял российским женщинам его значение. «...Только тогда вдохнет свободно и весело работница, когда смело и свободно будет бороться за рабочие интересы, когда добьется прав человека и гражданина. Только потому, что она самая несознательная, самая угнетенная, часто неграмотная — женщине работнице посвящается особый день» [3: с. 3].

В номере поднимались вопросы женского труда, страхования и т. д. «Работница» старалась привлечь к себе как можно больше читательниц. С этой целью журнал призывал всех, кто способен, присылать письма в редакцию

и принимать участие в их обсуждении. Н.К. Крупская обращалась к аудитории: «Пишите заметки и письма в журнал о том, что вас интересует, высказывайтесь о том, на какие темы хотите чтобы были статьи...» (РГАСПИ. Ф. 456. Оп. 1. Д. 7. Л. 6). Также издатели рассчитывали, что читательницы будут вести агитационную работу среди малосознательных женщин.

Второй номер «Работницы» посвящался условиям жизни работниц кабельного завода, женщинам-металлисткам. Не обошел вниманием журнал вопрос об отравлении на производстве женщин-галошниц в Петербурге и Риге. Также в нем содержались отчеты о проведенном Международном женском дне в России и за рубежом. Этот номер вызвал недовольство заграничной редакции, которая делала упор на идеологическую направленность издания. И.Ф. Арманд считала, что «в номере должны быть разные агитационные статейки, но должны также обсуждаться... различные формы нашей программы минимум и максимум, а то “Работница” совершенно не выполнит своей миссии социалистического воспитания работницы» (РГАСПИ. Ф. 456. Оп.1. Д. 10. Л. 4).

«Работница» вела просветительскую работу, разъясняла необходимость получения женщинами-работницами избирательных прав. И.Ф. Арманд писала: «Развивающийся капитализм втягивает женщину в промышленность. Женщина, работая на фабрике, и подвергаясь эксплуатации со стороны хозяев, начинает участвовать в борьбе рабочих с хозяевами. Кроме этого, работница лишена важного оружия политической борьбы — избирательного права». И далее она подчеркивала: «...они ей нужны не потому, что у нее есть свои особые требования, как, например, охрана материнства, охрана раннего детства, охрана женского труда, удешевление жизни, это не так, она добивается избирательных прав, чтобы подкрепить и усилить общую борьбу за все требования рабочего класса вплоть до социализма» [1].

Женщины-работницы с радостью встретили новый журнал и активно откликнулись на его появление. «Горячий наш привет журналу “Работница”. Мы уверены, что он явится верным выразителем наших нужд и интересов, и обещаем ему свою постоянную моральную и материальную поддержку. По-сылаем в фонд журнала 2 р. 74 к. Группа женщин-работниц» [12]. Надо отметить, что журнал издавался за счет взносов активных участниц рабочего движения.

Журнал «Работница» находился под пристальным вниманием полиции, следившей, чтобы в нем не звучали призывы к борьбе. Всего успело выйти семь номеров. Из них три были конфискованы цензурой. Планировалось выпустить восьмой номер, в котором редакция хотела поместить материалы о предстоящей Международной конференции женщин, но конференция не состоялась. Восьмой номер «Работницы» не вышел в связи с началом Первой мировой войны, журнал был закрыт.

После победы Февральской революции 1917 года Временное правительство объявило о свободе слова, печати, союзов, собраний. 27 апреля 1917 года

был утвержден закон о печати, который предусматривал отмену цензуры, запрет административного воздействия на прессу. Все политические партии получили возможность выпускать свою прессу. Назрела необходимость направить женское движение в политическое русло и возобновить выпуск журнала «Работница».

Издание было возобновлено с 10 (23) мая 1917 как еженедельный журнал ЦК РСДРП(б). С мая 1917 по февраль 1918 года журнал выходил еженедельно. За это время было выпущено 13 номеров тиражом около 40 000 экземпляров по цене 10 копеек за экземпляр. Первый номер «Работницы» вышел в Петрограде под редакцией К.И. Николаевой. Содержание журнала находилось под контролем А.И. Елизаровой и Л.Н. Сталь, а также представителей ЦК РСДРП.

Журнал критиковал политику Временного правительства, политические партии и организации феминисток, шла агитация под лозунгами «Хлеба!», «Мира!». Особенно серьезные разногласия были по отношению к войне. В мае 1917 года «Работница» выпустила листовку «Дороговизна и война», в которой говорилось об организации профсоюзов в деле борьбы за экономические требования: 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты, равная оплата труда. Основная идея листовки состояла в том, чтобы донести до женщин-работниц мысль о единстве войны и голода. Поэтому следовал вывод о требовании немедленно прекратить войну.

На страницах журнала «Работница» были опубликованы две статьи В.И. Ленина по острым политическим вопросам. В пятом номере журнала была напечатана статья «Есть ли путь к справедливому миру?», в которой В.И. Ленин писал: «Есть ли путь к миру без обмена аннексий (захватов), без дележа добычи капиталистами-разбойниками? Есть — через рабочую революцию против капиталистов всех стран. Россия сейчас ближе всех к началу такой революции». [5: с. 304]. Вторая статья В.И. Ленина «Три кризиса» была напечатана в седьмом номере журнала «Работница». В статье был дан анализ политической ситуации, отмечено растущее недовольство буржуазной политикой Временного правительства и неизбежность таких кризисов. [6].

Журнал пропагандировал требования программы большевиков для женщин, которые включали: 8-часовой рабочий день, запрещение ночных и сверхурочных работ, запрещение тяжелого физического труда, введение страхования, равную оплату за равный труд. Редакция сообщала, что кроме вопросов рабочего движения журнал «...займется и вопросами об условиях женского труда, об охране детства, о бесплатном образовании» [10: с. 1]. Два первых номера посвящались вопросам кооперации — создание хлебопекарен, огородов, кухонь и др., а также организация яслей, детских садов, бесплатных школ.

Одной из важных задач большевиков была агитация работниц за участие в выборах в районные и городские думы, а также в Учредительное собрание. В вопросе освобождения женщины от «домашнего рабства» предлагалась

организация яслей и детских садов. Л.Н. Сталь, агитируя женщин на выборы в районные думы весной 1917 года, объясняла им, что общественное воспитание «снимет с них огромную тягость и даст нам образованных и свободных граждан» [14: с. 7]. К.Н. Самойлова в статье «Работницы и Учредительное собрание» убеждала, что «только большевистская партия сможет провести законы по охране женского труда, страхования на случай болезни и старости, страхования материнства» [13: с. 5–6].

Для ведения активной агитации необходимо было широкое распространение журнала. Редакция призывала: «...если нам дорого пробуждение женщины-работницы, если нам дорога победа рабочего класса в Учредительном собрании, мы должны принять энергичные меры для самого широкого распространения нашего журнала». [11: с. 1–2]. Издательницы журнала выезжали на предприятия, чтобы лично встречаться с женщинами-работницами и распространять «Работницу».

Кроме «Работницы» в 1917 году у большевиков было еще одно женское издание — журнал «Жизнь работницы». Он являлся органом Московского областного бюро РСДРП. Журнал выходил в июне – июле 1917 года под редакцией И.Ф. Арманд. Его тираж составил около 15 000 экземпляров. В журнале публиковались Н.К. Крупская, А.М. Коллонтай, И.Ф. Арманд и др. Это был общественно-политический женский журнал, рассчитанный на малограмотную публику. И.Ф. Арманд писала редакционные статьи, в которых отмечала, что у работниц нет специфических интересов в пролетарской борьбе по сравнению с мужчинами, а врагами являются представители буржуазии, как женщины, так и мужчины. Она подчеркивала, что «...у буржуазной и пролетарской женщины нет общих задач, буржуазные женщины такие же эксплуататоры, такие же враги рабочего класса, как и мужчины буржуа» [2: с. 5]. Кроме статей о борьбе журнал публиковал материалы об охране труда женщин, здоровье, о воспитании детей и т. д. Свет увидело только два номера журнала. Он был закрыт из-за нехватки финансов и бумаги.

Таким образом, выход журналов «Работница» и «Жизнь работницы» свидетельствовал о стремлении большевиков привлечь женские рабочие массы к борьбе за победу революции посредством специально созданной для этого женской большевистской прессы. Первые женские большевистские журналы сыграли значительную пропагандистскую и агитационную роль в деле организации женщин-работниц и сплочении их вокруг большевистской партии.

После Октябрьской революции 1917 года «Работница» участвовала в созыве общегородской Петроградской конференции и подготовке I Всероссийского съезда работниц (1918). В связи с трудностями периода Гражданской войны издание журнала было временно прекращено с 26 января (8 февраля) 1918 года и только с января 1923 года возобновилось в Москве. Журнала «Работница» стал образцом для советской женской прессы на этапе ее становления.

Литература

1. Арманд И.Ф. Избирательные права женщин // Работница. 1914. № 3. С. 1–2.
2. Блонина Е. [Арманд И.Ф.]. Работница и Всероссийский женский съезд // Жизнь работницы. 1917. № 1. С. 5.
3. Веникова Н. Значение Женского дня // Работница. 1914. № 1. С. 3–5.
4. Лейберов А.И. Факты, события, люди. Начало «Работницы» // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 23–28.
5. Ленин В.И. Есть ли путь к справедливому миру? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 32. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 304–305.
6. Ленин В.И. Три кризиса // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 32. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 428–432.
7. Ленин В.И. Письма: ноябрь 1910 – июль 1914 // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 48. М.: Изд-во политической литературы, 1970. С. 243.
8. Орчакова Л.Г. Женщины и женский вопрос в революционной деятельности на рубеже XIX–XX веков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 1 (21). С. 112–115.
9. От Редакции // Работница. 1914. № 1. С. 1–2.
10. От Редакции // Работница. 1917. № 1–2. С. 1.
11. От Редакции // Работница. 1917. № 7. С. 1–2.
12. Письмо в редакцию // Работница. 1914. № 3. С. 8.
13. Самойлова К. Работницы и Учредительное собрание // Работница. 1917. № 11. С. 5–6.
14. Сталь Л. Что нам могут дать районные Думы // Работница. 1917. № 1–2. С. 5–7.
15. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетея, 2007. 539 с.

Literatura

1. Armand I.F. Izbiratel'ny'e prava zhenshhin // Rabotnicza. 1914. № 3. S. 1–2.
2. Blonina E. [Armand I.F.]. Rabotnicza i Vserossijskij zhenskij s'ezd // Zhizn' rabotniczy'. 1917. № 1. S. 5.
3. Venikova N. Znachenie Zhenskogo dnya // Rabotnicza. 1914. № 1. S. 3–5.
4. Lejberov A.I. Fakty', soby'tiya, lyudi. Nachalo «Rabotniczy'» // Voprosy' istorii. 1985. № 9. S. 23–28.
5. Lenin V.I. Est' li put' k spravedlivomu miru? // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. 5-e izd. T. 32. M.: Izd-vo politicheskoy literatury', 1969. S. 304–305.
6. Lenin V.I. Tri krizisa // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. 5-e izd. T. 32. M.: Izd-vo politicheskoy literatury', 1969. S. 428–432.
7. Lenin V.I. Pis'ma: noyabr' 1910 – iyul' 1914 // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. 5-e izd. T. 48. M.: Izd-vo politicheskoy literatury', 1970. S. 243.
8. Orchakova L.G. Zhenshhiny' i zhenskij vopros v revolyucionnoj deyatel'nosti na rubezhe XIX–XX vekov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2016. № 1 (21). S. 112–115.
9. Ot Redakcii // Rabotnicza. 1914. № 1. S. 1–2.
10. Ot Redakcii // Rabotnicza. 1917. № 1–2. S. 1.
11. Ot Redakcii // Rabotnicza. 1917. № 7. S. 1–2.

12. Pis'mo v redakciju // *Rabotnicza*. 1914. № 3. S. 8.
13. *Samojlova K.* *Rabotniczy' i Uchreditel'noe sobranie* // *Rabotnicza*. 1917. № 11. S. 5–6.
14. *Stal' L.* *Chto nam moguť dat' rajonny'e Dumy'* // *Rabotnicza*. 1917. № 1–2. S. 5–7.
15. *Yukina I.I.* *Russkij feminizm kak vy'zov sovremennosti*. SPb.: Aletejya, 2007. 539 s.

I.E. Guseva,
T.V. Ershova

Women's Bolshevik Press in 1914–1917

The article is devoted to the birth of a female Bolshevik press and its role in uniting women workers around the Bolshevik party in the struggle for the victory of the October revolution of 1917.

Keywords: women's Bolshevik press; the magazine "Woman worker"; the magazine "Life of a woman worker".

О.Г. Малышева,
А.В. Фатеев

Либералы и их роль в формировании Временного правительства

В статье рассматриваются вопросы возникновения, формирования и эволюции системы политических взаимоотношений Временного комитета Государственной думы и Временного правительства.

Ключевые слова: Государственная дума; парламентаризм; либералы; революция; Временное правительство.

Осенью 1916 года внутренняя ситуация в России накалилась до предела: проблемы, связанные с неудачами на фронтах Первой мировой войны, бедственным положением населения, недовольством действиями власти, усугубились противостоянием в обществе, вызванным нарастанием внутреннего кризиса. Гром разразился 1 ноября 1916 года, когда начала работу очередная сессия Государственной думы. Известное выступление с думской трибуны лидера кадетов П.Н. Милюкова, по его собственному признанию, стало «сигналом к штурму». Вопрос «Глупость или измена?», которым заканчивался каждый его выпад в сторону власти произвел эффект разорвавшейся бомбы.

Тональность диалога между верховной властью и Думой еще больше накалилась в начале работы сессии нижней палаты в феврале 1917 года. Накануне этого верховная власть попыталась укрепить свои позиции. С этой целью главу кабинета А.Ф. Трепова отправили в отставку, назначив на его место князя Н.Д. Голицына, по характеристике современников, человека «очень неприятного, надменного, ни особого ума, ни талантов, да и вообще ничего за собой не имеющего для столь высокого поста и, особенно, в столь сложное время». Назначение это было встречено общим недовольством и недоумением даже в бюрократических сферах [9: с. 230].

Депутаты в свою очередь тоже готовились к открытию очередной думской сессии, намереваясь дать правительству и верховной власти решительный бой. Они по-прежнему требовали создания министерства «общественного доверия», император по-прежнему сопротивлялся. И все же настойчивость депутатов вынудила его дать обещание явиться в Думу 22 февраля 1917 года и объявить о даровании «ответственного министерства». Однако и эта, почти призрачная, возможность изменить ситуацию была упущена. Николай II решил отложить решение этого вопроса и отбыл в Ставку. Можно предположить,

что, как это бывало и прежде, он надеялся, что брожение в верхах и в обществе как-нибудь успокоится и все останется по-прежнему. Не обошлось.

Дума между тем продолжала работать, казалось бы, в обычном режиме. «Очередное заседание 25 февраля 1917 года продолжалось всего 46 минут и закончилось в полдень. Депутаты разошлись, постановив направить в думские комиссии по городским делам и местному самоуправлению законодательное положение “О передаче дела снабжения населения продовольствием городским и земским общественным самоуправлениям” для последующего его обсуждения в общем собрании 28 февраля» [За: с. 105]. Никто и не мог предположить, что это заседание Думы окажется последним в истории думской монархии.

25 февраля 1917 года протестные настроения столицы выплеснулась на улицы. Председатель Думы М.В. Родзянко направил императору тревожную телеграмму, в которой говорилось: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано... Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Промедление смерти подобно» [6: с. 299]. Император его не услышал.

26 февраля беспорядки в Санкт-Петербурге окончательно вышли из-под контроля власти, на улицах оказались толпы взбудораженных вооруженных людей, пролилась кровь: «около 200 демонстрантов были убиты и ранены в районе Невского проспекта, беспорядки имели место и в других частях города [За: с. 105].

«Председатель Совета министров Н.Д. Голицын, получив известие о расстреле, заручился согласием императора на объявление Сенатом указа о перерыве в работе законодательных палат до апреля» [За: с. 105]. Показательно, что даже в эти дни большинство министров высказались не за роспуск Думы, а только за объявление перерыва. Казалось, что деятельность Думы можно еще реанимировать. Одновременно с роспуском законодательных палат в столице было введено осадное положение.

Можно предположить, что перерыв в заседаниях Думы был объявлен для того, чтобы избежать осуждения репрессивных действий властей с думской трибуны. Для многих депутатов перерыв в работе Думы оказался неожиданным. Так, депутат от партии кадетов С.П. Мансырев еще 27 февраля спешил на утреннее заседание Думы по вопросам бюджетной политики. В самой Думе Мансырева поразило то, что «между членами Думы, бывшими во дворце в большом числе, не было ни одного сколько-нибудь значительного по руководящей роли: ни членов президиума, ни лидеров партий, ни даже главарей Прогрессивного блока. Остальные были столько же осведомлены, сколько и я, и, несмотря на то, что в течение еще по крайней мере двух часов во дворец пришло еще много думцев, все они сообщали лишь со слов других, сами не были очевидцами, и потому положение дела в наших глазах ничуть не выяснилось» [4: с. 101–102].

Утром 27 февраля в Думе был оглашен царский указ о перерыве в заседаниях палат. Совет старейшин Государственной думы призвал депутатов не расходиться.

Следует признать, что депутаты в этот момент продемонстрировали полную растерянность. Предложения их были весьма разнообразны: от инициативы открыть заседание Думы, игнорируя указ о роспуске, до поручения президиуму Думы вместе с секретариатом организовать власть, пользующуюся доверием военачальника. Звучали планы об объявлении Думы Учредительным собранием. Ни одно из этих предложений не было принято. В результате решили не разъезжаться из Петрограда, поручить совету старейшин сформировать особый комитет и определить дальнейшую роль парламентариев в происходящих событиях.

Первая реакция депутатов на известие о роспуске Думы была вполне предсказуемой. Не решаясь предпринимать самостоятельных действий, в середине дня 27 февраля ее председатель М.В. Родзянко вместе с А.И. Гучковым обратились к верховной власти. В телеграмме, составленной ими, они пытались убедить императора, что с роспуском Думы «положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра уже будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии» [6: с. 299]. Но и на эту телеграмму ответа не было.

Последовавшие затем заседания депутатов, не подчинившихся царскому указу, в силу узаконенного перерыва в работе нижней палаты носили частный характер. Одно из таких частных совещаний избрало Временный комитет Государственной думы (далее — ВКГД) для сношения с учреждениями и отдельными лицами. Это были, по преимуществу, члены бюро Прогрессивного блока. В него вошли М.В. Родзянко, В.В. Шульгин, В.Н. Львов, Н.С. Чхеидзе, Н.В. Некрасов, П.Н. Милюков, М.А. Караулов, И.И. Дмитрюков, В.А. Ржевский, С.И. Шидловский, Б.А. Энгельгардт, А.И. Шингарев и А.Ф. Керенский. В Комитете были представлены все партии, за исключением крайне правых.

Членам нового выборного органа предстояло решить главный вопрос: вопрос о власти. Довольно трудно воссоздать правдоподобную картину событий тех дней и даже часов, в ходе которых этот вопрос обсуждался. Многочисленные воспоминания очевидцев и участников событий имеют яркую эмоциональную окраску. Однако можно предположить, что, получив возможность решать вопрос о власти, члены ВКГД растерялись. Решение вопроса о власти повисло в воздухе. Самим названием нового органа — «Временный Комитет членов Государственной думы для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями» — вошедшие в его состав депутаты как бы фиксировали намерение отказа от узурпирования власти. Название это подчеркивало непостоянный, ситуационный характер целей и задач, стоявших перед ним.

На следующий день, 28 февраля, получив из Петрограда известие о том, что восстание разгорается, войска переходят на сторону восставших, срочно необходимо ответственное министерство и только думские деятели, руководимые М.В. Родзянко, могут остановить всеобщий развал, император в телеграмме на имя последнего назначил его председателем Совета министров. Одновременно он предложил ему выехать навстречу императорскому поезду

для доклада. Позднее из объяснений представителей ближайшего окружения императора станет ясно, что имеется в виду под ответственным министерством. М.В. Родзянко предполагалось предоставить выбор только некоторых министров, а министры двора — военный, морской и иностранных дел — должны были назначаться по усмотрению государя императора, и все министерство должно было оставаться ответственным не перед Государственной думой, а перед Его Величеством. Однако даже эти половинчатые уступки императора оказались безнадежно запоздалыми. В Петрограде уже полным ходом шел процесс формирования новой власти.

При этом думские либералы, на словах всячески демонстрировавшие готовность взять власть в свои руки, на деле проявили поразительную беспомощность. Косвенным подтверждением тому служат «признания» А.Ф. Керенского, который писал о том, что всю ночь (с 27 на 28 февраля) члены Временного комитета «провели за обсуждением и спорами в кабинете председателя Думы, подвергая тщательному разбору все поступающие новости и слухи» [3: с. 125]. И это вместо принятия хоть каких-то мер по наведению порядка в городе, осуществления решительных, пусть на первых порах декларативных, шагов, словом того, чего депутаты долго и безуспешно добивались от поверженной власти. И только опасение того, что, если «мы немедленно не сформируем Временное правительство, незадолго созданный перед этим Петроградский Совет, провозгласит себя верховной властью России» [3: с. 125], заставило их действовать.

Вечером 27 февраля 1917 года председатель правительства князь Н.Д. Голицын уведомил М.В. Родзянко об уходе правительства в отставку. В момент образования Временного комитета части общества показалось, что вакуум власти вполне может быть заполнен Государственной думой. Н.Н. Таганцев, сын видного правоведа, члена Государственного совета Н.С. Таганцева, писал по этому поводу: «Первое время еще казалось, что власть, может быть, перейдет в руки Государственной думы, политическая физиономия которой была весьма умеренной». Из окна квартиры (а жил он рядом с Таврическим дворцом), он видел, что Таврический дворец «стал сперва, как бы центром движения» [8: с. 246]. Вокруг него все время двигались толпы народа. Ему вторил А.Ф. Керенский, который писал о том, что «к исходу 27 февраля... Таврический дворец стонал и вздрагивал от могучих ударов людских волн. Снаружи он более напоминал военный лагерь, нежели законодательный орган». Однако, как с горечью констатировал Н.Н. Таганцев, «очень скоро выяснилось, что возлагать надежды на это правительство не приходится, так как никакой реальной силы оно не имело и само постепенно все больше и больше попадало под власть Совета рабочих и солдатских депутатов ярко красного направления» [3: с. 124].

В первые дни своей работы Временный комитет развил бурную деятельность. Прежде всего, комитетчики озаботились установлением контроля над аппаратом государственного управления. Были сняты с должности

царские министры, которых до образования нового правительства должны были замещать комиссары из состава Думы.

Как видим, систему государственного управления Российской империи начали разрушать думские либералы. В период с 28 февраля по 2 марта ими было назначено 38 комиссаров, 33 из них — в правительственные институциональные органы [2: с. 133]. Эту практику продолжило Временное правительство, которое в первый месяц своего существования неоднократно прибегало к практике назначения комиссаров. Всего же в феврале – марте 1917 года комиссарские мандаты от Временного комитета в государственные учреждения, войсковые части, губернии и уезды получили 122 человека, включая 119 парламентариев четвертого созыва [2: с. 46–47]. Довершат уничтожение системы государственной власти и управления большевики, которые придут к власти в октябре 1917 года.

Временный комитет Государственной думы фактически стал источником власти для Временного правительства. Декларация о создании правительства от 3 марта начиналась со слов: «Временный комитет членов Государственной Думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти. Для этой цели Временный Комитет Государственной думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью...» [5: с. 123]. Первым свою подпись под данной декларацией поставил последний председатель Думы М.В. Родзянко, который полагал, что нижняя палата существует и стоит выше правительства [6: с. 13–20].

Если говорить о происхождении первого состава Временного правительства, то становится понятно, что его «думское начало» не оставляет сомнений. В состав «первого общественного кабинета» вошли Г.Е. Львов, П.Н. Милюков, А.И. Гучков, Н.В. Некрасов, А.И. Коновалов, А.А. Мануйлов, В.Н. Львов, А.И. Шингарев, А.Ф. Керенский. И в последующее время думцы и выборные члены Государственного совета являлись важным источником кадрового пополнения Временного правительства. Должности министров и их заместителей в разных составах правительства получили более 30 парламентариев.

Для либералов, принимавших непосредственное участие в отречении императора и формировании новой власти весьма важным был вопрос ее легитимности. В этой связи при составлении формулы отказа от престола Михаила Александровича думскому лидеру националистов В.В. Шульгину удалось внести указание на то, что Временное правительство возникло по почину Государственной думы. Его оппонент, кадет В.Д. Набоков, добился включения в текст документа слов о том, что правительству принадлежит «вся полнота власти», подразумевая и законодательную, и исполнительную ветви. Этот подход в деятельности правительства настойчиво проводили А.Ф. Керенский,

П.Н. Милуков, В.Н. Львов. По мере усиления позиций умеренных социалистов во Временном правительстве такой взгляд приобретал абсолютный характер.

Подведем итог. События февраля 1917 года стали звездным часом российских либералов, прежде всего тех из них, кто обладал статусом депутата Государственной думы. Позднее, оценивая свою причастность к свершившейся революции, они говорили: «Государственная дума, сконцентрировав ярким прожектором на правительстве свои лучи, выясняла с непререкаемой ясностью для всей страны дефекты этой власти, невозможность дальнейшего такого управления... И поэтому, господа, нам от этой революции не отречься, мы с ней связаны, мы с ней спаялись и несем за нее моральную ответственность». По их собственному признанию: «...случилось то, что произошло 27 февраля, — в этот момент Государственная дума впервые как народное представительство почувствовала почву под собой. Она впервые почувствовала возможность стать во главе народа» [7: с. 21–23, 44].

Нерешительность, сомнения, а возможно, и боязнь взять в эти непростые дни ответственность за страну на себя вынесли депутатов Государственной думы и ее либеральных лидеров за скобки политических событий февраля 1917 года. Никаких реальных действий в дни, когда вооруженные толпы собрались под стенами Таврического дворца и ждали, что же решат господа депутаты по вопросу о власти, Дума предпринять не решилась. Экзамен на «аттестат государственной зрелости» [7: с. 37], по их собственному признанию, Государственная дума и ее лидеры не выдержали.

Точно так же несостоятельными оказались все составы Временного правительства, которые не сумели ни придать власти характер устойчивой конструкции, ни приступить к каким бы то ни было реформам, ни выступить хотя бы с декларативными лозунгами (о войне, о земле и др.), которые так ждало российское общество. Это предопределило исход.

Литература

1. Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографический отчет. Пг.: Государственная типография, 1917. 4386 стб.
2. Журналы заседаний Временного правительства: март – октябрь 1917 года. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2001. 478 с.
3. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М.: Республика, 1993. 384 с.
- 3а. Кирьянов И.К. Государственная дума в 1917 году // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2002. Вып. 3. С. 105–115.
4. Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. 208 с.
5. Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань: Частное изд-во П.А. Трибунского, 2002. 276 с.
6. Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М.: Изд-во ИКАР, 2002. 368 с.

7. Стенографический отчет заседания членов Государственной думы первого, второго, третьего и четвертого созывов. Четверг, 27 апреля 1917 г. Пг.: Государственная типография, 1917. 44 с.

8. *Таганцев Н.Н.* Из моих воспоминаний. (Детство. Юность) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1997. 399 с.

9. *Чубинский М.П.* Год революции. (1917). (Из дневника) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1997. 399 с.

Literatura

1. Gosudarstvennaya дума. Sozy'v IV. Sessiya V. Stenograficheskij otchet. Pг.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1917. 4386 stb.

2. Zhurnaly' zasedanij Vremennogo pravitel'stva: mart – oktyabr' 1917 goda. T. 1. M.: ROSSPE'N, 2001. 478 s.

3. *Kerenskij A.F.* Rossiya na istoricheskom povorote: Memuary'. M.: Respublika, 1993. 384 s.

3а. *Kir'yanov I.K.* Gosudarstvennaya дума v 1917 godu // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2002. Vy'p. 3. S. 105–115.

4. *Mansy'rev S.P.* Moi vospominaniya o Gosudarstvennoj dume // Strana gibnet segodnya: Vospominaniya o Fevral'skoj revolyucii 1917 g. M.: Kniga, 1991. 208 s.

5. *Nikolaev A.B.* Gosudarstvennaya дума v Fevral'skoj revolyucii: ocherki istorii. Ryazan': Chastnoe izd-vo P.A. Tribunskogo, 2002. 276 s.

6. *Rodzyanko M.V.* Krushenie imperii i Gosudarstvennaya Дума i fevral'skaya 1917 goda revolyuciya. M.: Izd-vo IKAR, 2002. 368 s.

7. Стенографический отчет заседания членов Государственной думы' первого, второго, трет'его и четвртого созы'вов. Четверг, 27 апреля 1917 г. Пг.: Государственная типография, 1917. 44 с.

8. *Tagancev N.N.* Iz moix vospominanij. (Detstvo. Yunost') // 1917 god v sud'bah Rossii i mira. Fevral'skaya revolyuciya: ot novy'x istochnikov k novomu osmy'sleniyu. M.: IRI RAN, 1997. 399 s.

9. *Chubinskij M.P.* God revolyucii. (1917). (Iz dnevnika) // 1917 god v sud'bah Rossii i mira. Fevral'skaya revolyuciya: ot novy'x istochnikov k novomu osmy'sleniyu. M.: IRI RAN, 1997. 399 s.

***O.G. Malysheva,
A.V. Fateev***

Liberals and Their Role in the Formation of the Provisional Government

The article deals with the issues of origin, formation and evolution of the system of political relations between the Interim Committee of the State Duma and the Provisional Government.

Keywords: State дума; parliamentarism; liberals; revolution; the Provisional government.

А.Ф. Рагимова

Положение в Туркестанском крае к началу Первой мировой войны

Статья посвящена внутривластическому и социально-экономическому положению Туркестанского края накануне Первой мировой войны. В статье рассматривается развитие революционной ситуации в регионе после Первой русской революции.

Ключевые слова: революция; колониальная политика; национализм; генерал-губернаторство; реформа.

В период Русско-японской войны финансово-экономические проблемы, которые приходилось решать царской России, значительно осложнились. В некоторых отраслях экономики начался застой. С ухудшением жизни в стране осложнилось и положение народных масс. Военные неудачи и экономический спад обостряют революционную ситуацию не только в центре, но и окраинных регионах страны.

После Цусимского разгрома и поражения царской армии в Мукдене по всей стране обострились все противоречия, которые привели к забастовкам и волнениям среди рабочих, росту и развитию крестьянского движения, волнениям и восстаниям в армии и на флоте. Кавказ, Центральная Азия, Сибирь и Дальний Восток были охвачены антиправительственными движениями. Но, чтобы бороться с начавшейся революцией, царизму необходимо было завершить войну. В этом заключалась сложность внутреннего положения России.

Таким образом, Русско-японская война обострила революционный процесс, который привел к ослаблению Российской империи. Революция 1905 года укрепила и активизировала социально-политические силы, которые в будущем приведут к революции 1917 года, что в свою очередь станет причиной падения самодержавного строя в России [5: с. 58].

В начале XX века в составе Российской империи находилось около ста наций и народностей. Их социальное и экономическое положение, уровень развития культуры были неодинаковы. Не было и единой политики управления национальными окраинами, о чем свидетельствует анализ состояния национальных окраин России в начале XX века. Национальная политика страны зависела от степени зрелости этносов окраин, религиозного фактора, экономических показателей [3: с. 98].

К началу XX века положение на национальных окраинах стало постепенно меняться в результате реализации реформ, принятых во второй половине XIX века. Изменения сопровождались усилением национального самосознания

народов Российской империи, развитием системы образования, печати, индустриализацией. Это привело к изменению социальной структуры, образа жизни народов окраин России. Такие изменения на окраинах ускорили процесс формирования предпосылок для развития национальных движений. Все эти процессы влияли на традиционный образ жизни людей.

Национальные движения развивались неравномерно. Это зависело от многих факторов, как экономических, так и культурно-политических. В начале XX века Кавказ, Центральная Азия, Сибирь и Дальний Восток были охвачены бурными событиями как в политике, так и в экономике. В центре внимания властей были национальные элиты, которые старались изолировать от революционного движения. В такой сложной ситуации возможности правительства по реализации национальной политики были ограничены. Этим объясняется непоследовательность и противоречивость решения национального вопроса [1: с. 57]. Первая русская революция серьезно подорвала власть Российской империи не только в центре, но и на окраинах. Она показала слабость режима и наступление его скорого конца.

В начале XX века Туркестан являлся колонией российского военно-феодалного империализма, или, как считают многие специалисты, колонией чистейшего типа. Это был аграрно-сырьевой придаток царской России, рынок сбыта для ее промышленной продукции, широкое поле для приложения экспортируемых капиталов, которые направлялись не в сферу производства, а преимущественно в сферу торговли. Этот край являлся для царизма обширной колонизационной областью для выбрасывания избыточного населения метрополии и одним из источников денежных средств для казны [2: с. 128]. Все эти колониальные функции Туркестан должен был выполнять под давлением военной силы, которая была главной опорой русского царизма в Средней Азии. С момента завоевания Туркестана, особенно после Андиганского восстания 1898 года, царское правительство постоянно находилось в ожидании нового грандиозного взрыва среди мусульманского населения. Поэтому в Туркестане было сосредоточено большое количество войск и казаков. В Туркестане на 1 января 1905 года насчитывалось 45 батальонов, 48 казачьих сотен, 19 батарей и 35 команд. Это составляло в общей сложности более 63 тысяч человек [3: с. 121]. С точки зрения преданности властям все эти войска представляли пеструю картину. В то время как казачьи части были верны царизму, железнодорожные и саперные войска, напротив, были самыми неблагонадежными. Они комплектовались в основном из рабочих.

Административные преобразования в этом регионе привели к появлению новой системы управления, которая была установлена после завоевания Кавказа, — военно-народного управления. Основные принципы этой системы заключались в неделимости административной и военной власти и в концентрации ее в одних руках. Все чины военного и административного управления подчинялись военному ведомству, а также сохранялись традиционные институты самоуправления, но под контролем русской администрации.

Как отмечают исследователи, история Туркестанского генерал-губернаторства в своем развитии прошла два этапа. На первом этапе, который охватывает 1856–1886 годы, российская власть опробывала различные варианты управления этой окраиной, старалась создать систему, аналогичную остальной части империи. На втором этапе, с 1886 по 1917 годы, власти ускоренными темпами интегрировали Центральную Азию в социально-политическую систему государства и экономическую жизнь страны, используя жесткие меры [7: с. 59–60].

В конце XIX века в регион направились предприниматели. Началась активная колонизация крестьянами этих земель, которая сопровождалась сепаратистскими и антирусскими выступлениями среди мусульманского духовенства.

В 1889 году правительство России приняло положение об управлении Туркестанским краем, которое ставило местную администрацию под жесткий контроль центральной власти. Цель правительства заключалась в максимальном приближении азиатской окраины к положению внутренних губерний империи. Антироссийские настроения в Туркестанском крае стали принимать широкомасштабный характер в конце XIX – начале XX века. Восстание в Андижане заставило правительство задуматься о правильности курса, проводившегося генерал-губернатором Кауфманом, пренебрегавшим религиозным фактором, в частности исламским. Генерал-губернатор подготовил и представил доклад «Ислам в Туркестане», в котором предлагал разработать общегосударственный план в отношении к исламу в Центральной Азии. Генерал-губернатор предлагал не допускать в регионе управление со стороны мусульманского духовенства [4: с. 85].

После расследования причин и итогов Андижанского восстания правительство выдвинуло предложение об усилении русификации края. В свою очередь военный министр Куропаткин предложил ужесточить контроль за работой мусульманского духовенства. 17 апреля 1906 года Совет министров утвердил положение о передаче управления Туркестанским краем из ведения Военного министерства Министерству внутренних дел. Также было дано указание об устройстве генерал-губернаторства на общеимперских основаниях. Для подавления революционной активности населения края, правительство выработало целый комплекс мер [2: с. 258].

Из-за дальности расстояния правительство России уделяло особое внимание положению в Туркестанском округе, здесь был установлен особый контроль со стороны властей. Это объяснялось достижением России своего предела в расширении границ в начале XX века. Российские чиновники начинают тревожиться о том, что процесс модернизации и ассимиляции для большинства мусульман были безуспешными. Мусульманский социум оставался неизменным, что приводило к совместному существованию двух разных укладов — модернизированного и традиционного. Власти разрабатывали новые планы для более жесткого и прагматичного управления Туркестаном.

Правящая верхушка поставила цель превратить Туркестан в колонию с высоким доходом аналогично европейским колониям [9: с. 262].

Следует отметить, что Бухара и Хива вплоть до падения Российской империи смогли сохранить свой полунезависимый статус протекторатов. В российской печати сравнивали Бухару с французским Тунисом: «Россия должна по примеру Франции в Тунисе руководить жизнью варварской азиатской страны, а также использовать потенциал эмирата в российских интересах за счет расширения там посевов хлопка, что будет способствовать освобождению русского хлопкового рынка от американской зависимости» [3: с. 294].

В 1910 году П.А. Столыпин при обсуждении вопроса об окончательном присоединении Бухары и Хивы к России выступил против такого требования. Он считал, что эти эмираты фактически находятся в зависимости от России, поэтому не следует торопиться с официальным присоединением, так как все равно в скором времени это произойдет [10]. Другие чиновники считали, что прежде чем их присоединять, в них следует провести реформы. МИД России также выступил против безотлагательного присоединения эмиратов. Свою позицию оно объяснило угрозой осложнения отношений с Великобританией. В целях защиты подступов к Индии Великобритания бдительно следила за политикой России в Центральной Азии. Любые изменения и приближения к границе Афганистана Великобритания расценивала как угрозу своим интересам в Южной Азии. Такое положение приводило оба государства к состоянию войны. До начала Первой мировой войны эта угроза сохранялась. Начало Первой мировой войны заставило власти России отложить вопрос об эмиратах. Таким образом, в начале XX века вопрос о сращивании Туркестанского края с внутренними территориями империи стал занимать приоритетное место в политике российской власти [7: с. 68].

Необходимо отметить, что в период революции 1905–1907 годов события в Туркестане свидетельствовали о том, что между этим регионом и остальной частью империи установились тесные связи. Правительством России в отношении Туркестана был выработан новый курс в области переселенческой политики — создать на азиатской окраине империи мощный слой из русских крестьян. Такая политика, по мнению чиновников, должна была привести к дальнейшему усилению российской государственности в этом регионе. Царское правительство неслучайно решило взяться за упорядочение переселенческого дела в Туркестане именно в 1905 году. Под влиянием начавшейся революции местное национальное крестьянство начало открыто проявлять недовольство отчуждением своих земель и оттеснением его в бесплодные пустыни и горы. Военный губернатор Ферганской области в докладе на имя туркестанского генерал-губернатора в 1907 году с тревогой писал: «Переселенческое дело, начатое крайне неосторожно, находится в настоящее время в положении, которое уже привело к печальным явлениям и должно в будущем грозить осложнениями, не исключаящими возможности даже восстания». По данным Переселенческого управления, на 1 сентября 1906 года через

Челябинск в Сибирь прошло 96 561 человек переселенцев, часть из которых повернула затем на юг — в Центральную Азию [8: с. 60]. Следует отметить, что царизму так и не удалось создать для себя массовую опору в лице русских переселенцев в Туркестане. Этой опорой оказалась лишь кулацкая верхушка переселенцев. Самовольцы же, прибывавшие в край, и немалая часть уже устроенных переселенцев оказались не опорой царизма, а угрозой для него. Это особенно остро почувствовали царские власти в период революции 1905–1907 годов [2: с. 275].

Оппозиционность национальной буржуазии по отношению к русскому царизму и русской буржуазии проявлялась в нежелании делить с кем-либо эксплуатацию своего народа. Отсюда развитие буржуазного национализма, который проявлялся в пантюркизме, джадидизме, а также подогревался влиянием более развитой татарской и турецкой буржуазии. Вместе с тем местная национальная буржуазия прекрасно понимала, что ее благополучие было тесно связано с русскими капиталистами и во многом зависело от царских властей. Отсюда и характерная двойственность положения национальной торгово-промышленной буржуазии, которая нашла свое яркое отражение на страницах джадидистской националистической печати. Эта печать проповедовала, с одной стороны, пантюркистские идеи, ориентированные на Турцию, а с другой — превозносила русский царизм и преклонялась перед ним [9: с. 263].

Особое место в Туркестане занимала русская интеллигенция, которая частично пополнялась высланными в Туркестан «неблагонадежными» элементами. Эта интеллигенция принимала участие в революционном движении 1905–1907 годов в Туркестане, пополняя ряды эсеров, кадетов, октябристов. Их деятельность заключалась в защите общерусского дела в Туркестане. Местная национальная интеллигенция была малочисленна и сыграла незначительную роль в период революции.

Весьма многочисленное мусульманское духовенство Туркестана, под полным влиянием которого (особенно до Первой русской революции) находились широкие массы местного коренного населения, было настроено резко оппозиционно и даже враждебно по отношению к царскому самодержавию. Это объяснялось рядом мер, предпринятых правительством в целях ограничения власти духовенства [4: с. 92]. Недовольна была своим положением при царизме и многочисленная знать, оставшаяся в Туркестане от прежних ханских времен.

Представители мусульманского духовенства и бывшей ханской знати неоднократно использовали в своих интересах недовольство национальных крестьянских масс против царских властей, поднимали их на восстания против царизма и руководили ими. Поэтому царские власти были вынуждены пойти на ряд уступок мусульманскому духовенству: был снят запрет с паломничества в Мекку, власти стали рассматривать вопрос об устройстве в крае духовного управления мусульман и другие [4: с. 153].

Следует также отметить, что Туркестан с момента его завоевания служил местом ссылки для всевозможных политически неблагонадежных элементов,

особенно политических преступников. Широкий размах высылка политических преступников приняла в 1903 и 1904 годах, а также во время Первой русской революции. Особенно много их оседало в рабочих центрах — Ташкенте, Ашхабаде, Перовске и др. Ссылнопоселенцы сыграли большую роль в подготовке и проведении революции 1905–1907 годов в Туркестане. Туркестан был значительно отдален и отрезан от основных центров революционной борьбы в России. Это приводило к его изолированности. Поэтому основное влияние во время революции шло в Туркестан со стороны Кавказа, в частности Баку.

Революционные потрясения и внутренняя нестабильность к 1909 году привели к тяжелейшему положению в крае. Несовершенство административной системы Туркестанского округа и чистка местной администрации обостряли социально-экономическое и политическое положение края.

В 1912 году главный управляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин посетил Туркестанский край. После этого визита правительство сформулировало свою позицию в отношении региона. Суть ее заключалась в сохранении системы военного управления краем, так как введение системы общегражданского управления, которое предполагалось ранее, представлялось правительству отдаленным и второстепенным. «Видя воочию подавляющее пока в Туркестане преобладание туземной стихии, невольно чувствуешь, что здесь еще место русскому военному лагерю, это — этап победного шествия России в Центральную Азию...» [5: с. 78].

Перед началом Первой мировой войны власти решили ускорить процесс интеграции Туркестанского края в общероссийское пространство. Правительство разработало специальный план по расширению полномочий генерал-губернатора. Была пересмотрена также система управления в отдельных районах края, в частности усилены штаты местной администрации. Таким образом, перед распадом Российской империи власти разрабатывали план по сближению Туркестанского края с общим российским пространством, но при этом не предусматривали полную его интеграцию.

Участие России в Первой мировой войне повлияло на положение в Средней Азии. Следует отметить, что в связи с некоторыми уступками, которые были предприняты накануне войны властями, знать и мусульманское духовенство поддержали «белого царя», несмотря на все усилия османского правительства привлечь на свою сторону мусульман России. Положение в регионе дестабилизировала деятельность джадидов, что вызывало беспокойство властей в крае. Они пропагандировали идею интеграции всех мусульман на основе идеологии пантюркизма и призывали мусульман края выйти из состава Российской империи. Основными инициаторами этих проектов были младотурки Османской империи. Их идеологию в России активно продвигало татаро-тюркское общественное движение. Большинство из просвещенной элиты Центральной Азии более склонялись к тому, чтобы мусульман Туркестана называли тюрками, а не узбеками. Как отмечает С.Н. Абашин, «даже

этноним “узбеки” туркестанские джадиды связывали с восточной ветвью единого тюркского народа» [2: с. 68]. Пропаганда единства всех тюрков под эгидой Османской империи была главной целью организации, созданной в Стамбуле националистическими деятелями Средней Азии. Они также распространяли среди мусульман Востока современные знания. Следует отметить, что в регионе были сильны позиции консервативного исламского духовенства, а их поддерживали власти. Следовательно, сторонники реформ не могли здесь получить общественной поддержки для достижения своих целей. Низкий уровень национального самосознания на тот период у узбеков и таджиков не давал возможности ощутить себя отдельным этническим сообществом, поэтому они рассматривали себя туркестанцами или мусульманами. Этим объясняется и тот факт, что до 1917 года в Туркестане не сформировались национально-политические партии и движения [2: с. 71].

Начало Первой мировой войны помешало властям переустроить управление Центральной Азией. Революционные выступления охватили регион, как и всю Российскую империю. Осложнение положения армии на фронтах привело к установлению жесткого контроля правительства над производством и распределением туркестанского хлопка. Для коренного населения был введен дополнительный военный налог. Все эти меры, принятые правительством империи, привели к кризису в регионе, началом которого стало восстание 1916 года в Андижане. Причиной этого восстания стал указ Николая II о призыве населения края к тыловым работам на фронте, который был издан 25 июня 1916 года. Но при этом указ не затрагивал туркестанскую знать и духовенство, что вызвало недовольство народа и ненависть к богатым слоям [2: с. 254]. Аналогичное положение сложилось в Степном крае, на Кавказе, в некоторых районах Сибири. Восстания в отдельных областях принимали форму партизанской войны. Тем не менее в Туркестане оказалось достаточно людей, выступавших за сохранение власти «белого царя». В начале октября 1916 года власти смогли подавить восстание во всех областях Центральной Азии. Эти события еще раз продемонстрировали российским властям, насколько колониальная система слаба и что от «покорных» мусульман также может исходить угроза.

Восстание в Туркестане стало предметом обсуждения в структурах российской власти. Рассматривались и выявлялись причины, приведшие к столь ожесточенному противостоянию народа властям. В результате были сделаны следующие выводы: разорение дехкан Туркестана из-за нехватки земли, грубая политика центральных властей, произвол и взяточничество, царившие среди чиновников на местах, — все это и стало причиной восстания. Учитывая всю сложность создавшейся обстановки, власти предприняли гибкие методы управления. Они решили смягчить режим управления и улучшить общую политическую ситуацию в регионе. Для достижения этой цели был разработан специальный план мероприятий по социально-экономическому

и политическому развитию края. План предусматривал приостановку распродажи земельных участков за долги; выяснение прав кочевого населения на участки земли; принятие мер по борьбе с дороговизной некоторых продуктов в городах; прекращение сведения личных счетов под предлогом преступления политического характера. В крае началась чистка туземной администрации, которая не поддерживала российскую власть. Правительство начало расширение политических прав местной буржуазии. После подавления восстания еще более усиливается административный и полицейский аппарат, а также власть военных. Очередная попытка интегрировать Туркестан в остальную часть России вновь закончилась неудачно. Этот регион снова остался чужой восточной окраиной Российской империи, распад которой приблизил Первая мировая война [2: с. 248].

Революционные идеи распространялись и в армейской среде Туркестанского края. В военно-стратегическом отношении Туркестанский военный округ занимал особое положение. Средняя Азия была объектом экспансионистских устремлений Англии. Взаимоотношения между Россией и Англией были особенно острыми и напряженными накануне и в период Русско-японской войны.

Служба солдат в частях Туркестанского военного округа была очень тяжелой. Солдаты в большей своей части размещались в землянках и палатках. Среднеазиатский климат пагубно влиял на здоровье солдат, которые прибывали из других областей России. Медицинское обслуживание было на низком уровне. Провиантское довольствие солдат было очень плохим. Солдаты царской армии были политически бесправны, задавлены неограниченной властью офицеров.

В Туркестанском военном округе ведущую роль в революционном движении играли железнодорожные войска, которые обслуживали среднеазиатскую железную дорогу, построенную в период присоединения Средней Азии к России. Закаспийские железнодорожные батальоны были сведены в Туркестанскую железнодорожную бригаду. Дорога была милитаризована. Командир железнодорожной бригады был в то же время и начальником дороги.

По социальному составу железнодорожные войска были преимущественно пролетарскими. Комплектовались железнодорожные батальоны рабочими фабрик и заводов, портовыми рабочими и главным образом железнодорожными, так как железнодорожные войска представляли собой специальный род технических войск, связанных со службою на железных дорогах. Командир туркестанской железнодорожной бригады в своей записке о реорганизации бригады отмечал, что «железнодорожные батальоны обслуживают дорогу только теми специалистами, которые приходят таковыми на военную службу» [3: с. 278].

По характеру службы солдаты железнодорожных батальонов тесно общались с рабочими, они не были так изолированы от гражданского населения, как в других родах войск. Совместная работа сближала солдат и рабочих.

У солдата-железнодорожника и рабочего-железнодорожника были общие интересы, материальные нужды, они вместе переносили произвол по службе, их одинаково давил гнет самодержавия и капитала. Таким образом, наиболее революционным элементом в войсках Туркестанского военного округа были солдаты железнодорожных батальонов.

Революционные настроения в войска округа проникали через политических ссыльных. Туркестан был местом ссылки революционеров. Солдаты, пришедшие на военную службу с революционным настроением, были первыми пропагандистами и агитаторами в армии. Они выступали организаторами военных социал-демократических кружков. Одной из первых социал-демократических групп среди солдат частей округа была ашхабадская, которая возникла в 1904 году в Туркестанской железнодорожной бригаде. Эта группа держала связь с Красноводским и Бакинским комитетами РСДРП и получала отсюда нелегальную литературу [3: с. 280].

Власти принимали меры к подавлению революционной агитации. Они требовали от командования полной изолированности солдат бригады от влияния железнодорожных рабочих. Усилен был надзор за солдатами: их не выпускали из казарм. Неблагонадежных переводили в другие воинские части. Однако эти меры не дали военному начальству желаемых результатов. Революционное движение продолжало нарастать.

Социал-демократические организации Туркестана в 1906 году собрались на конференцию, где наряду с вопросами общепролетарского движения обсуждалась работа в армии. На конференции говорилось о необходимости централизовать работу военно-революционных организаций Туркестанского края. Было решено превратить «Солдатский листок “Правда”», который издавался военно-революционной организацией при Ташкентской группе РСДРП, в центральный орган всех военно-революционных организаций Туркестана [3: с. 287].

Среди стрелков, бывших в основном выходцами из крестьян, пропаганда и агитация велась по вопросам о земле. В своих требованиях солдаты выдвигали неотложность решения земельного вопроса, наделения крестьян землей.

Следует отметить, что царизм с особой жесткостью наносил свои удары по революционным силам в армии. Столыпин в циркуляре генерал-губернаторам и градоначальникам предписывал обратить внимание на недопущение революционеров в войска [7: с. 67].

Военные власти усилили репрессии в армии. Офицеры неотступно следили за каждым шагом солдат. Усилились преследования солдат: за малейшее нарушение дисциплины их подвергали арестам и отдавали под суд. За новобранцами, которые принимали участие в революционном движении еще до поступления на военную службу, устанавливали строгий надзор. Усилена была контрреволюционная пропаганда. Отдельные воинские части были расформированы. Солдаты железнодорожной бригады были обезоружены, а состав батальонов постоянно обновлялся. Но не все меры приводили к желаемым результатам.

Революционные организации продолжали вести пропаганду и агитацию в частях округа.

В конце августа 1916 года правительство начало подготовку нового проекта «О положении в Туркестане». Согласно ему край рассматривался как самостоятельная административно-территориальная единица в составе империи. Но генерал-губернатор затягивал подготовку реформ, и только к началу февраля 1917 года завершилась работа над новым положением об управлении Туркестанским округом. Но 28 февраля 1917 года в Ташкенте были получены первые известия о свержении царской власти.

Вступление России в Первую мировую войну стало началом конца существования Российской империи. Можно назвать много причин, приведших к ее распаду. Все они — экономические, социальные, идеологические, политические, цивилизационно-исторические — были взаимосвязаны, взаимозависимы. В целом происходила системная дезинтеграция Российской империи. Безусловно, к числу причин, приблизивших распад империи, могут быть отнесены недочеты национальной политики, а также проблемы управления национальными окраинами, что привело к усилению сепаратистских движений.

Литература

1. *Абашин С.Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2015. 297 с.
2. *Абашин С.Н.* Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
3. Азиатская Россия: люди и структуры империи / ред. Н.Г. Суворова. Омск: ОмГУ, 2005. 600 с.
4. *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи. М.: МПГУ, 2004. 287 с.
5. *Балакин В.И.* Причины и последствия Русско-японской войны 1904–1905 годов // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 56–61.
6. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году. Приложение к всеподданейшему отчету. СПб.: Гос. типография, 1912. 82 с.
7. *Корнеев В.В.* Управление Туркестанским краем: реальность и правовые мечтания (60-е годы XIX в. – февраль 1917 года) // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 56–70.
8. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб.: Общественная польза, 1905. 443 с.
9. Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М.: Литературное обозрение, 2004. С. 241–275.
10. *Столытин П.* Положение об управлении Туркестанского края (издание 1892 года) (извлечение) // Классики теории государственного управления: Управленческие идеи в России (сборник). URL: <http://litmir.biz/rd/46711/p1> (дата обращения: 16.01.2017).

Literatura

1. *Abashin S.N.* Nacionalizmy' v Srednej Azii: v poiskax identichnosti. SPb.: Aletejya, 2015. 297 s.

2. *Abashin S.N.* Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 464 s.
3. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury' imperii / red. N.G. Suvorova.* Omsk: OmGU, 2005. 600 s.
4. *Arapov D. Yu.* Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossijskoj imperii. M.: MPGU, 2004. 287 s.
5. *Balakin V.I.* Prichiny' i posledstviya Russko-yaponskoj vojny' 1904–1905 godov // *Novaya i novejschaya istoriya*, 2004. № 6. S. 56–61.
6. Zapiska glavnoupravlyayushhego zemleustrojstvom i zemledeliem o poezdke v Turkestanskij kraj v 1912 godu. Prilozhenie k vsepoddanejšemu otchetu. SPb.: Gos. tipografiya, 1912. 82 s.
7. *Korneev V.V.* Upravlenie Turkestanskim kraem: real'nost' i pravovy'e mechtaniya (60-e gody' XIX v. – fevral' 1917 goda) // *Voprosy' istorii*. 2001. № 7. S. 56–70.
8. *Kaufman A.A.* Pereselenie i kolonizacija. SPb.: Obshhestvennaja pol'za, 1905. 443 s.
9. *Musul'manskaya Crednyaya Aziya. Tradicionalizm i XX vek.* M.: Literaturnoe obozrenie, 2004. S. 241–275.
10. *Stoly'pin P.* Polozhenie ob upravlenii Turkestanskogo kraja (izdanie 1892 goda) (izvlechenie) // *Klassiki teorii gosudarstvennogo upravleniya: Upravlencheskie idei v Rossii (sbornik)*. URL: <http://litmir.biz/rd/46711/p1> (data obrashhenija: 16.01.2017).

A.F. Ragimova

The Situation in the Turkestan Territory up to the Beginning of the First World War

The article is devoted to internal political and socio-economical situation of Turkestan Territory on the eve of the First World War. In the article the development of revolutionary situation in the region after the First Russian revolution is considered.

Keywords: revolution; colonial policy; nationalism; general governorship; reform.

Н.И. Музафарова

Религиозные организации в условиях Российской революции

В статье рассматриваются принципиальные позиции основных конфессиональных организаций в условиях революционных катаклизмов России. Показаны процессы взаимоотношения РПЦ, мусульманских и сектантских организаций с правительственными органами в целях адаптации и сохранения социального статуса в новых условиях.

Ключевые слова: революция; Русская православная церковь (РПЦ); исламские организации; сектанты; закон о свободе совести.

В 1917 году произошли радикальные изменения во всех сферах жизни страны. Сложными и трудными явились взаимоотношения новой власти с конфессиональными организациями. До революции Русская православная церковь (РПЦ) занимала в системе государственных структур ключевые позиции в сферах идеологического воздействия на народные массы, образования, воспитания, записи актов гражданского состояния и др. Большинство религиозных организаций, функционирующих на территории России, имели статус юридического лица и обладали значительной собственностью в виде материального, экономического и финансового капитала.

Отречение императора Николая II в ходе Февральской революции привело к изменению политического положения в стране, а вместе с тем и статуса РПЦ. Временное правительство, учитывая симбиоз Церкви и самодержавия, ограничило православную церковь в ее действиях. Временное правительство поставило новых людей на высшую должность РПЦ: обер-прокурором Священного синода вначале назначили В.Н. Львова, а через три месяца — А.В. Карташова. Новоявленные министры увольняли неугодных правительству церковных иерархов, изымали церковно-приходские школы (в общей сложности около 37 тысяч) из Духовного ведомства и передавали их в ведение Министерства просвещения. В июле 1917 года Временное правительство опубликовало «Закон о свободе совести», в котором заявляло о праве религиозного самоопределения всех людей с 14 лет или индифферентного отношения к религии. Заметим, в западных странах

подобный закон был провозглашен в период буржуазных революций. Закон о свободе совести утверждал равенство всех религий, предоставлял свободу вероисповедания или неприятия религии всем гражданам России в условиях нового политического режима.

Принципы свободы совести означали отстранение религиозных учреждений от вмешательства в государственные дела при сохранении статуса юридического лица конфессий и свободного их функционирования для удовлетворения интересов верующих разных вероисповеданий. В России религиозный вопрос приобрел остроту в силу специфики ее политического, экономического и социального развития. Поэтому проблемы взаимоотношения религии, государства и верующих затрагивались в ходе революционных событий и окончательно были решены после установления советской власти.

Расслоение общества, возникновение многочисленных политических партий с программными установками на переустройство государственно-общественной жизни органически включали изменения положения религиозных организаций. Буржуазные партии высказывались за осуществление принципов свободы совести и равноправие всех конфессий аналогично опыту буржуазных реформ Запада. Социалистические партии требовали проведения принципов свободы совести с ограничением функций духовных учреждений, а большевики считали необходимым искоренить религию как чуждую социализму идеологию. Монархические партии оставались на позициях официальной народности, суть которой выражалась в алгоритме «Православие, самодержавие, народность», разработанному министром просвещения С.С. Уваровым в период правления императора Николая I. С отречением царя Николая II официальная идеология и привилегированное положение Русской православной церкви закончились.

В августе 1917 года РПЦ созвала Поместный собор для решения вопросов своего дальнейшего функционирования в условиях создавшегося положения в стране. Собор не созывался почти 200 лет после упразднения Петром I должности патриарха. На соборе обсуждались стратегические и тактические вопросы поиска путей сохранения церкви в стране. Участники собора высказывали разные мнения в зависимости от поддержки политической позиции той или иной партии. Единодушным было мнение об изыскании возможности сохранения функций РПЦ. Поместный собор главной задачей объявил «укрепление клира с паствой, проявление заботы о Церкви и верующем русском человеке, болеющем за судьбы страны — Святой России» [5: с. 383]. Участники собора — архимандрит Илларион, протоиерей Шавельский, князь Е.Н. Трубецкой — заявили о необходимости консолидации сил и поддержке предстоящего Учредительного собрания, на который возлагали большие надежды.

Исторически важным решением Поместного собора явилось восстановление должности патриарха. Это было обусловлено необходимостью преодоления нарастающего раскола и кризиса РПЦ в условиях ее секуляризации.

Патриархом собор избрал митрополита Московского и Коломенского Тихона (Василия Ивановича Белавина (1865–1925)). Тихон — известный богослов, окончил Петербургскую духовную академию (1888), а в 1891 году принял постриг под именем Тихона Задонского. Он знал несколько языков, переводил богословские тексты на французский, английский и другие языки, ратовал за единение православной церкви в силу возникших разногласий с «богостроителями», «богоискателями» и растущим неверием.

Официальная интронизация патриарха Тихона проходила в ноябре 1917 года в период резких изменений социально-политического положения в стране в связи с установлением советской власти. Учитывая ситуацию, патриарх изложил свое «кредо» — пастырское видение служения Церкви и православному народу. Он говорил: «Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину!.. Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях российских, и предстоит умирание за них во вся дни... Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня... по жребию Божию» [6: с. 118].

Отношения религиозных конфессий с советскими органами носили напряженный характер, поскольку вопрос заключался в возможности существования религии в социалистическом государстве. Духовенство старалось адаптироваться к новым условиям, найти компромисс с советской властью, но в силу трудности согласования действий с революционными фанатами порой переходило к силовым методам противоборства. Иерархи Церкви уповали на Учредительное собрание, надеясь на установление легитимной власти, отвечающей интересам большинства православного народа и духовенства. Однако Учредительное собрание было разогнано советскими органами, не решив возложенные на него историей задачи.

Пришедшая к власти партия большевиков взяла курс на преодоление религиозных воззрений народа и распространение социалистического мировоззрения. Теоретические положения исходили из марксистско-ленинского определения религии как опиума народа, «духовной сивухи». По мнению некоторых ученых, истоки непримиримой позиции коммунистов к религии находились в раннем христианстве, провозгласившем постулаты равенства, братства, взаимопомощи, добра, справедливости, сострадания (концепции «христианского социализма»). Н.А. Бердяев объяснял оппозиционность большевиков к религии процессом естественного развития общества и РПЦ. Он указывал на клерикализм самодержавия, отмечал противоречивость Церкви как социального института, которая, постепенно перерождаясь, изменила первоначальным заветам и стала на путь греховности, несправедливости, оправдывая зло и насилие господствующих структур. Это привело к возникновению оппозиционных антирелигиозных настроений [2: с. 139–140].

Под влиянием революционных событий в народе проявлялся протест клерикальной власти, что привело к стихийным антирелигиозным выступлениям.

На этой волне большевистская партия стала проводить политику воинствующего атеизма. Первоначально борьба носила идеологический характер, но вскоре была перенесена в практические действия, которые сопровождались насильственным закрытием и разрушением богослужебных помещений, уничтожением религиозных аксессуаров, представлявших собой памятники культуры, гонением верующих и репрессиями духовенства.

Патриарх Тихон пытался установить лояльные отношения с Советской властью и сохранить социальный статус церковных институтов. В ноябре 1917 года православные иерархи во главе с Тихоном создали комиссию, которая, представив конкретные факты, обратилась к советскому правительству прекратить «разнузданные» действия и злодеяния революционеров по отношению к церкви, верующим и духовенству. Вместе с тем патриарх обратился к пастве с воззванием «Ко всем чадам православной Российской церкви», в котором призывал верующих воспротивиться проводимым мероприятиям советской власти. В действительности в отдельных регионах страны наступление на Церковь проводилось методом «бури и натиска» под воздействием революционной эйфории, которой была подвержена часть общества. Противоборство верующих и духовенства, с одной стороны, и революционных слоев населения — с другой, привели к поляризации сил, остро проявившейся в ходе Гражданской войны. В рядах белой армии создавались отряды верующих и священнослужителей разных вероисповеданий с соответствующей символикой (Белого креста, Зеленого знамени и др.).

Религиозная политика советской власти органически вплеталась в проводимые преобразования во всех сферах общественной жизни и фактически соответствовала принципиальным положениям отделения церкви от государства. Декретом «О земле» уничтожалось церковное и монастырское землепользование. «Декларация прав народов России» (ноябрь 1917 года) упраздняла господствующее положение РПЦ и отменяла всякие национальные и религиозные ограничения. Изданное в дополнение к Декларации обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» объявляло, что верования мусульман, их обычаи, национальные и культурные учреждения свободны и неприкосновенны [3: с. 114].

Постановление «О передаче дела воспитания и образования из Духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению» (декабрь 1917 года) вводило светскую систему обучения и воспитания, сохраняя при этом существующие учебные заведения со штатами, движимым и недвижимым имуществом. Важную роль сыграли принятые декреты ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния», которые лишали религиозные организации государственных функций делопроизводства. Приказ Народного комиссариата по военным делам (январь 1918 года) упразднял военное духовное ведомство. Одновременно Народный комиссариат призрения прекращал выдачи средств на содержание церквей и духовенства [8: с. 33].

Названные декреты и постановления лишили религиозные организации частной собственности, ряда государственных функций, прав юридического лица. Итоговым документом, регулирующим положения религиозных конфессий в условиях советской власти, явился декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (опубликован 23 января 1918 года). Декрет провозглашал принципы свободы совести, а религиозным организациям отводил место добровольных объединений верующих и духовенства. Для удовлетворения культовых потребностей населения предусматривалось использование храмов и находящихся в них аксессуаров. Однако в реальности храмы национализировались и закрывались, а их имущество изымалось, что противоречило объявленным положениям свободы совести. В связи с этим Священный синод и патриарх Тихон призвали верующих и духовенство препятствовать действиям «сатанинской» власти большевиков. В послании Тихона (январь 1918 года) говорилось о тяжелом положении «в русской земле», гонениях «на истину Христову», содержалось обращение к православным «взять меч и утвердить порядок по указанию Божии Церкви» (ГМИРА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 126. Л. 1–3).

Столкновение интересов верующих и революционеров в перипетии классовой борьбы вызвали необходимость принятия нормативных актов и инструкций по тактичному проведению декрета о свободе совести, не оскорбляя религиозных чувств. К таковым относится инструкция «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (24 августа 1918 года). В инструкции четко определялись действия по реализации принципов свободы совести, предоставляющих право свободного вероисповедания верующим в храмах, переданных на договорных условиях.

Советская власть пошла на уступки сектантским организациям, учитывая, что большинство из них при самодержавии относились к числу гонимых. Вопрос об отношении к сектантству требовал дифференцированного подхода, однако в рассматриваемый период не было возможности вникать в его социальные направления. Изучением сектантства занималась РПЦ, чтобы оградить паству от его влияния. Профессор богословия А. Куляшов провел аналитическое исследование сектантских конфессий на основе культово-богословских воззрений и разделил их на рационалистические и мистические [5]. К рационалистическим группам он отнес адвентистов, духоборов, молокан, штундо-баптистов, пашковцев, иеговистов. Ко второй, мистической, группе были отнесены хлысты, скопцы, малеванцы, лубковцы, еноховцы, иоанниты, прыгуны, мормоны, шалапутство. Данная классификация не выдерживает критики с позиций вероучения и культовых обрядов. Тем не менее для православных священнослужителей и чиновников духовного ведомства она служила информативным материалом.

В 1920-е годы появились работы советских исследователей по сектантству, отражающие их действия с сугубо классовых позиций. Руководителями сект — пресвитерами — обычно становились представители имущих слоев,

что определяло гражданские позиции последователей той или иной конфессии, а чаще просто конкретного объединения. Этим объясняется, что в годы Гражданской войны в армии белогвардейцев создавались отдельные отряды сектантов Святого Креста, Белого Знамени и др. Чтобы нейтрализовать рядовых верующих советское правительство пошло на уступки сектантам.

Декретами РСФСР (4 января 1919 года и 14 декабря 1920 года) сектанты освобождались от воинской повинности [3: с. 282]. Более того, им предоставлялась возможность создавать трудовые артели. Данные постановления импонировали населению, что привело к существенному росту сектантских организаций, равно и числа создаваемых артелей. К примеру, до революции в России было около 500 тыс. сектантов, а к середине 1920-х годов их насчитывалось до 3 млн (РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 119. Л. 10). Е.М. Ярославский объяснял рост сектантства тем, что в первые годы советской власти оно «захлестнуло середняка с его стремлениями отказаться от воинской повинности и налогов» (РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 9. Л. 13). Вхождение в сектантские организации разных страт привело к созданию наряду с реальными трудовыми объединениями ложных трудовых артелей, которые вели подрывную деятельность против советской власти. Активность по созданию сельскохозяйственных артелей проявляли евангелисты, баптисты, адвентисты и ряд старообрядческих сект. В целях адаптации к новым условиям некоторые сектантские артели заявляли о готовности вступить в партию большевиков (к примеру, секта лубковцев «Новый Израиль»).

В своей деятельности сектантские организации использовали разные методы. Баптисты и евангелисты заявляли о тождестве своих морально-этических установок с идеалами коммунизма. Акцентировали они внимание на науке. Генеральный секретарь Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов А.М. Бычков говорил: «Наука занимается изучением окружающего мира; она постигает тайны макромира, то есть космоса, вселенной; и микромира, то есть не видимого невооруженным глазом мира — строения атома и т. д. ... Законы природы убеждают нас верить в Бога, Который управляет вселенной» [1: с. 58]. Подобные мысли высказывали многие пресвитеры, вербуя молодежь. Баптисты и евангелисты использовали в целях привлечения такие формы и методы, как организация кружков кройки и шитья, хорового пения, комитетов взаимопомощи, женотделов, своеобразных читален для проповеди своего учения.

Для изучения сектантского движения из центра в регионы страны были направлены ответственные идеологические работники Ф.И. Путинцев и Е.А. Тучков. Они собрали значительный материал, выявили методы вербовки молодежи, обратили внимание на создание детских и юношеских кружков, проведение литературных вечеров, новых праздников, аналогичных советским (День урожая и др.). Сильной стороной прозелитизма сект было воздержание от алкоголя, курения, сквернословия и других пороков. Руководители

евангелистов — И.С. Проханов и его последователь Я.И. Жидков — ориентировали своих адептов на нормализацию отношений с советской властью. На X Всесоюзном съезде евангельских христиан (1927) они настаивали на выполнении гражданских обязанностей. В дальнейшем баптисты и евангелисты признали необходимость исполнения воинской службы (на трудовом фронте). Близкие по своим канонам секты объединились в 1945 году как Церковь евангельских христиан-баптистов.

Итак, политика советского государства была направлена на установление лояльных отношений с верующими разных конфессий и вовлечение их в социалистическое строительство.

С течением времени религиозная политика большевистской партии набирала обороты, детерминировалась из программных установок построения социализма и потому предусматривала освобождение людей от тотального воздействия религии. Большая часть населения страны исповедовала православие, поэтому реализация декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» касалась прежде всего РПЦ. Заметим, и осуществление декрета в полном смысле затянулось в связи с обострением Гражданской войны. Вопреки правительственной инструкции о лояльном отношении к чувствам верующих декрет проводился с явными правонарушениями. Революционные фанаты доходили до абсурдных методов ущемления чувств верующих: заколачивали двери церквей, разрушали богослужебные помещения, на глазах верующих сжигали иконы и другую церковную утварь. В связи с подобными действиями патриарх разослал послание (1.02.1918), в котором призвал паству «силой веры и всенародного возмущения пострадать за дело Христово и защитить Церковь» (ГМИРА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 97. Л. 1–3). Осуждая действия антирелигиозников и властных структур, он произнес анафему в адрес большевиков и комсомольцев за нарушение принятых советской властью принципов свободы совести. Вместе с тем в многочисленных обращениях патриарх призывал народ преодолевать изнурительные войны и губительную смуту, проникнуться христианской любовью и верой ради общественного и государственного блага.

Давление со стороны новых органов власти, порожденных революционными событиями 1917 года, испытывали исламские конфессии, по численности своих последователей занимавшие второе место после православия. На протяжении многих веков мусульмане находились под прессингом со стороны правительства. Существенно положение их изменилось с начала XX века, когда исламским лидерам удалось войти в состав четырех Государственных дум и создать свою фракцию для защиты интересов мусульманских народов.

Председатель фракции мусульман IV Государственной думы К.М. Тевкелев изыскивал возможности для сохранения культурных центров национальных меньшинств, шел на компромиссы с трудовиками и эсерами. Известны

его контакты с А.Ф. Керенским, совместные поездки в 1917 году в Туркестан и другие регионы для стабилизации недовольства мусульманского населения. Связи с лидерами политических партий способствовали регулированию взаимоотношений с противоборствующими сторонами и выработке тактики уважительного отношения к инаковерующим. В Думе Тевкелев выступал от имени депутатов нацменьшинств, требовал прекращения дискриминации, гражданского равноправия и неприкосновенности к традициям всех народов.

С прекращением полномочий IV Думы мусульманская элита возлагала надежды на Учредительное собрание. Вместе с тем исламское духовенство шло на контакты с новым правительством и старалось нормализовать взаимоотношения. Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) во главе с муфтием Галимджаном Баруди (1857–1921), своевременно заявило о признании советской власти, ее постановлений и тем самым настояло на сохранении автономии мусульман. Начало религиозной автономии мусульман было положено после Февральской революции созданием Религиозного министерства — Диния Назараты. После Гражданской войны этот орган трансформировался в ЦДУМ. В системе революционных преобразований советские органы наступали на свободы вероисповеданий и национальные традиции мусульман. В январе 1918 года для руководства мусульманскими народами, было создано Бюро коммунистов народов Востока, а для центральных районов страны — Татаро-Башкирское Уральское бюро ЦК ВКП (б) (март 1918 года).

В целях стабилизации взаимоотношений с советскими органами муфтий Баруди способствовал нейтрализации недовольства мусульманского населения нововведениями. Сложности нормализации отношений с административными органами произошли в период голода населения Поволжья в 1921–1922 годах. Правительство потребовало от муфтия организовать непосильно завышенные сборы средств с мусульман в фонд помощи голодающим. Попытки Г. Баруди отменить требования о взимании средств и без того голодающего мусульманского населения Поволжья не удалось. Он был вызван в Москву и в результате напряженных переговоров с высшим руководством окончательно подорвал здоровье и вскоре умер.

Новый муфтий Ризаутдин Фахрутдин (1859–1936) продолжил политику своего предшественника, настоятельно требовал соблюдения объявленных советской властью прав и свобод мусульман. В июне 1924 года вышло постановление президиума ЦИК РСФСР «О разрешении преподавания вероучения ислама». Данное постановление дало импульс открытию национальных школ, росту грамотности населения. В свою очередь это способствовало подготовке специалистов среднего и высшего звена в специально созданных средних специальных учебных заведениях для нацменьшинств, а также в вузах, в которые были приняты на льготных условиях группы из татар, башкир, мари, чувашей и др. В 1928 году преподавание исламского вероучения запретили, вместе с тем уничтожили фундаментальные научные сочинения

и книги, написанные арабским шрифтом. Более того, существующая арабская письменность мусульман была заменена латинской, а позже кириллицей, что привело к торможению роста грамотности мусульманского населения.

С конца 1920-х годов усилилось наступление на все религиозные конфессии. Политика государственного атеизма достигла своего пика. Проведению ее способствовала организация «Союз воинствующих безбожников», созданная по инициативе Е. Ярославского (1924). Добровольно-принудительный метод вовлечения в ячейки «безбожников» части населения, в том числе и мусульманского (организация «Дегриляр»), привел последующие поколения к отрыву от богатого пласта духовной национальной культуры, народных традиций.

Литература

1. А. М. Б. Учение о Боге // Братский вестник: журнал Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов. 1972. № 2. С. 58–63.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 453 с.
3. Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
4. Деяния Священного Собора Православной Русской Церкви. Петроград, 1918. Т. 2. 454 с.; Т. 3. 264 с.
5. Куляшов А.Г. Лекции по истории и обличению сектантства как рационалистического, так и мистического. Пермь: Типо-литография Губернского правления, 1913. 208 с.
6. Революция и церковь. 1919. № 1.
7. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. № 9.
8. Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. М.: Политиздат, 1924. 143 с.
9. Эристов А.Г. На Тобольском фронте борьбы с религией. Тобольск: Госиздат, 1929. 109 с.

Literatura

1. А. М. В. Uchenie o Boge // Bratskij vestnik: zhurnal Vsesoyuznogo soveta evangel'skix xristian-baptistov. 1972. № 2. S. 58–63.
2. Berdyayev N.A. Istoki i smy'sl russkogo kommunizma. M.: Nauka, 1990. 453 s.
3. Dekrety' Sovetskoj vlasti. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1957.
4. Deyaniya Svyashhennogo Sobora Pravoslavnoj Russkoj Cerkvi. Petrograd, 1918. T. 2. 454 s.; T. 3. 264 s.
5. Kulyashov A.G. Lekcii po istorii i oblicheniyu sektantstva kak racionalisticheskogo, tak i misticheskogo. Perm': Tipo-litografiya Gubernskogo pravleniya, 1913. 208 s.
6. Revolyuciya i cerkov'. 1919. № 1.
7. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva. 1917. № 9.
8. Shest' let nacional'noj politiki Sovetskoj vlasti i Narkomnac. M.: Politizdat, 1924. 143 s.
9. E'ristov A.G. Na Tobol'skom fronte bor'by' s religiej. Tobol'sk: Gosizdat, 1929. 109 s.

N.I. Muzafarova

**Religious Organizations
in the Conditions of the Russian Revolution**

The article considers the positions which were a matter of principle of the main confessional organizations in the conditions of revolutionary cataclysms in Russia. The processes of the relationship between the ROC, Muslim and sectarian organizations with government bodies with the aims to adapt and preserve their social status under the new conditions are shown.

Keywords: revolution; the Russian Orthodox Church (ROC); Islamic organizations; sectarians; the law on freedom of conscience.

А.В. Буданов

Правовое обеспечение деятельности ракетостроительной отрасли СССР в 1957–1962 годах¹

Правовое обеспечение ракетостроения в СССР накануне Карибского кризиса имело большое значение для развития отрасли. Советское правительство успешно справилось с этой задачей. Был создан комплекс юридических документов по различным отраслям ракетной техники. Недостатком периода явилось перенесение ответственности за принятие решения на основных исполнителей. В целом результаты правотворческой деятельности дали положительные результаты.

Ключевые слова: ракетостроение; правовая система; оборонная промышленность.

В послевоенный период в истории СССР началось становление ракетостроения — перспективной отрасли, способной произвести эффективные средства доставки атомного оружия. Угроза со стороны блока НАТО требовала от страны создания оружия сдерживания. Важность этой военной и геополитической задачи была очевидна еще при И.В. Сталине, который 13 мая 1946 года подписал знаменитое постановление Совета Министров СССР № 1017-419 сс «Вопросы реактивного вооружения». Документ объявлял «работы по развитию реактивной техники важнейшей государственной задачей». Для координации этих работ был создан Специальный комитет по реактивной технике при Совете Министров СССР во главе с Г.М. Маленковым, а также определен круг министерств, привлекаемых к производству ракет и комплектующих для них [5]. В итоге к середине 1950-х годов ракетостроение достигло в СССР заметных успехов, а прогресс в этой сфере приобрел скачкообразный характер. Новой отрасли требовалась всесторонняя правовая поддержка государства.

Система правового обеспечения ракетостроения в СССР была заложена при И.В. Сталине. Формально законы в Советском Союзе принимались Верховным Советом, но реальное политическое влияние и воля этого органа власти были ограничены. Все важнейшие нормативно-правовые акты в сфере ракетостроения принимались только ЦК КПСС и Правительством СССР. Ограничение власти Верховного Совета было заложено сталинским руководством еще при составлении Конституции 1936 года, в которой Правительство СССР

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Опыт мобилизации промышленности СССР на производство ракетной техники накануне Карибского кризиса» № 16-01-00250.

было объявлено «высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти». Верховный Совет в реальности зачастую лишь утверждал принятые партией и правительством решения. В развитии советского ракетостроения Верховный Совет принимал лишь опосредованное участие, например, утвердив заранее подготовленные в ЦК КПСС законы от 10 мая 1957 года «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» и «О внесении изменений и дополнений в текст Конституции (Основного Закона) СССР». На основе этих законов большинство отраслевых промышленных и строительных министерств ликвидировалось, а управление предприятиями передавалось созданным в регионах СССР 105 советам народного хозяйства [1: ст. 275, 276]. Также 14 декабря 1957 года указом Верховного Совета СССР после ряда обсуждений в Президиуме ЦК КПСС и правительственных комиссиях были упразднены оборонные министерства, в том числе министерство оборонной промышленности, курировавшее ракетостроение. Взамен этого министерства был создан Государственный комитет Совета Министров СССР по оборонной технике, председателем которого также указом Верховного Совета СССР был назначен А.В. Домрачев [2: ст. 631, 632].

В годы хрущевской оттепели появилось одно существенное отличие в содержании нормативно-правовых актов Правительства СССР от предыдущего периода. Ранее в постановлениях Совета Министров СССР в сфере ракетостроения было однозначно прописано, что инициатива их создания исходит от председателя правительства, который фактически брал на себя ответственность за выполнение решений. При Н.С. Хрущеве в постановлениях Совета Министров СССР вся полнота ответственности перекладывалась на основных исполнителей, которые объявлялись инициаторами того или иного решения, а правительство лишь принимало их предложения. Например, в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июня 1960 года № 715-296 «О создании мощных ракет-носителей, спутников, космических кораблей и освоении космического пространства в 1960–1967 годах» пункт 1 начинался словами «принять предложение...» и далее следовал перечень государственных комитетов, министерств и ведомств — «инициаторов» этого решения [5: с. 212]. Подобная практика, с одной стороны, позволяла снять ответственность с руководства в случае срыва запланированных часто новаторских мероприятий, с другой — она же эти срывы и порождала. Многие амбициозные конструкторы в рамках развернувшейся в начале 1960-х годов конкуренции между конструкторскими бюро за финансирование и престиж начали выдвигать фантастические и амбициозные проекты. Например, упомянутое выше постановление содержало нереальные задачи по созданию ракетносителя, способного вывести на орбиту межпланетный корабль весом 60–80 тонн. Не менее фантастические проекты выдвигал подключившийся с некоторым опозданием к «соревнованию» главных конструкторов В.Н. Челомей. Он добился

принятия постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июня 1960 года № 714-295 «О создании управляемых ракетопланов, космопланов, спутников-разведчиков и баллистических ракет с самонаведением». ОКБ-52 Госкомитета по авиационной технике в результате стало одним из участников советского ракетного проекта и получило существенное финансирование. Однако проект был заранее невыполним: было нереально создать в 1963–1965 годах такие изделия, как управляемые ракетопланы весом 10–12 тонн для борьбы со спутниками, космопланы весом до 25 тонн и стартовой массой ракетносителя 300 тонн для пилотируемых полетов на Марс, Луну и Венеру с возвращением и приземлением по самолетному типу [5: с. 253–259]. Видимо, успехи в освоении космоса вызвали у руководства страны иллюзии о возможности такого невероятного прогресса в науке и технике. При этом практика перераспределения ответственности также способствовала подобным решениям.

Во второй половине 1950-х годов начался скачкообразный рост в создании различных образцов ракетной техники. К середине 1950-х годов уже были приняты на вооружение баллистические ракеты Р-1, Р-2, Р-5 и другие. Шла разработка крылатых ракет, зенитных ракетных комплексов С-25, С-75, системы «Даль» и т. д. В 1957 году важнейшими разработками руководство СССР считало ракетные системы Р-7, Р-11, Р-12, С-75, «Буря», «Ураган-Б», «Даль», «ПРО» (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 320. Л. 32). Разрабатывались тактические ракетные комплексы, например «Луна», впоследствии завезенные на Кубу наряду с ракетами Р-12 и Р-14 в ходе Карибского кризиса. Процесс создания каждого образца ракетного оружия получал необходимое юридическое сопровождение. В итоге за несколько лет было создано несколько сотен постановлений и распоряжений Совета Министров СССР. Например, на данный момент за период 1957–1962 годов удалось выявить в архивах около 250 подобных документов, очевидно, что список неполон, так как многие материалы остаются засекреченными.

В качестве примера одного из комплексов юридических документов по истории развития ракетостроения СССР можно перечислить наиболее важные постановления правительства, связанные с созданием первой межконтинентальной баллистической ракеты Р-7. Именно благодаря разработке и испытаниям этого изделия была получена необходимая научная и конструкторская информация для освоения космоса и создания более совершенных ракет следующего поколения. Однако часть нормативно-правовых актов в этой области до сих пор остается частично засекреченной. Основным документом в этом комплексе является постановление Совета Министров СССР от 20 мая 1954 года № 956-408сс о разработке первой межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 стратегического назначения. Этот документ до сих пор не опубликован и недоступен для исследователей. Возможно, в нем содержится информация, которая актуальна для ракетостроения и в наши дни. По косвенным данным можно частично воссоздать

его содержание. Устанавливался план по созданию межконтинентальной ракеты пакетного типа компоновки, то есть одно изделие составлялось из 5 соединенных вместе ракет: первая ступень — 4 боковые ракеты, вторая ступень — большая ракета в центре [6: с. 287–288]. Максимальная дальность стрельбы ракеты планировалась на 8 000 км, минимальная — 3 500–4 000 км, максимальное отклонение от цели по дальности и направлению — ± 10 км, стартовый вес ракеты — 280 т, система управления полетом — комбинированная, помехозащищенная. Мощный двигатель ракеты должен был иметь 20 основных и 12 рулевых камер сгорания суммарной тягой 406 тонн. Подобный грандиозный проект мог быть реализован только с привлечением лучших научно-исследовательских и конструкторских предприятий страны и наиболее передовых заводов. Постановление определило головных исполнителей: разработку ракеты в целом осуществляло ОКБ-1 НИИ-88, двигатель производился в ОКБ-456, наземное оборудование — в ГСКБ специального машиностроения; термоядерный боевой заряд с автоматикой создавали КБ-11 и КБ-25 Министерства среднего машиностроения; автономную и радиотехническую системы управления — НИИ-885; гироскопы для стабилизации полета — НИИ-944; системы регуляции — ОКБ-12; силовое электрооборудование — СКБ-686 и т. д. [3: с. 469–470, 511, 912–913]. Работы были новаторскими. Даже эскизный проект ракеты был утвержден лишь через полгода после начала работ — 20 ноября 1954 года специальным распоряжением Совета Министров СССР № 12542 [5: с. 481]. Факт, что работа над ракетой Р-7 стала основой для дальнейших разработок межконтинентальных ракет, подтверждается тем, что два основных конструктора подобных изделий в те годы работали в одной организации — НИИ-88 Министерства вооружения. Директором НИИ-88 был М.К. Янгель, а главным конструктором новой ракеты — С.П. Королев.

Создание межконтинентальной ракеты требовало многочисленных затрат и нововведений. В результате Правительство СССР, обеспечивая правовую поддержку, издало ряд нормативно-правовых актов. Для разработки измерительных средств для стендовых и летных испытаний и отработки ракеты Р-7 было принято распоряжение Совета Министров СССР от 3 февраля 1955 года № 645-рс [5: с. 41]; постановление Совета Министров СССР от 31 августа 1956 года № 1239-630 утвердило состав Государственной комиссии по испытанию ракеты и т. д. Для стимулирования работников промышленности, производящих ракеты и комплектующие для них, постановлением Совета Министров СССР от 12 августа 1955 года № 1503-841 «О ходе разработки изделия Р-7» предусматривалось поощрение в размере до 2 % стоимости выполненных работ для смежных организаций, привлеченных к изготовлению ракеты Р-7 [5: с. 33, 178, 437].

Межконтинентальная ракета потребовала создания специального полигона для стрельбы. 12 февраля 1955 года было издано постановление Совета

Министров СССР № 292-181 «О новом полигоне для Министерства обороны СССР». Было принято предложение высокопоставленных военных и руководителей органов управления ракетостроением СССР — В.А. Малышева, Г.К. Жукова, А.М. Василевского, П.В. Дементьева, А.В. Домрачева и В.Д. Калмыкова — о создании в 1955–1958 годы научно-исследовательского и испытательного полигона Министерства обороны СССР для летной отработки изделий Р-7, «Буря» и «Буран» со стартовыми площадками в Кызыл-Ординской области Казахской ССР, что в районе между Н. Казалинском и Джусалы. Район падения головных частей был выбран в Камчатской области; падение первых ступеней предполагалось на территории Акмолинской области Казахской ССР около озера Тенгиз [5: с. 388–389]. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 апреля 1955 года № 827-497 «О мероприятиях по обеспечению строительства специального полигона Министерства обороны СССР» решило вопрос о выделении земель и определило объемы финансирования работ [4]. Началось строительство знаменитого полигона Тюратам (НИИП-5), известного как космодром Байконур. В дальнейшем для боевого запуска межконтинентальных ракет был решено создать еще один полигон. 11 января 1957 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании в районе ст. Плесецкая Архангельской области боевых стартовых комплексов межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 (объект «Ангара», ныне космодром «Плесецк») (<http://www.roscosmos.ru/dates/1/> (дата обращения 10.01.2017 года)). Создание ракетных полигонов, как и ракет, требовало привлечения к их производству большого количества промышленных предприятий по всей стране. Подобные мероприятия требовали издания многочисленных законодательных актов с подробными и объемными приложениями. Например, 2 июля 1958 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 725-347 «О работах по объекту “Ангара”» (ныне космодром Плесецк). Для ускорения работ и ввода в эксплуатацию боевых позиций ракет Р-7 к концу 1959 года привлекались предприятия со всего СССР: Пензенской, Сталинской, Калининской, Сумской, Харьковской, Свердловской, Брянской, Запорожской, Одесской, Горьковской областей, Москвы и Ленинграда [5: с. 673–678]. Например, завод № 192 Московского городского совнархоза выпускал аппаратуру систем радиоуправления; Ашинский завод «Электролуч» Челябинского совнархоза — средства светомаскировки (ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 47. Л. 157–158.); ВНИИКИММаш Госкомитета по автоматизации и машиностроению и машиностроительный завод им. 40-летия Октября Московского областного совнархоза разрабатывали железнодорожные кислорододобывающие заводы-поезда ЖКДЗ-2, Уралвагонзавод № 183 Свердловского совнархоза — передвижные хранилища жидкого кислорода ЖХ-2 и ЖХ-3 и т. д. (ГАСО Ф. Р-1966. Оп. 4. Д. 137. Л. 84–86).

К 1957 году появилась возможность проведения летных испытаний первой межконтинентальной ракеты. 11 января 1957 года в постановлении Совета

Министров СССР № 65-41 «О ракете Р-7» было указано начать подготовку к первым запускам изделия по предложению коллектива главных конструкторов: С.П. Королева, В.П. Глушко, М.С. Рязанского, Н.А. Пилюгина, В.И. Кузнецова, В.П. Бармина. Была утверждена программа летных испытаний, а также намечен комплекс мероприятий по подготовке полигона НИИП-5 (ныне Байконур) к их проведению [5: с. 545]. В итоге первый пуск Р-7 состоялся 15 мая 1957 года, а после серии испытаний 4 октября ракета Р-7 вывела на орбиту первый искусственный спутник Земли. Уже осенью 1957 года на повестке дня был вопрос о серийном производстве ракеты Р-7. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 сентября 1957 года № 1125-510 «О подготовке производства изделий Р-7» правительство обязало министерство авиационной промышленности совместно со Специальным комитетом Совета Министров СССР и Госпланом СССР в месячный срок определить головной завод по изготовлению изделий типа Р-7 из числа наиболее приспособленных авиационных предприятий, а также определить головной завод по изготовлению двигателей для Р-7. Министерству радиотехнической промышленности поручили определить головной завод по изготовлению средств радиоуправления изделиями Р-7. Головным заводам предполагалось передать необходимую техническую документацию [5: с. 575]. В итоге постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 2-1 от 2 января 1958 года «О головных заводах для серийного производства ракет Р-7» определило головным заводом по серийному производству ракеты Р-7 завод № 1 Куйбышевского совнархоза (ныне акционерное общество «Ракетно-космический центр «Прогресс»); головным предприятием по производству двигателей был выбран завод № 24 Куйбышевского совнархоза (ранее авиамоторный завод им. М.В. Фрунзе); заводы Харьковского совнархоза УССР назначили головными по серийному производству бортовой аппаратуры радиоуправления и бортовому автономному управлению для ракет Р-7; гироскопические приборы поставляли предприятия Государственного комитета Совета Министров СССР по судостроению [5: с. 608, 613, 737, 738]. К 1959 году отработка ракеты Р-7 была близка к завершению. К этому времени уже был разработан модернизированный вариант ракеты Р-7А. 14 марта 1959 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 227-125 «О завершении работ по изделию Р-7 и летно-конструкторским испытаниям изделия Р-7А» [5: с. 122–123]. Каждый возникавший производственный вопрос получал законодательную поддержку. Например, еще до окончания испытаний ракеты Р-7А возникли проблемы с обеспечением строительства стартовых позиций для нее. В результате 22 августа 1959 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 997-434 «Об изделии Р-7А», которое привлекло к изготовлению аппаратуры системы управления дополнительных исполнителей для помощи опытным предприятиям Государственного комитета Совета Министров СССР по радиоэлектронике: специальное конструкторское

бюро завода № 192 Московского городского совнархоза и ЦКБ-34 госкомитета по оборонной технике для переработки техдокументации; завод № 192 Мосгорсовнархоза, завод № 232 Ленинградского совнархоза, заводы № 21 и 92 Горьковского совнархоза для производства наземной аппаратуры системы радиоуправления [5: с. 832–833]. Наконец, 20 января 1960 года секретное постановление Совета Министров СССР приняло ракету Р-7 на вооружение. За это время был создан объемный комплекс юридической документации: только за период 1954–1960 годов удалось выявить более 30 постановлений и распоряжений Правительства СССР по проблеме создания этой первой в стране межконтинентальной баллистической ракеты.

С началом 1960-х годов количество юридических документов в сфере советского ракетостроения резко увеличилось, что было связано с прогрессом ракетостроительной отрасли, а также развитием космонавтики и систем противоракетной обороны. В последние годы был издан большой массив исторической литературы и сборников документов, содержащих нормативно-правовые акты в сфере космических полетов и исследований. Однако материалы о противоракетной обороне остаются малодоступными. В качестве примера юридических документов по истории создания противоракетной обороны можно привести следующие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР: от 8 апреля 1958 года № 389-185 о разработке планов и графиков пусков баллистических ракет Р-2, Р-5М и Р-12 для обеспечения испытаний объектов экспериментального комплекса противоракетной обороны в 1958–1959 годы [5: с. 728, 820]; от 7 января 1960 года № 29-9 «О создании системы противоракетной обороны Московского промышленного района» [5: с. 169]; от 16 марта 1961 года № 258-110 «О развитии работ по противоспутниковой обороне и космической разведке» [5: с. 312330] и т. д.

Кроме того, накануне Карибского кризиса советское руководство активно поддерживало работы по созданию подземных стартовых комплексов для баллистических ракет. Подобные шахтные пусковые установки в те годы считались малоуязвимыми и обеспечивающими удар возмездия, то есть рассматривались как одно из важных средств стратегического сдерживания вероятного противника наряду с ракетами на подводных лодках. С началом 1960-х годов была издана серия постановлений в этой области. Например, 30 мая 1960 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР постановлением № 560-226 обязали оборонные госкомитеты, министерства и ведомства, Академию наук, правительства союзных республик выполнить работы по созданию и строительству экспериментальных боевых шахтных стартовых систем «Шексна», «Десна», «Чусовая», «Двина» (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 80. Д. 371. Л. 13; ГАСО Ф. Р-1966. Оп. 4. Д. 518. Л. 4–6; ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 4. Д. 27. Л. 187). Затем были изданы постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 июля 1961 года № 673-282 (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 80. Д. 371. Л. 20)

и от 28 апреля 1962 года № 411-185, утвердившие комплекс мероприятий по созданию дополнительных производственных мощностей на предприятиях УССР и РСФСР для оборудования этих стартовых систем (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 80. Д. 371. Л. 145, 163).

В результате накануне Карибского кризиса в СССР был создан комплекс нормативно-правовых документов, обеспечивавший всестороннюю правовую поддержку каждого этапа создания различных оборонных ракетных систем. Каждая разработка получала необходимое правовое обеспечение. Однако недостатком правотворческой деятельности в этой сфере являлся принцип перенесения ответственности на самих исполнителей, которые объявлялись инициаторами проектов. Эта практика привела к такому негативному результату, как издание ряда невыполнимых постановлений правительства, созданных по инициативе борющихся за заказы и финансирование ракетных конструкторских бюро. Подобная практика отнимала финансирование у действительно важных разработок в ракетостроении. Однако в целом отрасль развивалась успешно, в том числе и потому, что комплекс юридических документов по проблемам ракетостроения охватывал всю полноту ведущихся разработок.

Литература

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 11. Ст. 275, 276.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 27. Ст. 631, 632.
3. Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.): сб. док. / сост.: В.И. Ивкин, Г.А. Сухина. М.: РОССПЭН, 2010. 1207 с.
4. Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964 гг. / под ред. Ю.М. Батурина. М.: Изд-во «РТСофт», 2008. 416 с.
5. Советский космос. Специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина. М.: Б. и., 2011. 720 с.
6. *Чертюк Б.Е.* Ракеты и люди. Подлипки – Капустин Яр – Тюратам. М.: Изд-во «РТСофт», 2011. 656 с.

Literatura

1. Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1957. № 11. St. 275, 276.
2. Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1957. № 27. St. 631, 632.
3. Zadacha osoboj gosudarstvennoj vazhnosti. Iz istorii sozdaniya raketno-yadernogo oruzhiya i Raketny'x vojsk strategicheskogo naznacheniya (1945–1959 gg.): sb. dok. / sost.: V.I. Ivkin, G.A. Suxina. M.: ROSSPE'N, 2010. 1207 s.
4. Sovetskaya kosmicheskaya iniciativa v gosudarstvenny'x dokumentax. 1946–1964 gg. / pod red. Yu.M. Baturina. M.: Izd-vo «RTSoft», 2008. 416 s.
5. Sovetskij kosmos. Special'noe izdanie k 50-letiyu poleta Yuriya Gagarina. M.: B. i., 2011. 720 s.
6. *Chertok B.E.* Rakety' i lyudi. Podlipki – Kapustin Yar – Tyuratam. M.: Izd-vo «RTSoft», 2011. 656 s.

A.V. Budanov

**Legal Support of Activity of Missile-Building Industry of the USSR
in 1957–1962**

Legal support of missile-building in the USSR on the eve of the Caribbean Crisis was of great importance for development of this industry. The Soviet government had successfully coped with this problem. The complex of legal documents on various branches of rocketry had been created. The disadvantage of the period was the transferring of responsibility for decision-making to the main performers. In general results of law-making activity gave positive results.

Keywords: missile-building; legal system; defence industry.

Б.С. Ляпустин

Крестьянское хозяйство в «похвале Италии» Варрона в контексте экономического закона А.В. Чаянова

В статье раскрываются причины, заставлявшие древнеримского крестьянина интенсивно возделывать свои надель. По экономическому закону А.В. Чаянова выход крестьянского хозяйства на высший уровень производства происходит под внешним давлением. Таким фактором в Древнем Риме выступал статус полноправного гражданина, на поддержание которого квириту требовались большие финансовые траты.

Ключевые слова: Древний Рим; экономика; крестьянство; экономический закон; А.В. Чаянов.

Данная статья является продолжением публикации в предыдущем номере журнала, посвященной принципам и возможностям применения экономических законов в исторических исследованиях [5]. Теперь рассмотрим, что позволяет понять экономические законы при анализе конкретных исторических источников.

В первой книге трактата Варрона «Сельское хозяйство» содержится пассаж, который получил название «похвала Италии». В нем собеседники дружно прославляют Италию, восторженно описывая возделанные нивы, виноградники и сады и полученные с них урожаи (RR I, 2, 3–7). Автор устами Агрия, одного из участников беседы, с гордостью отмечает, что «нет страны, которая была бы так обработана вся целиком»¹ (RR I, 2, 3). В этой «похвале Италии» описаны практически все регионы Апеннинского полуострова. Однако в статье представляется возможным рассмотреть лишь одну только область, расположенную на северо-востоке Италии между реками Рубикон и Эзис, которую римляне называли Галльское Поле (Ager Gallicus). На этой территории изначально обитало галльское племя сенонов, которые, как сообщает Полибий, были изгнаны из родных мест, а их земли Гай Фламиний, чтобы снискать

¹ Здесь и далее перевод М.Е. Сергеенко.

расположение рядовых граждан и вопреки воле сената, в 232 г. до н. э. поделил на участки среди римских колонистов (Polyb. 2. 21. 7–8). Земли Галльского Поля были плодородными, и колонисты, активно трудившиеся на полученных крестьянских наделах, стали получать очень высокие урожаи. Варрон упоминает в связи с этим высказывание жившего за сто лет до него Катона, который отмечал, что в Галльском Поле в некоторых местах порой «с одного югера (0,25 га) получали до десять мехов вина» (RR I, 2, 7), т. е. 5352,7 л. А в соседней Фавентинской области в долине реки По крестьяне возделывали лозу, которая называлась Катонем «трехсотница», поскольку позволяла с одного югера регулярно получать триста амфор вина (ibid.), т. е. 7879,68 л. Интересно, что сто лет спустя уже во времена Варрона, когда крестьянские хозяйства перестали играть ведущую роль в экономической жизни Рима, оттесненные на второй план более производительными рабовладельческими виллами средних размеров [3: с. 11–12; 102–103], в одном из самых доходных фавентинских имений у представителя элиты Марция Либона, лозы приносили все те же триста амфор вина с югера.

Встает закономерный вопрос: что же заставляло так интенсивно трудиться римского крестьянина и получать такие высокие урожаи, которые оказывались не ниже, чем на высокопроизводительных рабовладельческих виллах?

Как представляется, приблизиться к пониманию этого феномена позволяет закон функционирования крестьянского хозяйства, открытый известным экономистом А.В. Чаиновым. Исследуя организацию крестьянского хозяйства, он отмечал, что, какое бы значение ни придавалось «влиянию рынка, размерам землепользования, наличности средств производства и естественным условиям плодородия... технически организующим элементом всякого производственного процесса являются рабочие руки» [6: с. 214.]. Поэтому возможности трудовой активности были предопределены составом и размером семьи. Однако активность крестьянского хозяйства может иметь широкий диапазон и возможность значительно колебаться при одинаковом уровне развития производительных сил в одной природно-климатической зоне. Одно и то же крестьянское хозяйство при абсолютно одинаковых производственных условиях может функционировать как в высшем, так и низшем пределах объема ее экономической деятельности. Низший объем хозяйства возникает в условиях натурального самообеспечения крестьянской семьи и определяется той суммой материальных благ, которые ей необходимы для существования и биологического воспроизводства. Но это же самое хозяйство, если попадает в иные условия, то может достигнуть наивысшего уровня хозяйственной деятельности за счет наибольшего и интенсивного использования рабочей силы в трудовом процессе [6: с. 214, 221, 230].

Как было отмечено исследователями, крестьянское хозяйство отличается от капиталистического предприятия тем, что не стремится к максимальному использованию своих хозяйственных возможностей, а функционирует главным образом для удовлетворения своих потребностей в пределах низшего объема

[2: с. 43]. Как свидетельствуют источники и этнографический материал, интенсивность труда крестьянина возрастает при давлении на него извне, и хозяйственная деятельность сразу же сворачивается, когда это внешнее давление ослабевает. Также интенсивность крестьянского труда падает, когда надо кормить меньше ртов. Крестьяне традиционно предпочитают меньше работать, а не заниматься поиском прибыли. По данным археологических источников, после падения Древнего Рима в раннем Средневековье материальная культура отдельных районов Италии становится схожей с культурой эпохи неолита. У сельских жителей происходит переход от пашенного земледелия к мотыжному и даже к охоте и собирательству. В раннем Средневековье европейское общество предстает бедным. Правители и господствующие слои общества в это время получали сравнительно небольшую долю общественного продукта. Но и крестьяне в это время также не накапливают богатств. Это связано с тем, что крестьяне менее интенсивно и менее производительны, чем в предшествующую эпоху, работали в полях. Однако с установлением сеньориального строя с прикреплением крестьян к земле и усилением принуждения их к труду феодалами после 1000 года начинается подъем средневековой экономики [2: с. 43–45]. В условиях постоянного жесткого внешнего давления средневековое крестьянское хозяйство выходит на «наивысший предел объема» [6: с. 214] своей деятельности.

Открытый Чайновым на материале русской деревни закон функционирования крестьянского хозяйства на двух уровнях универсален. Он одинаково полно характеризует своеобразие, возможности и степень интенсивности труда крестьян, как в Европе, так и в России, как в Средневековье, так и в Древнем мире. Это позволяет поставить вопрос: с какой стороны исходило то внешнее давление, которое заставляло римского крестьянина интенсивно возделывать свой земельный участок, повышать товарность и доходность хозяйства и не переходить к низшему уровню производства?

Исходя из открытых А.В. Чайновым особенностей функционирования крестьянского хозяйства, для оценки производственного процесса у древнеримских колонистов необходимо учитывать несколько факторов: прежде всего размеры и структуру трудовой семьи, а также социально-политические условия и доминирующую в обществе систему ценностей, которые оказывали влияние на их хозяйственную деятельность.

Основной социально-экономической ячейкой древнеримского общества была фамилия, которая обладала рядом отличий от первичных ячеек в других докапиталистических обществах. Прежде всего, если во всех цивилизациях моногамная семья составляла первичную социально-экономическую ячейку общества, то в латинском языке не возникло самостоятельного термина, обозначающего только семью. Термин *familia* имеет более широкий смысл: это все лица, как свободные, так и потерявшие свободу, которые зависят от власти *pater familias*; кроме того, фамилия — это все, кто происходит от общего предка;

далее, термином «фамилия» обозначалась совокупность имущества ее главы; наконец — это просто рабы и отпущенники, связанные с домовладыкой, но не жена и дети [13: р. 16]. В этом сложном термине отразился феномен концентрации значительного большего социально-экономического потенциала, задействованного в производстве, чем у традиционной семьи в других древних и средневековых обществах. Е.М. Штаерман вообще определяет фамилию как общину [10: с. 41–49; 7: с. 73–75; 4: с. 44]. Этот людской и материальный потенциал давал домовладыке больше возможностей активно проявлять себя как в экономической, так и в политической сферах деятельности.

Другим фактором, влиявшим на экономическое поведение римского крестьянина, был его статус полноправного гражданина римской гражданской общины *civitas*. Этот статус базировался на особенности античной формы собственности, по которой полноправным гражданином мог быть только собственник земли на территории общины [11: с. 5; 8: с. 54]. Таким образом, важным моментом для нашей темы является то, что оформление семейной организации в древнеримском обществе произошло в виде фамилии. А ее глава — *pater familias* — выступает полноправным гражданином в государстве и предстает в своем хозяйстве как земельный собственник, располагавший обширной властью над домочадцами.

Однако были факторы, которые ограничивали возможности римского крестьянина. Хозяйство, основанное на ручном труде главы фамилии и членов его семьи, не могло быть сколько-нибудь обширным. Небольшой набор орудий труда и неэффективность тягловой силы с примитивной упряжью ограничивали возможности расширения возделываемого участка [3: с. 1973, 34; 14: р. 59]. В источниках, к сожалению, отсутствуют прямые свидетельства о размерах крестьянских участков в эпоху Республики. Но в исторической литературе традиционно считается, что в это время крестьянский надел составлял 2–7 югеров [8: с. 53]. Нам лишь известно, что колонистам в IV в. до н. э. в земле вольсков было нарезано по 3 и $\frac{7}{12}$ югера, а на вейской земле — по 7 югеров (Liv. V. 24. 4; 30. 8). Только в начале II в. до н. э., после I Македонской войны легионеры-колонисты стали получать значительно большие наделы: 15 и даже 50 югеров, а всадники — от 30 до 140 югеров (Liv. XXXV. 40. 5–6; XXXVII. 57. 7–8; XL. 34. 2). Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, это наибольшие размеры участков, которыми наделяли римских колонистов в эпоху Ранней республики.

Ярким примером достойной жизни и деятельности в римской исторической традиции выступает Маний Курий Дентат, который, победив самнитов и сабинян, взял на завоеванной территории лишь небольшой участок в семь югеров, такой же, каким владело большинство римских граждан. Именно он решительными действиями спас Рим, разгромив грозного Пирра в 275 г. до н. э. в битве при Беневенте (Val. Max, 6, 3, 4; Flor. 1, 18). А после великих свершений и блестящего триумфа вернулся на свой участок и продолжал трудиться на семи югерах, как простой квирит, с презрением относясь к богатству. Своим примером

он показывал квиристам, как, возделывая небольшой участок, можно успешно решать хозяйственные дела и всегда быть готовым к исполнению гражданских, политических и военных функций. Плиний передает слова Мания Курия: «Вредным надо считать гражданина, которому семи югеров недостаточно» (Plin. NH. XVIII. 18).

Как видим, в эпоху Ранней республики крестьянский надел в семь югеров не только служил удовлетворению материальных потребностей фамилии, но и позволял достойно выполнять обязанности гражданина. Типичный надел крестьянина, как показали исследования, колебался от 2–5 до 30 югеров [3: с. 24]. К этому в ходе победоносных войн добавилась богатая добыча в виде скота, пахотных быков, денег, а порой и рабов, которую стали получать рядовые легионеры. Это укрепляло экономические основы крестьянского хозяйства и увеличивало его производственные возможности. К этому можно только добавить, что подавляющее большинство римских граждан в III в. до н. э. были крестьянами, а Италия до II в. до н. э. оставалась преимущественно крестьянской страной [3: с. 13].

Из рассмотренного выше материала видно, что главным фактором, влияние которого было многогранным, выступает фактор политический. Политика в античном Риме доминировала над экономикой и глубоко проникла во все ее сферы. Римский гражданин, по определению Макса Вебера, это *homo politicus* [1: с. 470]. Это предопределяло то, что в отличие от земледельцев других обществ древности и средних веков статус гражданина предполагал политическую активность древнеримских крестьян. Их участие в политической жизни государства, народном собрании и военном ополчении постоянно требовало тратить свое время и средства на выполнение гражданских обязанностей и вооружаться за собственный счет.

Помимо этого, в гражданской общине на экономическую деятельность влиял такой фактор, как потребность постоянно поддерживать свой социальный статус и при возможности стремиться к его повышению. Все это подстегивало земледельцев и особенно только что влившихся в состав римской *civitas*, для которых земельный надел символизировал, что они стали полноправными гражданами, рьяно доказывать, что они достойные и благонадежные граждане. Это ясно видно на примере истории вольноотпущенника Гая Фурия Кресима, переданной Плинием. После освобождения из рабства и получения статуса гражданина он стал получать с небольшого участка урожая гораздо обильнее, чем у соседей, что породило у них зависть и обвинение в колдовстве. Чтобы снять с себя все обвинения и подозрения, новоявленный гражданин привел на форум крепких, сытых и добротнo одетых рабов, ухоженных волов и показал железные сельскохозяйственные орудия превосходной работы. К этому он добавил: «Вот мое колдовство, квиристы, но я не могу показать вам или привести на форум мое раннее вставание, мое бодрствование по ночам, проливаемый мною пот» (Plin. NH. XVIII. 41–43). По всей видимости, у Кресима был участок около 30 югеров, поскольку после 167 г. до н. э. в сельские трибы стали записывать тех отпущенников, которые имели

владения в сельской местности стоимостью свыше 30 000 сестерциев, что примерно и соответствует размерам такого надела [9: с. 91–93; 3: с. 28–29]. Хотя Плиний приводит этот рассказ как противопоставление кропотливого труда свободного крестьянина на своем участке в традициях предков праздной жизни владельцев вилл, но в нем отражено непосредственное влияние на римского квирита, занятого сельским трудом, тех стимулов, которые позволяли ему утвердиться в данном социальном статусе или даже подняться выше.

В принципе, состав, организация власти, формы господства и подчинения в фамилии идеально подходили к размерам и формам трудового процесса, а также самим целям жизни и деятельности крестьянского хозяйства римского гражданина. Они создавали наилучшие условия для его интенсивного трудового процесса на высшем уровне и в максимально полном объеме, что позволяло крестьянам в Древнем Риме быть полноценными гражданами и активными фигурами в политической жизни и достойно исполнять свои обязанности в римской *civitas*.

Литература

1. Вебер М. История хозяйства. Город / под ред. И.М. Гревса. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. 576 с.
2. Дубровский И.В. Очерки социальной истории средних веков. М.: Издательский дом Регнум, 2010. 164 с.
3. Кузицин В.И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. – I в. н. э. М.: Изд. Московского ун-та, 1973. 254 с.
4. Кузицин В.И., Штаерман Е.М. Экономика и политика в античном обществе // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 39–53.
5. Ляпустин Б.С. Место экономических законов и фамилии в современных исследованиях экономики Древнего Рима // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2017. № 1 (25). С. 87–93.
6. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. С. 194–442.
7. Штаерман Е.М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М.: Наука, 1978. 226 с.
8. Штаерман Е.М. История крестьянства в Древнем Риме. М.: Наука, 1996. 200 с.
9. Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М.: Наука, 1964. 264 с.
10. Штаерман Е.М. Римская собственность на землю // Вестник древней истории. 1974. № 3. С. 34–67.
11. Штаерман Е.М. Эволюция античной формы собственности и античного города // Византийский временник. 1973. № 34. С. 3–14.
12. Штаерман Е.М. Экономическая история Рима (Проблемы и методы) // Экономическая история. Проблемы и исследования / отв. ред. Ю.Н. Розалиев. М.: Наука, 1987. С. 32–48.
13. Finley M.I. Ancient Economy. Berkley – Los Angeles: University of California Press, 1973. 222 p.
14. Nicolet C. L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain. P.: Fayard, 1988. 346 p.

Literatura

1. *Veber M.* Istoriya khozyajstva. Gorod / pod red. I.M. Grevsa. M.: KANON-press-Cz, 2001. 576 s.
2. *Dubrovskij I.V.* Ocherki social'noj istorii srednix vekov. M.: Izdatel'skij dom Regnum, 2010. 164 s.
3. *Kuzishhin V.I.* Rimskoe rabovladel'cheskoe pomest'e II v. do n. e'. – I v. n. e'. M.: Izd. Moskovskogo un-ta, 1973. 254 s.
4. *Kuzishhin V.I., Shtaerman E.M.* E'konomika i politika v antichnom obshhestve // Voprosy' istorii. 1989. № 8. S. 39–53.
5. *Lyapustin B.S.* Mesto e'konomicheskix zakonov i familii v sovremenny'x issledovaniyax e'konomiki Drevnego Rima // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2017. № 1 (25). S. 87–93.
6. *Chayanov A.V.* Organizaciya krest'yanskogo khozyajstva // Chayanov A.V. Krest'yanskoe khozyajstvo. Izbranny'e trudy'. M.: E'konomika, 1989. S. 194–442.
7. *Shtaerman E.M.* Drevnij Rim: problemy' e'konomicheskogo razvitiya. M.: Nauka, 1978. 226 s.
8. *Shtaerman E.M.* Istoriya krest'yanstva v Drevnem Rime. M.: Nauka, 1996. 200 s.
9. *Shtaerman E.M.* Raszvet rabovladel'cheskix otnoshenij v Rimskoj respublike. M.: Nauka, 1964. 264 s.
10. *Shtaerman E.M.* Rimskaya sobstvennost' na zemlyu // Vestnik drevnej istorii. 1974. № 3. S. 34–67.
11. *Shtaerman E.M.* E'volyuciya antichnoj formy' sobstvennosti i antichnogo goroda // Vizantijskij vremennik. 1973. № 34. S. 3–14.
12. *Shtaerman E.M.* E'konomicheskaya istoriya Rima (Problemy' i metody') // E'konomicheskaya istoriya. Problemy' i issledovaniya / otv. red. Yu.N. Rozaliev. M.: Nauka, 1987. S. 32–48.
13. *Finley M.I.* Ancient Economy. Berkley – Los Angeles: University of California Press, 1973. 222 p.
14. *Nicolet C.* L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain. P.: Fayard, 1988. 346 p.

B.S. Lyapustin**The Peasant Farming in the «Praise of Italy» of Varro
in the Context of A.V. Chayanov's Economic Law**

The article reveals the reasons that made Ancient Roman peasant cultivate their plots intensively. According to A.V. Chayanov's economic law, the peasant farming reach the highest level of production only due to external pressure. In ancient Rome such factor was the status of a full citizen. To maintain this status it required large financial expenditure from a quirite's part.

Keywords: ancient Rome; economics; the peasantry; economic law; A.V. Chayanov.

А.В. Щемелев

К вопросу о классификации изображений фракийского всадника

В статье рассматриваются основные системы типологии и классификации изображений фракийского всадника на рельефах, в огромных количествах найденных на территории древней Фракии, а также за ее пределами и датированных периодом IV в. до н. э. – IV в. н. э. Их типологизация должна подвести научное сообщество к решению важнейших проблем, связанных с характером иконографии фракийского всадника и сущностью его образа. В вопросе о классификации рельефов еще рано ставить точку.

Ключевые слова: древняя Фракия; религия; фракийский всадник; вотивные и погребальные рельефы; иконография.

Термин «фракийский всадник» (или иначе «фракийский герой») условно применяют для именованья изображения всадника на памятниках, происходящих с территории древней Фракии, а также соседних с ней земель, в которых наблюдалось фракийское присутствие. Это рельефы на вотивных (посвятительных) плитах и погребальных стелах. Изображения всадника также встречаются на предметах торевтики, монетах, в виде терракотовых статуэток, которые менее многочисленны. Погребальные и вотивные плиты в основном относятся к периоду IV в. до н. э. – IV в. н. э. (предметы торевтики известны с V в. до н. э.). Эти памятники являются отражением религиозных воззрений и практик их авторов. Термин «фракийский всадник» (*cavalier thrace*) впервые встречается у французского археолога А. Дюмона [11] в работах 1868–1869 годов, вслед за тем началось постепенное введение памятников в научный оборот.

Иконография изображений при множестве сходных ключевых черт тем не менее демонстрирует вариации. Помимо собственно фигуры всадника на рельефах в разных сочетаниях часто присутствуют дополнительные элементы. Это дерево, алтарь, лира, женщина, слуги, змея, обвивающая дерево или алтарь, дикие животные: кабан, олень, медведь, заяц и др., жертвенные животные у слуг. Поза всадника (расположение рук), его внешний вид и одежда также бывают различны.

На сегодняшний момент количество найденных рельефов фракийского всадника превышает три тысячи [10: с. 129]. Огромное число находок уже в начале XX века показало острую потребность в их систематизации.

Одним из первых систему классификации рельефов фракийского всадника создал болгарский исследователь античности академик Г. Кацаров [14]. В 1938 году вышел его труд, в котором вводилось подразделение всех рельефов

на три типа (А, В и С). К типу А ученым были отнесены изображения, на которых всадник, обращенный вправо, сидит верхом на шагающем или стоящем коне, в руках у него копьё или поводья. Перед всадником, в углу рельефа, помещены алтарь или дерево, обвитое змеей (иногда без змей), иногда то и другое. Могут присутствовать также изображения женщины, стоящей лицом к всаднику, и слуг около коня или чуть позади него. К типу В, согласно Г. Кацарову, следует относить все те рельефы, на которых всадник представлен на скачущем коне во время охоты. При этом его могут сопровождать те же дополнительные элементы, что и изображения типа А. Кроме того, внизу, под ногами коня, изображена собака (иногда лев), бегущая за кабаном (иногда это может быть также бык, серна, заяц). Часто всадник поражает копьем преследуемое животное. В группу изображений типа С входят те рельефы, на которых всадник показан возвращающимся с охоты. Он держит в руке добычу, его сопровождает лев или собака, на земле лежит разбитый сосуд, из которого выливается жидкость. Иногда к основной композиции добавляются дополнительные изображения: алтарь, дерево со змеей, женщина, слуга, держащий конский повод [14: s. 5–9].

Классификация Г. Кацарова с момента своего появления стала отправной точкой для всех последующих работ, посвященных фракийскому всаднику. На нее опирались такие известные специалисты, как немецкий академик М. Опперманн [6; 15; 16], болгарский историк З. Гочева [1; 12; 13] и др.

Немецкий историк античности Э. Пфуль также проводил работу по систематизации памятников, начав ее около 1904 года и закончив лишь к 1940 году. Однако публикации его труда помешала Вторая мировая война. В 1974 году научное сочинение Пфуля наконец вышло в свет в двух томах, с изменениями и дополнениями, составленными Х. Мебиусом [17]. В этом корпусе памятников содержатся изображения рельефов, найденных на восточном побережье Эгейского моря и греческих островах, на побережье Малой Азии и Фракии.

Э. Пфуль и Х. Мебиус предложили собственную классификацию памятников фракийского всадника, выделив два типа и несколько групп внутри каждого. К первому типу они относят изображения всадника на стоящем или шагающем коне, ко второму — все изображения на скачущем коне. Каждый тип подразделяется на две группы: а) изображения с сакральными атрибутами; б) изображения без сакральных атрибутов. При этом внутри каждой группы возможны вариации. В типе I внутри группы а) выделяются подгруппа изображений с собакой или кабаном и подгруппа со слугами или членами семьи; внутри группы б) выделяются три подгруппы (с фиалой, без фиалы и «другие различные мотивы»). В типе II внутри группы а) особо выделяются две подгруппы: к первой относятся изображения всадника на охоте, ко второй — все те, на которых конник не охотится [17: v. 1, s. 310–335].

К сожалению, классификация Пфуля и Мебиуса впоследствии почти не использовалась историками. При этом вот уже более века исследователи не могут разрешить загадку фракийского всадника. Нерешенными остаются

проблемы, связанные с особенностями культа, истоками иконографии. Смысл изображений фракийского всадника до сих пор неясен.

Так, ведутся дискуссии по вопросу о том, какое место занимал всадник в пантеоне древних фракийцев, являлся ли он особым божеством (возможно, даже верховным) или был символом разных богов (таких как Аполлон, Асклепий, Гефест, Юпитер Оптимус Максимус и др.). Последнее предположение вызвано наличием надписей, которые присутствуют на части votивных рельефов. В историографии можно встретить и другую точку зрения, согласно которой всадник являлся исконно фракийским божеством, доказательством чего считаются эпитеты, обращенные к нему на некоторых votивных рельефах (Карабасмос, Кеиладенос, Манимазос, Ветеспиос, Аулархенос, Аулосаденос, Пирмерулас и др.) и имеющие несомненно фракийское происхождение.

Не найдено также внятного объяснения памятников, относящихся в основном ко времени, когда Фракия находилась в составе Римской империи. Судя по именам дедикаторов, они созданы римскими гражданами, но при этом содержат исконно фракийские именованья, и надписи на них зачастую (что также немаловажно) сделаны на греческом языке.

Что касается иконографии, то и здесь вопросов гораздо больше, чем ответов, и предположения исследователей довольно сильно разнятся. Так, приводятся весьма разные трактовки второстепенных персонажей и предметов, сопровождающих фракийского всадника (в особенности это касается образов змеи и женщины).

В ряде публикаций 2000–2011 годов [2–5; 7; 8; 9] болгарский историк Д. Ботева предприняла попытку создания новой классификации изображений фракийского всадника. Исследователь называет типологию Г. Кацарова формальной и предлагает основывать классификацию на вводимых ею понятиях: «изображение-картинка» (*représentation-image*) и «изображение-повествование» (*représentation-récit*) [7: p. 113]. Действительно, типы А, В и С, по Г. Кацарову, основаны в первую очередь на внешнем признаке — расположении фигуры всадника (сидящий в покое, галопирующий или возвращающийся с охоты), но внутри каждого из типов можно встретить изображения чрезвычайно различные. При этом не было сделано попыток выявления закономерностей иконографии по временному и территориальному признакам, которые могли бы обнаружить более существенные критерии классификации. Кроме того, votивные и погребальные рельефы вследствие разного назначения могут исходить из отличающихся смысловых посылов. Классификацию Э. Пфуля и Х. Мебиуса Д. Ботева никак не комментирует.

Рельефы, по мнению Д. Ботевой, не следует рассматривать как случайное сложение атрибутов, непоследовательный «набор знаков». Напротив, согласно ее гипотезе, эти символы подчинены некоей слаженной семиотической системе, в которой то или иное сочетание элементов (например, алтаря и женщины, змеи и женщины, копьё в руке всадника и женщины рядом

с ним и т. п.) играло в представлениях древних фракийцев свою, особую роль [7: р. 114–116].

Внутри названных типов рельефов («изображение-картинка» и «изображение-повествование») Д. Ботева выделяет группы и подгруппы. Все памятники типа «изображение-картинка» она относит к группе I «Всадник с характерными божественными атрибутами или жестами», включающей подгруппы: I-1 «Всадник на галопирующем коне с копьем»; I-2 «Всадник на идущем или стоящем коне с фиалой или яйцом в руке или держащий поводья»; I-3 «Всадник на скачущем коне с поднятой в жесте Сабазия правой рукой»; I-4 «Всадник на идущем или стоящем коне, держащий лиру».

Под «изображениями-повествованиями» понимаются рельефы четырех групп (II–V). Группа II «Всадник в сопровождении богов и/или смертных» включает в себя подгруппы: II-1 «Всадник перед божеством-змеей»; II-2 «Всадник перед стоящей женщиной»; II-3 «Охотящийся всадник»; II-4 «Всадник, сопровождаемый “чужеземными” (преимущественно греческими) богами».

Группа III «Охотящийся всадник» включает пять подгрупп: III-1 «Охота на кабана»; III-2 «Охота на зайца»; III-3 «Охота на козулю»; III-4 «Охота на оленя»; III-5 «Охота на медведя». Группа IV «Всадник в бою» состоит из двух подгрупп: IV-1 «В бою со львом»; IV-2 «В бою с быком». Группа V «Всадник, приносящий жертву» делится также на две подгруппы: V-1 «Приносящий в жертву козулю», V-2 «Приносящий в жертву быка [9: р. 96–97].

В результате Д. Ботева приходит к довольно спорному выводу о том, что всадник занимал отнюдь не главенствующую позицию во фракийском пантеоне, ему была отведена роль посредника между людьми и богами [8: р. 818]. Несомненно, данная классификация является достойной альтернативой типологии Г. Кацарова. Она заслуживает особого внимания и пристального изучения, предлагает серьезную основу к дальнейшему исследованию феномена фракийского всадника, но тем не менее оставляет нерешенными ряд проблем. Так, например, не объяснено разнообразие эпитетов всадника, высеченных на рельефах, в том числе использование термина «бог» в некоторых обращениях к нему, назначение образа женщины и др. Кроме того, помимо votивных и погребальных рельефов классификация должна охватить изображения конника на предметах торевтики.

Таким образом, перед исследователями фракийского всадника остаются многие загадки, ответы на которые пока не найдены. В вопросе о классификации рельефов еще рано ставить точку. В связи с этим необходимость изучения феномена фракийского всадника и в настоящее время не утратила своей актуальности.

Литература

1. *Гочева З.* Антропоморфные изображения богов у фракийцев // Вестник древней истории. 1981. № 2. С. 156–159.
2. *Ботева Д.* Изображения-раскази върху оброчните релефи на Тракийския конник: I: Херосът в света на боговете (анализ на база данни) // Jubilaeus. III: Сборник в памет на проф. Б. Геров. София, 2000. С. 22–43.
3. *Ботева Д.* «Лов на мечка» върху оброчните релефи на тракийския конник (анализ на база данни) // Известия на катедра «Българска история и археология» и катедра «Обща история» Югозападен Университет «Неофит Рилски». Т. 1. Благоевград, 2003. С. 91–99.
4. *Ботева Д.* Репроблематизация на надписа и изображението върху вотивния релеф с трикефален конник от Коматеве // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на черноморското крайбрежие. Варна, 2008. С. 278–290.
5. *Ботева Д.* Тракийски култ или култ в Тракия? // В света на човека. Сборник в чест на проф. д. и. н. И. Георгиева / сост. и науч. ред. Д. Маджаров, К. Стоилов: в 2 т. Т. 2. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008. С. 9–17.
6. *Оперман М.* Към хронологията и класификацията на паметниците на тракийския конник от тип А // Археология. 1973. № 3. С. 1–14.
7. *Boteva D.* A propos des «secrets» du Cavalier Thrace // Dialogues d'Histoire Ancienne. 2000. Vol. 26/1. P. 109–118.
8. *Boteva D.* The Heros of the Thracian iconic narrative: a data base analysis // Thrace and the Aegean: Proceedings of the Eighth International Congress of Thracology. 25–29 September, 2000. Vol. II. Sofia, 2002. P. 817–822.
9. *Boteva D.* The «Thracian Horseman» reconsidered // Early Roman Thrace. New evidence from Bulgaria / ed. I. P. Haynes. Portsmouth, 2011. P. 85–105.
10. *Delev P.* Observations sur le Cavalier Thrace // Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la culture Thrace. 1998. № 6. P. 129–135.
11. *Dumont A.* Exposé sommaire des principaux résultats d'un voyage archéologique accompli en Thrace en 1868 (Provinces d'Europe, de Thrace, d'Hémimont et de Rhodope) // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1869. 13e année. P. 151–162.
12. *Gočeva Z.* Les traits caractéristiques de l'iconographie du Cavalier Thrace // Bulletin de correspondance hellénique. 1986. № 14. P. 137–145.
13. *Gočeva Z.* Particularites de l'iconographie du Cavalier Thrace á Odessos et dans son territoire // Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la culture Thrace. 1997. № 6. P. 121–129.
14. *Kazarow G.* Die Denkmäler des Thrakischen Reitergottes in Bulgarien // Dissertationes Pannonicae. Ser. II. Fasc. 14. Budapest: Institut für münzkunde und archäologie der Pázmány Universität, 1938. 190 s.
15. *Oppermann M.* Der Thrakische Reiter des Ostbalkanraumes im Spannungsfeld von Graecitas, Romanitas und lokalen traditionen. Langenweißbach: Beier & Beran, 2006. 414 s.
16. *Oppermann M.* Zum Kult des thrakischen Reiters in Bulgarien // Thracia. Primus Congressus Studiorum Thracicorum. Serdicae, 1974. S. 353–362.
17. *Pfuhl E., Möbius H.* Die Ostgriechischen Grabreliefs: 2 vols. Mainz: Deutsches Archäologisches Institut, 1977, 1979.

Literatura

1. *Gocheva Z.* Antropomorfny'e izobrazheniya bogov u frakijcev // Vestnik drevnej istorii. 1981. № 2. S. 156–159.
2. *Boteva D.* Izobrazheniya-raskazi v"rxu obrochnite relefi na Trakijskiya konnik: I: Xeros"t v sveta na bogovete (analiz na baza danni) // Jubilaeus. III: Sbornik v pamet na prof. B. Gerov. Sofiya, 2000. S. 22–43.
3. *Boteva D.* «Lov na mechka» v"rxu obrochnite relefi na trakijskiya konnik (analiz na baza danni) // Izvestiya na katedra «B"lgarska istoriya i arxeologiya» i katedra «Obshha istoriya» Yugozapaden Universitet «Neofit Rilski». T. 1. Blagoevgrad, 2003. S. 91–99.
4. *Boteva D.* Reproblematizaciya na nadpisa i izobrazhenieto v"rxu votivniya relef s trikefalen konnik ot Komatevo // Numizmaticzni, sfragistichni i epigrafski prinosi k"m istoriyata na chernomorskoto krajbrezhie. Varna, 2008. S. 278–290.
5. *Boteva D.* Trakijski kult ili kult v Trakiya? // V sveta na choveka. Sbornik v chest na prof. d. i. n. I. Georgieva / sost. i nauch. red. D. Madzharov, K. Stoilov: v 2 t. T. 2. Sofiya: Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Oxridski», 2008. S. 9–17.
6. *Operman M.* K"m xronologiyata i klasifikaciyata na pametnicite na trakijskiya konnik ot tip A // Arxeologiya. 1973. № 3. S. 1–14.
7. *Boteva D.* A propos des «secrets» du Cavalier Thrace // Dialogues d'Histoire Ancienne. 2000. Vol. 26/1. P. 109–118.
8. *Boteva D.* The Heros of the Thracian iconic narrative: a data base analysis // Thrace and the Aegean: Proceedings of the Eighth International Congress of Thracology. 25–29 September, 2000. Vol. II. Sofia, 2002. P. 817–822.
9. *Boteva D.* The «Thracian Horseman» reconsidered // Early Roman Thrace. New evidence from Bulgaria / ed. I. P. Haynes. Portsmouth, 2011. P. 85–105.
10. *Delev P.* Observations sur le Cavalier Thrace // Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la culture Thrace. 1998. № 6. P. 129–135.
11. *Dumont A.* Exposé sommaire des principaux résultats d'un voyage archéologique accompli en Thrace en 1868 (Provinces d'Europe, de Thrace, d'Hémimont et de Rhodope) // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1869. 13e année. P. 151–162.
12. *Gocheva Z.* Les traits caractéristiques de l'iconographie du Cavalier Thrace // Bulletin de correspondance hellénique. 1986. № 14. P. 137–145.
13. *Gocheva Z.* Particularites de l'iconographie du Cavalier Thrace á Odessos et dans son territoire // Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la culture Thrace. 1997. № 6. P. 121–129.
14. *Kazarow G.* Die Denkmäler des Thrakischen Reitergottes in Bulgarien // Dissertationes Pannonicae. Ser. II. Fasc. 14. Budapest: Institut für münzkunde und archäologie der Pázmány Universität, 1938. 190 s.
15. *Oppermann M.* Der Thrakische Reiter des Ostbalkanraumes im Spannungsfeld von Graecitas, Romanitas und lokalen traditionen. Langenweißbach: Beier & Beran, 2006. 414 s.
16. *Oppermann M.* Zum Kult des thrakischen Reiters in Bulgarien // Thracia. Primus Congressus Studiorum Thracicorum. Serdicae, 1974. S. 353–362.
17. *Pfuhl E., Möbius H.* Die Ostgriechischen Grabreliefs: 2 vols. Mainz: Deutsches Archäologisches Institut, 1977, 1979.

A. V. Shchemelev

On the Problem of the Classification of the Images of the Thracian Horseman

The article considers the basic systems of typology and classification of images of the Thracian Horseman on the votive plaques and funeral reliefs, in huge quantities found in the territory of ancient Thrace, as well as beyond its borders and dating from the 4th century BCE to the IVth century CE. Their typologization should bring the scientific community to the solution of the most important problems related to the character of the iconography of the Thracian Horseman and the essence of his image. In the matter of the classification of reliefs it is still too early to come to the end.

Keywords: ancient Thrace; religion; Thracian Horseman; votive plaques and funeral reliefs; iconography.

С.Ю. Серёгичев

Эволюция исламского фундаментализма в Египте и Судане в 1970–1980-е годы: сравнительный анализ

Статья посвящена сравнительному анализу эволюции египетских и суданских исламо-фундаменталистских движений в 1970–1980 годы. Автор рассматривает также вопрос существования на практике «типовой» модели исламизма.

Ключевые слова: Египет; Судан; ассоциация «Братья-мусульмане»; исламо-фундаментализм.

В отечественной литературе достаточно подробно изучены исламистские движения и организации в Египте и Судане, их деятельность, в том числе отношения с государственными структурами, причины возникновения, основные этапы истории. Вместе с тем практически не ставилась задача сравнительного анализа египетского и суданского исламо-фундаменталистского движений в период с 1970 и по конец 1980-х годов.

Как известно, египетские и суданские исламисты ведут свое происхождение от одной и той же организации — ассоциации «Братья-мусульмане» (АБМ). Тем не менее их теория и практика завоевания политической власти в итоге пошли разными путями развития. В чем причина такого положения дел? Можно ли вообще говорить о каком-либо сходстве египетской и суданской «ветвей» исламо-фундаментализма? Существует ли на практике универсальная, типовая модель исламизма? На эти и другие вопросы мы постараемся ответить в этой статье.

Начнем с родины ассоциации «Братья-мусульмане» — Египта. Отправной точкой нам послужит трагическая кончина 28 сентября 1970 года президента Объединенной Арабской Республики и признанного лидера всего арабского мира Гамалы Абдель Насера. Его смерть привела к власти Анвара Садата.

Стремясь удержать полученную власть, Садат провел чистку высших египетских партийных и государственных органов от левых насеристов и марксистов и активную инфильтрацию садатовцев во властные и общественные структуры всех уровней. Все это проводилось вкупе с «реабилитацией и восстановлением в званиях офицеров, уволенных из армии в 1960-х годах, освобождением из тюрем политических заключенных, в том числе и видных деятелей запрещенной в 1954 году ассоциации “Братья-мусульмане”» [3: с. 162].

Опора Садата на исламистов, сохранивших, несмотря на жесткие репрессии со стороны властей в 1950–1960-х годах, широкую и хорошо разветвленную

социальную базу в Египте, вовсе не случайна. Новый египетский лидер видел в них неплохой противовес опасности «левого реванша» в лице уже упомянутых левых насеристов и марксистов, а поэтому на первых порах всячески поощрял (при этом официально не легализуя ассоциацию «Братья-мусульмане») деятельность исламских фундаменталистов.

Садат первым из светских арабских лидеров решил использовать набирающих все большую популярность исламистов, превратив их в эффективное орудие своей политики. Ему это было нужно, чтобы сбить накал страстей из-за все увеличивавшийся пропасти между немногими очень богатыми египтянами, наживавшимися на политике «инфитаха», и остальными, с трудом выживавшими в разросшихся сверх предела городах долины Нила с их постоянно ухудшающейся инфраструктурой и экологией.

Для этого он стал старательно выстраивать непривычный для светского и националистического Египта имидж «верующего президента», регулярно появляясь на пятничной молитве в окружении журналистов и фоторепортеров ведущих печатных СМИ страны [2: с. 164]. Действуя далее в этом духе, Садат вскоре «перекраивает» основной закон страны под новые исламистские реалии: конституция, принятая 11 сентября 1971 года на общеегипетском референдуме, содержала статью 2 главы 1 «Основы государства», где прямо говорилось о том, что «исламский закон (шариат) — основной источник законодательства» [13].

Значительное место в египетском исламо-фундаменталистском движении 1970–1980-х годов продолжала занимать АБМ, стоявшая на позициях салафитов-охранителей [6: с. 181] и получившая возможность полулегально работать. АБМ должна была стать опорой нового египетского руководства во главе с Анваром Садатом, а потому во второй половине 1971 года в вузах и на предприятиях страны с целью окончательного искоренения из сознания народных масс «атеистического марксизма» вкупе с «христианско-коммунистическими левыми» стали образовываться исламские комитеты («аль-гамаа аль-ислямийя»), где ключевые позиции занимали «Братья» [1: с. 58].

Целью АБМ в садатовский период была легализация их движения путем приобретения статуса партии, имеющей госрегистрацию. Власти, зная об этом, всячески заигрывали с исламистами, то давая им надежду получить официальный статус, то лишая ее. Долго так продолжаться, естественно, не могло. Развязка наступила в 1977–1979 годы: «Братьям» было окончательно отказано в регистрации их партии, на это наложилась острая критика исламистами социально-экономических итогов политики «инфитаха», провал которой стал очевиден.

В ответ на яростную критику АБМ египетское правительство потребовало от ассоциации немедленно прекратить заниматься политикой и ограничило их издательскую деятельность. Однако к этому времени на арене политического ислама ее стали постепенно теснить группировки гораздо более экстремистского характера, чем «Ихванийя». В отечественной науке принято увязывать появление

радикальных исламистских групп с образованием «Гамаат аль-муслимин» («Община мусульман»), вошедшей в анналы египетской политической истории под названием «Ат-Такфир ва аль-хиджра» («Обвинение в неверии и уход из общества»), основателем которой в 1971 году стал Шукри Мустафа [8: с. 60]. В основе идеологии «Ат-Такфир» лежал «охранительный фундаментализм реформаторского типа» [6: с. 192], видевший идеал мусульманской общины в мединской общине.

В то же время зарубежная англоязычная историография за точку отсчета возникновения египетских исламских радикалов берет иную, не менее известную, группировку — «Группу военной академии» (ГВА). Она была создана палестинцем Салихом Саррией в 1971 году из молодых (средний возраст 22 года) прихожан негосударственных мечетей, студентов и выпускников Каирского и Александрийского университетов, выходцев из средней и низшей страты среднего класса, а также из деревни [12: с. 117].

ГВА делала ставку на вооруженный переворот силами «элитного корпуса верующих», который должен скинуть с вершины властной пирамиды неверный режим и установить «исламский общественный порядок» [12: с. 117]. С этой целью Саррия и его единомышленники осуществили 18 апреля 1974 года неудачную попытку госпереворота [12: с. 118].

Провал планов ГВА не остановил дальнейшую радикализацию исламистов Египта, наоборот, она лишь побудила идейных последователей Кутба и Маудуди активизировать свои усилия по свержению «джахилийского режима», поднять градус борьбы с ним.

Успех иранских «коллег»-шиитов в 1979 году вкупе с растущим народным недовольством политикой правительства Садата («хлебные бунты» 1977 года) окончательно сформировал в головах лидеров исламистского подполья картину революционного Египта, где осталось сделать только один шаг — убить президента — и тем самым разжечь пламя народной борьбы с режимом.

С этой целью с февраля 1980 году группировка «Аль-Джихад» начала готовить план по захвату власти в стране. Однако события 6–11 октября 1981 года наглядно показали всю ошибочность и ущербность декабристской тактики египетских исламистов «для народа, но без народа».

Провал революционных планов исламских радикалов Египта, не поддержанных широкими массами населения, напуганными чрезмерно одиозными мерами и программами своих «спасителей» от «джахилии», стал своеобразным итогом, с одной стороны, одиннадцатилетнего «эксперимента» Садата по «приручению» исламистов, а с другой — обозначил четкий раскол в исламо-фундаменталистском лагере страны на приверженцев умеренной тактики общественно-политической и идеолого-культурной борьбы в лице АБМ и сторонников агрессивного исламо-экстремизма в лице «Аль-Джихад» и других группировок.

АБМ стояла за трансформацию законными способами по исламскому образцу отдельных сегментов общественной жизни в Египте, превращая, например, студгородки в образцовые лагеря исламских норм и порядков [4: с. 80–81], фактически создавая параллельное светскому и секуляризированному обществу исламское общество, которое в конечном итоге должно поглотить и растворить в себе первое.

В последующее десятилетие АБМ существенно продвинулась в этом направлении: «Братья» получили возможность в рамках избирательных блоков выдвигать своих кандидатов на выборах в парламент (в 1984 году они завоевали 8 депутатских мандатов, в 1987 году — 38 из 60 мест) [1: с. 59–60; 5: с. 149]. Кроме того, в это время «Братьями» была развернута успешная кампания по завоеванию влиятельных позиций в студенческом и профсоюзном движении. Мощное развитие получил и исламский финансовый сектор: сотни египетских исламских инвестиционных компаний к концу 1980-х годов аккумулировали по разным оценкам от 12 до 20 млрд долларов инвестиций [9: с. 123].

Многие авторы при этом отмечают значительно возросшее влияние АБМ на внутривнутриполитические процессы, в частности на законотворческий процесс (например, частичный пересмотр в исламистском ключе в 1985 году Закона о гражданских состояниях 1979 года) [1: с. 40]. В отличие от относительно умеренной АБМ экстремистски настроенные «Аль-Джихад» и «Аль-Гамаа Исламия» продолжили вооруженную борьбу с режимом.

Теперь рассмотрим эволюцию исламо-фундаментализма в Судане 1970–1980-х годов. Отправной точкой здесь нам послужит госпереворот 25 мая 1969 года и приход к власти военной хунты во главе с полковником Джаафаром Нимейри.

Лидер суданских исламистов Хасан ат-Тураби и его соратники попали в тюрьму [7: с. 254]: Нимейри избрал курс на жесткую борьбу с «Братьями», не прекращавшими свою антиправительственную деятельность. Именно в заключении окончательно оформилась политико-идеологическая концепция ат-Тураби.

В основе концепции Исламской Республики Судан лежат следующие принципы: «риба» (запрет на ростовщический процент), «закят» (добровольное пожертвование) и «шура» (совет) [10: с. 33]. Через реализацию запрета на ростовщический процент достигается исламизация банковской сферы. «Закят» же как добровольный налог-пожертвование, призванный помочь бедным, материально неблагополучным людям, позволяет смягчить острое социальное неравенство [10: с. 33]. «Шура» представляет собой систему, охватывающую всю пирамиду власти: от кварталов, деревень до общенационального парламента и президента. Выборы главы государства будут проходить на альтернативной основе [10: с. 33].

В 1970-х годах исламо-фундаменталистское движение в Судане стало коренным образом трансформироваться: началось полное обновление движения.

Оно шло под знаком повышения эффективности и безопасности организации [11: с. 122].

Тем временем на политическом олимпе Судана вновь кардинально изменилась ситуация: 19–22 июля 1971 года группа офицеров суданской армии, поддерживавших Суданскую коммунистическую партию (СКП), предприняли попытку государственного переворота. Она в итоге оказалась неудачной, но в ходе ее осуществления Нимейри и его ближайшее окружение было всего в одном шаге от своей гибели, что навсегда изменило психологию и политику суданского диктатора (он казнил все руководство СКП, хотя еще недавно симпатизировал коммунистам), ставшего с тех пор маниакально подозрительным и недоверчивым и опиравшимся исключительно на армию и спецслужбы. Сокрушительный разгром левых сил и последующие на них гонения расчистили путь суданским БМ для завоевания молодежных симпатий.

В конце 1970-х годов Нимейри оказался в жестком «клинче» с оппозицией: правящий режим не мог полностью уничтожить противостоящие ему вооруженные силы суданской оппозиции, пользующейся поддержкой со стороны иностранных государств, так как мог опираться в борьбе с ней только на силовые структуры, а Национальный фронт (НФ), в свою очередь, не мог свергнуть диктатуру Нимейри, защищаемую преданными ему военными частями.

Исходя из создавшегося положения, руководство страны решило пойти на компромисс с правой оппозицией, путем предоставления ей ограниченного права на участие в политической жизни страны, а также и в процессах управления ее взамен на прекращение подрывной деятельности боевиков НФ.

Но этого Нимейри показалось мало: суданский диктатор вознамерился прочно стабилизировать свою власть за счет превращения Судана в исламское государство.

Для этого он идет на сделку с исламистами. В 1977 году освобождены из тюрьмы Хасан ат-Тураби и его сторонники, через год лидера суданских исламистов ввели в состав политбюро Центрального комитета правящей партии в стране — Суданский социалистический союз (ССС). Наконец, в августе 1979 года Хасан ат-Тураби стал генпрокурором Судана.

В это же время «бойцы» ат-Тураби вслед за своим раисом стали массово проникать в аппарат армии, полиции, службы государственной безопасности, руководство Суданского социалистического союза, распространяя там своё влияние.

Но спасти гибнущую экономику Судана исламизация не могла: в 1984–1985 годах в стране начался полномасштабный голод [3: с. 146]. Закономерным итогом такой политики стал крах в ночь с 5 на 6 апреля 1985 года режима Нимейри.

11 мая 1985 года был образован Национальный исламский фронт (НИФ) во главе с Хасаном ат-Тураби. Именно в это время начинается решительный взлет

суданских исламистов к вершине политического олимпа: поняв, что путем выборов нереально прийти к власти, ат-Тураби сделал ставку на силу. Впервые в истории страны в ночь на 30 июня 1989 года группой исламистски настроенных офицеров армии был осуществлен военный переворот. НИФ и военные встали у руля страны, где и находились вместе до 1999 года.

Таким образом, проанализировав историю египетских и суданских исламистов 1970–1980-х годов мы можем выделить в ней как ряд общих моментов, так и специфические черты, присущие египетскому и суданским вариантам развития исламо-фундаменталистского движения. Что же является общим из того перечня принципиальных моментов эволюции исламского фундаментализма в обеих странах, которые мы разобрали выше? На наш взгляд, таких моментов несколько:

- активное сотрудничество египетских и суданских исламистов с официальными властями в рамках кампании по борьбе с «левой» угрозой (насеристами в Египте и сторонниками СКП в Судане);
- реформы организационно-управленческих структур исламо-фундаменталистских движений и их модернизация в Египте и Судане;
- внедрение египетских и суданских исламских активистов в национальные студенческие и профсоюзные организации и завоевание лидирующих позиций в них;
- формирование солидной финансовой базы исламо-фундаменталистских движений благодаря бурному развитию исламского сектора экономики Египта и Судана;
- проникновение «Братьев-мусульман» в египетские и суданские силовые структуры и осуществление нелегальной агитационной работы среди их личного состава.

Основными отличиями в деятельности египетских и суданских исламистов являются следующие моменты:

- раскол египетского исламо-фундаменталистского движения, в отличие от суданского, на умеренное (ненасильственные действия) и экстремистское крыло (вооруженная борьба с режимом путем террористических атак);
- полная поддержка суданскими «братьями» политики углубленной исламизации страны, проводившейся президентом Нимейри в 1978–1985 годы, в то время как ни Садат, ни Мубарак так и не решились проводить подобный внутривнутриполитический курс, ограничившись лишь самыми необходимыми уступками исламистам, вследствие чего они не располагали сопоставимой с суданским вариантом поддержкой египетских «братьев»;
- легализация исламо-фундаменталистского движения в Судане через создание в 1985 году НИФ и его последующий приход к власти в союзе с исламистски настроенными военными в результате «революции национального спасения» 30 июня 1989 года.

Рассмотрение схожих и отличных черт египетской и суданской «ветвей» исламо-фундаментализма позволяет предположить существование «типовой»

модели для подобных социально-политических движений в странах арабомусульманского мира. Применительно к Египту и Судану основные различия в истории формирования местных исламо-фундаменталистских движений с их характерной спецификой в конечном итоге определялись степенью слабости государственного аппарата и особенно его силовых структур, противостоящих исламистской экспансии. В Египте государство, невзирая на все драматические перипетии истории второй половины XX века, оказалось куда сильнее, чем в соседнем Судане, где проблема Юга, подобно раковой опухоли, разъедала его и подрывала силу. Во многом именно действием этого фактора объясняется степень уступок официального Каира и Хартума рвущимся к власти исламистам.

Литература

1. *Бабкин С.Э.* Движения политического ислама в Северной Африке. М.: Институт изучения Израйля и Ближнего Востока, 2000. 341 с.
2. *Видясова М.Ф., Умеров М.Ш.* Египет в последней трети XX века: опыт либерализации экономики и политической системы. М.: Институт изучения Израйля и Ближнего Востока, 2002. 248 с.
3. История Востока: в 6 т. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000 гг.). М.: Восточная литература, 2008. 1095 с.
4. *Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. 461 с.
5. *Коровиков А.В.* Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Наука, 1990. 170 с.
6. *Левин З.И.* Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования. М.: Крафт+, 2005. 240 с.
7. *Поляков К.И.* История Судана. XX век. М.: ИВ РАН, 2005. 510 с.
8. *Ражбадинов М.З.* Радикальный исламизм в Египте (на примере деятельности организаций «Аль-Джихад» и «Аль-Гамаа Аль-Ислямийя»). М.: ИВ РАН, 2003. 274 с.
9. Северная Африка: ислам и общество. М.: Институт Африки РАН, 1999. 125 с.
10. *Хасан ат-Тураби.* Ислам и время // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11. С. 32–36.
11. *Abdelwahab El-Affendi.* Turabi's revolution: Islam and power in Sudan. L.: Grey Seal Islamic Studies, 1991. 209 p.
12. *Davidson Ch.R.* Political violence in Egypt: a case study of the islamist insurgency 1992–1997 // A thesis presented to the Faculty of the Fletcher School of Law and Diplomacy. In partial fulfillment of the requirements for the Degree Doctor of Philosophy. April 2005.
13. The Constitution of the Arab Republic of Egypt, 1971. Cairo. 1971.

Literatura

1. *Babkin S.E'.* Dvizheniya politicheskogo islama v Severnoj Afrike. M.: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 2000. 341 s.
2. *Vidyasova M.F., Umerov M.Sh.* Egipet v poslednej treti XX veka: opy't liberalizacii e'konomiki i politicheskoy sistemy'. M.: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 2002. 248 s.

3. *Istoriya Vostoka: v 6 t. T. 6: Vostok v novejsij period (1945–2000 gg.)*. M.: Vostochnaya literatura, 2008. 1095 s.
4. *Kepel' Zh. Dzhihad: e'kspansiya i zakat islamizma*. M.: Ladomir, 2004. 461 s.
5. *Korovikov A.V. Islamskij e'kstremizm v arabskix stranax*. M.: Nauka, 1990. 170 s.
6. *Levin Z.I. Reforma v islame. By't' ili ne by't'?* Opy't sistemnogo i sociokul'turnogo issledovaniya. M.: Kraft+, 2005. 240 s.
7. *Polyakov K.I. Istoriya Sudana. XX vek. M.: IV RAN, 2005. 510 s.*
8. *Razhbadinov M.Z. Radikal'ny'j islamizm v Egipte (na primere deyatel'nosti organizacij «Al'-Dzhihad» i «Al'-Gamaa Al'-Islamiyya»)*. M.: IV RAN, 2003. 274 s.
9. *Severnaya Afrika: islam i obshchestvo*. M.: Institut Afriki RAN, 1999. 125 s.
10. *Xasan at-Turabi. Islam i vremya // Aziya i Afrika segodnya*. 1994. № 11. S. 32–36.
11. *Abdelwahab El-Affendi. Turabi's revolution: Islam and power in Sudan*. L.: Grey Seal Islamic Studies, 1991. 209 p.
12. *Davidson Ch.R. Political violence in Egypt: a case study of the islamist insurgency 1992–1997 // A thesis presented to the Faculty of the Fletcher School of Law and Diplomacy. In partial fulfillment of the requirements for the Degree Doctor of Philosophy. April 2005.*
13. *The Constitution of the Arab Republic of Egypt, 1971. Cairo. 1971.*

S.Y. Seryogichev

**The Evolution of Islamic Fundamentalism in Egypt and Sudan in 1970–1980:
a Comparative Analysis**

The article is devoted to the comparative analysis of the evolution of Egyptian and Sudanese Islamic fundamentalist movements in the 1970–1980. The author also has considered the issue of existence in practice of «typical» model of Islamism.

Keywords: Egypt; Sudan; the association of «Muslim Brotherhood»; Islamic fundamentalism.

**В.В. Рябов,
Е.И. Хаванов**

А гражданином быть обязан

Авторы пишут о гражданственности и патриотизме как осевых проблемах в традициях и жизни современного российского общества, в воспитании подрастающего поколения.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, молодежь.

Смена времен года — это в природе. А в жизни и общества, и государства — смена политических режимов. На рубеже лета и осени 2016 года в России эти два явления совпали. Отмечали четверть века августа 1991-го, поминали жертвы 1993-го. Ругали США и весь Запад за их санкции в отношении нашей страны. Считали убытки. Отбивались от идеологических атак как извне, так и изнутри, от своих собственных либералов. А гвоздем сезона, конечно, была выборная кампания.

Выборы для существующего в стране политического режима прошли весьма благополучно. Олицетворяющая режим партия власти — «Единая Россия» — получила подавляющее большинство голосов тех, кто в тот осенний день пришел к избирательным урнам. И это несмотря на сложную ситуацию в стране. «Ведь мы знаем, — по горячим следам оценил итоги президент В.В. Путин, — что людям живется непросто, проблем много, и тем не менее такой результат — люди все равно проголосовали за “Единую Россию”» (Известия. 2016. 19 сентября).

Определенный урок могли извлечь и партии парламентской оппозиции. Они сохранили представительство в Государственной думе, но с известными поправками: немало депутатских мандатов было потеряно. И совсем вне сферы доверия народа, его наиболее активной части — электората — остались десять остальных участников выборной кампании и десятки других партий, не рискнувших включиться в эту борьбу. «Вам, по крайней мере, в данный момент, там и не место», — так могли они истолковать неприятие их избирателями. Ну а если говорить предметно, то избиратели своим волеизъявлением еще раз подтвердили де-факто сложившуюся в стране политическую систему как многопартийную и легитимировали ее состав на открывшийся политический сезон.

Итоги выборов были по-своему знаменательны и с точки зрения развития страны. «Предыдущие выборы 2011 года, — констатирует Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), — закончились Болотной площадью. Вывести людей на улицы удалось, обвинив власть в том, что она укра-ла у людей право голоса, сфальсифицировав результаты выборов. Чтобы этого не повторилось, была реализована политическая реформа. Конкуренции в системе стало больше, и это хорошо. А политических протестов — кратно меньше. И это несмотря на экономический кризис!» (Власть. 2016. 6 сентября).

Да, ситуация стабилизировалась. Сохраняется и дух конкуренции, хотя и не всегда считаясь с цивилизованными рамками. Да и не все дела по старым счетам закрыты. В Страсбурге Европейский суд по правам человека еще продолжает разбор «болотного дела» (Советская Россия. 2016. 20 октября). Но главное не столько в этом, сколько в том «непростом» положении народных масс, на которое обращал внимание президент. В СМИ не часто встретишь рассуждения о классах, классовых различиях. Однако и отдельные, как бы прорывающиеся сквозь строки, замечания и реплики вроде «капитализм весело гуляет по стране и отбирает себе все, что дает наживу» (Общеписательская литературная газета. 2016. № 10) или «уровень социального неравенства остается критическим» (Завтра. 2016. Август. № 36) обнажают корни истины.

Могучим орудием самосохранения России в чрезвычайно сложных условиях всегда было единство народа. В истории — это отражение польской интервенции, в новейшей истории — победа в войне с фашистской Германией. А в современную эпоху, последнюю четверть столетия — подлинная эпопея, война не война с самими собой за спасение своего государства, своей страны. И, в общем, исторически тоже выиграли, хотя и с большими потерями.

«Пока мы едины, мы непобедимы». Песня-лозунг, рожденная в XX столетии как гимн левой коалиции, имеет не только более широкий смысл, но и глубокие исторические корни. В каждую эпоху единство находило соответствующую базу и форму выражения. Основа его была либо социально-классовой, либо национально-патриотической. Оно становилось более прочным и надежным и на этих, и на тех интересах народа. Не это ли мы видели в СССР? Хотя далеко не все исповедовали господствующую идеологию марксизма-ленинизма, но вместе с идеей патриотизма, исторически сложившимся чувством многонациональной Родины сознание советских граждан явилось одним из решающих факторов победы над фашистскими захватчиками. Единство этих двух начал в истории страны выразилось в концепции советского патриотизма, сочетавшего в себе любовь к родному Отечеству с преданностью советскому государственному и общественному строю [3: с. 179].

С роспуском СССР как бы сам собой упразднился и советский патриотизм. Союзные республики превратились в национальные государства, ставившие на первый план свои национальные интересы, свой патриотизм. Патриотизм многонационального народа канул в Лету. А в многонациональной Российской Федерации бурно зацвели региональные, местечковые «патриотизмы».

Не стали патриотами представители капитала, либералы, ориентирующиеся на Запад. Между тем Россия, ее народ как никогда остро нуждаются в поддержке патриатизма, патриотических сил. Историк Игорь Фроянов буквально бьет в вечевой колокол, говоря «о том опасном положении, в котором мы сейчас находимся... Речь идет о самом существовании России и русского этноса» (Завтра. 2016. Сентябрь. № 37).

Что утверждалось последовательно в 1990-е годы — это перевод страны на рыночные рельсы. Вводилось без оглядки на все остальное, невзирая на инфляцию, народную нужду. «События 1991–1993 годов показали... — свидетельствует старейший русский писатель Виктор Лихоносов, — как и в семнадцатом году, народ озлобили, натравили друг на друга. Русский народ потерял очень много» (День литературы. 2016. Октябрь. № 10). А ЛДПР не где-то, а прямо в своей программе указала: «На развале СССР обогатилось 5 % населения, тогда как миллионы потеряли все» [5: с. 4]. Наступила атрофия тех живых скреп, которые исторически придавали народу силу: единство классов и социальных групп, составлявших народ, и единство, вытекающее из принадлежности к общей родине.

Советская власть сумела встроить эти две скрепы в механизм общественного строя. Хотя в принципе, если не связывать проблему с характером советского общества, это было весьма непростой задачей. В самом деле: можно ли воспринимать как единое целое рабов и рабовладельца? Крепостника-помещика и его крепостных? Правомерно ли считать предателем раба, не ставшего защищать своего господина? Еще и сегодня не утихли споры о большевиках, о Ленине, выступивших за поражение царского правительства в империалистической войне. Предательство? Нет, отвечали большевики и Ленин, данный лозунг — в интересах трудящихся, а они в России составляют подавляющее большинство. Это патриотический лозунг. Что касается тезиса о том, что в каждой нации в известном смысле две нации (нация господ и нация угнетенных), тезиса, который мы находим у В.И. Ленина (Полн. собр. соч., т. 24, с. 129) и который ставится ему в вину, то еще до его рождения идею выдвигал британский политик Б. Дизраэли в своем романе (он к тому же и известный писатель) «Сибилла, или Две нации», подразумевая очень богатых и очень бедных. (Кстати, и после последней выборной кампании в США, прошедшей необычайно остро и бурно, наблюдатели зарегистрировали «тектонический разлом внутри американской нации, как-то очень всерьез разделившейся на “своих и чужих”») (Завтра. 2016. Ноябрь. № 45).

Но мы несколько отвлеклись от темы. Наш вопрос: возможно ли обеспечить столь необходимое единство этих «двух наций», находящихся на различных, если не сказать противоположных, социальных полюсах разделенного на классы общества? Да, возможно, говорит мировой исторический опыт — прежде всего путем насилия, главным инструментом которого является государство. Но и не только насилие, а и определенные общие интересы. История

ведь знает не только борьбу классов, но и их сотрудничество в различных сферах жизни. И здесь одну из ведущих ролей играют принадлежность к родной земле, родина, патриотизм.

В тысячелетней истории не раз бывало, когда при наступлении внешней угрозы различные слои народа на время оставляли внутренние проблемы и общими силами, «всем миром» давали отпор врагу. Общая ответственность за общую судьбу возрастала по мере того, как масса обретала права, из подданных превращаясь в полноправных граждан.

В СССР формирование гражданских качеств было центральной задачей всей воспитательной работы. И небезуспешно. Это не могли не признать и в службах Геббельса в годы Великой Отечественной войны. В специально изданной брошюре о политических задачах в России в свете тотальной войны, изданной в 1943 году, прямо признавалось: «Русский — восторженный. В своих действиях они всегда ищут идеи. Особенно популярны патриотические идеи, так как русские — патриоты. Поэтому большевики с очевидным успехом апеллировали к национальному чувству русского народа» (За русский народ // Совершенно секретно. 2014. № 2. С. 33).

Что же случилось с народом на рубеже 1980–1990-х, в 1990-е годы? Да и тот ли это народ, который защитил свою Родину, спас Европу, все человечество от коричневой чумы. И тот, и не тот. Глазами, лицами — тот же. Но не сами солдаты — граждане тех суровых лет, а похожие на них их сыновья, внуки, а теперь уже и правнуки. Это уже другие поколения. И за плечами уже не только опыт дедов и отцов. Не только эстафета истории: восстанавливали державу, создавали ракетно-ядерный щит, пробивались в космос. В этом горниле закалялась сталь. Но была и холодная война. После сталинской эпохи наступила хрущевская оттепель, за ней — «брежневское похолодание». И наконец, новое мышление, перестройка Горбачёва — Ельцина, переросшая в катастрофу.

Огромной страны в одночасье не стало. Да и то, что осталось, начало разваливаться на куски. «Берите суверенитета столько, сколько скушаете», — вещал «царь Борис», как вскоре стали называть первого президента постсоветской России. Великая Родина, питавшая сознание патриотизма, теперь отсутствовала. Былая дружба народов замещалась в лучшем случае «международной терпимостью» (За русский народ. Общественно-политический журнал ЛДПР. 2014. № 2. С. 9), что, понятно, не одно и то же. Понятие гражданина сохранялось, более того, обретало более высокий моральный и правовой статус, ибо целью развития общества провозглашалось гражданское общество как воплощение свободы, равенства, справедливости.

Есть у этой концепции и свои углы. Так, гражданское общество само по себе мыслится как независимое от государства. Однако речь-то идет не о гражданах вообще, а о гражданах именно этого, своего государства. Тогда причем здесь независимость или по-другому — отстраненность. И, пожалуй, самое главное — гражданские отношения внутри гражданского общества.

В правовом смысле олигарх и бомж равны. А вот братством, конечно, здесь и не пахнет. Да и равенство, если брать в общем и целом, для олигарха — это первый признак несвободы. Таким вот оказалось гражданское общество в одной из двух сверхдержав планеты, на исходе XX столетия потерпевшей катастрофу в результате крушения несущих опор — морально-политического единства на социально-классовой основе и патриотизма народа.

Девяностые годы прошлого столетия — первое десятилетие постсоветского режима — явились тяжелым испытанием. Ключевой фразой к этому периоду истории может служить реплика одного из «стоящих у трона» — А. Чубайса: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрут тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом — новые вырастут» (Завтра. 2008. № 26. Июль). Новая элита, конечно, старалась удержать страну в своих руках, поддерживая идеологический настрой за счет очередных «разоблачений» сталинизма и руша все то, что осталось от советской системы, а то и, как на Северном Кавказе, используя силу. Из Центра на места спускались директивы об усилении патриотической работы. Однако в новых условиях она принимала противоположное направление, подрывая и без того ослабленные государственные устои.

Сама ситуация требовала более взвешенного подхода к проблеме патриотизма. Любое оружие — боевое или идеологическое — в зависимости от обстановки применяется с разными целями. В наших условиях — либо для утверждения единства общества, его сплочения, для сохранения и упрочения государства, либо, напротив, для их разложения и разрушения. Становилось все более очевидным, что в интересах сохранения России как государства, как великой державы необходимо всемерно поддерживать патриотизм во всех здоровых его проявлениях. При этом, уважая и поддерживая патриотические чувства к малой родине, делать основной и главный акцент на патриотизме общероссийском, общегосударственном, органически несущем в себе гражданственность, любовь и преданность России как государству, гражданскую ответственность за ее судьбу, за ее настоящее и будущее.

Эта идея примата гражданственности в патриотическом воспитании утверждалась не сразу. У себя в университете, на историческом факультете мы выдвигали ее неоднократно. В 2002–2003 годах проводились дискуссии, научные диспуты с участием депутатов Госдумы, представителей Центра военно-патриотического воспитания, Совета ветеранов 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, коллег из московских вузов. Издали десятки сборников, статей, пособий [7: с. 168–171]. Идея принималась общественным сознанием. Все более четко ощущалась актуальность воссоздания несущих опор — патриотизма и гражданственности в их общегосударственном измерении. В одном из первых своих посланий Федеральному собранию президент В.В. Путин подчеркивал, что «такая страна, как Россия может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой. Во все периоды ослабления страны — политического

или экономического — перед Россией всегда и неотвратимо вставала угроза распада» [1: с. 4]. Отметив далее, что «в стране созданы условия для развития полноценного гражданского общества» [1: с. 5], он, однако, отметил, что такое общество создается лишь путем «преодоления недоверия между различными социальными группами» [1: с. 19]. А возможно ли это в разделенном на классы обществе? Но в любом случае президент такую проблему поставил. В этом же послании он констатировал: удалось преодолеть «абсолютно неприемлемую ситуацию, при которой отдельные российские территории по сути дела находились вне пределов федеральной юрисдикции» [1: с. 5].

Движение в направлении сохранения государства сопровождалось возвратом к иному, кажется, давно изжившим себя, деталям прошлого. Так, В.В. Путин признавал (правда, несколько позднее), что в 1990-е годы «под предлогом воцарения демократии мы получили не современное государство, а подковерную борьбу кланов и множество полуфеодальных кормлений» (Коммерсантъ. 2012. 6 февраля). Положение в экономике, и без того сложное, обострилось после финансового обвала 1998 года, произошедшего в канун парламентских выборов. И в этой ситуации отношение к государству, патриотизм явились для избирателей ведущим критерием оценки политических партий.

Проельцинский, возглавляемый В.С. Черномырдиным «Наш дом — Россия» (партия административно-хозяйственной номенклатуры, интересы которой далеки от народных) выдвинул своим брендом Веру в Россию, сделав акцент на свободу, развитие и традиции, в которых представлялась «гармония отношений с Богом, миром и природой» в «непрерывности нашей истории, культуры и государственности» [2: с. 6]. Не совсем ясно, но яснее, наверное, и не нужно — будет хуже. Однако государственность и патриотизм выражены. Как это было понято и принято, выявилось на федеральных выборах. В 1995 году НДР набрал 10,13 % голосов по партийным спискам, получив 45 депутатских мандатов, и 10 — по одномандатным округам. Но удержать эту планку народного доверия не удалось. На следующих выборах 1999 года за черномырдинский «домик» проголосовало лишь 1,19 %, в Госдуме — ни одного места. Для него это — начало конца: спустя несколько лет остатки партии влились в движение «Единство», а через него в формировавшуюся по инициативе В.В. Путина «Единую Россию».

Две несущие опоры были в основе деятельности и Коммунистической партии Российской Федерации — преемницы КПСС. На очередном съезде в декабре 2000 года, ставя в политическом отчете ЦК задачу завоевания доверия и поддержки масс, председатель Г.А. Зюганов связывал воедино проблемы взаимоотношения классов и патриотизм. На повестке дня — сплочение во имя интересов государства плюс союз патриотов [8: с. 12–14].

Препятствий к достижению этих целей немало. В числе главных — антисоветизм и антикоммунизм. Наиболее ретивые доходят до требования вообще исключить 70-летний советский период из отечественной истории. Весь он,

начиная с революций 1917 года и с кульминацией в 1937-м, представляется как большой государственный террор. Перебивание грязных страниц для определенных негосударственных и государственных структур превратилось в основное направление работы, если не сказать жизни. Мы бы назвали здесь партию «Яблоко», которая вместе с обществом «Мемориал» собирает документы, издает «белую» книгу. Походя выносятся приговор и руководству страны: «Сегодняшние власти, президент Путин не желают ни реально оценить причины крушения российской государственности в 1917 году, ни развенчать большевистскую практику управления страной, которая, опираясь на насилие, сознательно вовлекала в него большинство людей в качестве одновременно жертв и палачей» [6: с. 3]. Партия имеет статус наблюдателя при Либеральном Интернационале, входит в состав европейской партии «Альянс либералов и демократов за Европу». Исповедует европейские ценности, выступает за европейский путь развития России. При Ельцине нередко находилась в оппозиции к правительству и вообще вела себя довольно шумно. Но на престиж это мало работало. Если на выборах в Госдуму в 1993 году партия собрала 7,86 %, то в 1995-м — 6,89, в 1999-м — 5,93. А после Ельцина и того меньше: в 2003-м — 4,3 %, а в Думу прошли лишь 4 одномандатника. Сложности последних лет вернули либералам самоуверенность, лидер «Яблока» Г.А. Явлинский за два года до президентских выборов заявил о своих претензиях на место в Кремле. В случае успеха он обещал вернуть Украине Крым. А на выборах 2016 года в Госдуму партия предложила избирателям 481 кандидата. Увы, результат — 1,99 % голосов и ни одного мандата.

Тест на патриотизм и гражданственность проходят и другие российские партии. У всех на виду те, кто в парламенте. На переднем плане, конечно, партия власти — «Единая Россия», по итогам последних выборов вернувшая себе в Госдуме конституционное абсолютное большинство. Это — партия президента, хотя формально он в ней не состоит. Эта партия за президента, поддерживает и проводит его линию. Мы здесь, в этой статье, не процитировали ни одного ее документа. Но мы цитируем В.В. Путина, а его слова и есть ее линия. Другие партии — КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», — находясь в оппозиции к правительству, к думскому большинству, поддерживают и партию власти, и президента в вопросах укрепления государства, сплочения общества. Однако, представляя некое целое как оппозицию, недооценивают роль сотрудничества друг с другом, не считаясь даже с элементарными нормами толерантности. Каково, к примеру, отношение к левым партиям, к их главным идеологическим постулатам у той же ЛДПР. Вот как трактуется коммунизм: «Красивая сказка. Недостижим на современном этапе развития человечества. Все, кто предлагает его построить, безбожные обманщики и вруны» [4: с. 19]. То же и социализм: «Как идея хороша. Но справедливости, к сожалению, на земле не бывает. Бороться за справедливость можно, но жизнь пройдет, а результата борьбы не будет» [4: с. 34]. Отсюда и отношение

к партиям — носителям данных идеологий. Да, идеологии разные, но различия относятся скорее к стратегическим, дальним целям. А спасать государство надо сегодня, сейчас, пока оно живо. Государства, страны не будет, тогда и стратегия ни к чему (как после развала СССР осталось бессильно разводить руками).

Задача спасения страны требовала видеть главное и ставить его в центр повседневной политики. К примеру, у коммунистов на упомянутом съезде 2000 года, сразу после ухода Ельцина, «не было особых иллюзий насчет реальных устремлений преемника. Однако, учитывая ожидания, которые по контрасту с разложившимся Ельциным внушал новый президент, КПРФ избрала в отношении Путина сдержанную линию. Пусть попробует доказать серьезность своих намерений» [8: с. 10].

Это соответствовало сложившейся ситуации — и стратегически, и тактически. Именно здесь пролегал водораздел между противоположными подходами, противостояние которых «Известия» обозначили как «схватку за государство»: «15–20 лет назад такие схватки сотрясали общественное сознание. Тогда они велись между советскими ценностями и либеральными представлениями... Теперь же линия борьбы проходит между либеральным и государственно-патриотическим. Либеральное отступает, неохотно и трудно сдает позиции во всех сферах жизни. Патриотическое — пусть медленно и порой противоречиво — наступает, выдавливая чужеродный, разрушительный либерализм» (Известия. 2016. 3 октября).

И это — реальный процесс. Как-то один ортодоксально мыслящий студент, прослушавший накануне по ТВ интервью с депутатом Госдумы, кинорежиссером Владимиром Бортко, задал на лекции вопрос: «Как же так, Бортко, коммунист, состоит в оппозиционной фракции, а заявляет о поддержке президента Путина. Он должен критиковать, выступать против, а он... Где логика?» Да, так и есть. В.В. Бортко — коммунист, но он еще и государственный. Он за сохранение и укрепление государства, во имя которого работает и живет. Здесь его главный интерес как гражданина, который в основном совпадает с интересом президента, да и всех других сограждан, которым дорога Родина. Их много, очень много и день ото дня становится еще больше — целое общественное движение поборников гражданственности и патриотизма, назовем их, как принято на современном языке, социал-государственниками.

Движение чрезвычайно широко, если не всеохватно. В него не надо вступать, каждый определяет сам: состоит он в нем или не состоит. Здесь могут быть представлены самые разные взгляды и убеждения. Решающий критерий только один: ты за Россию? И в этом «за» — неразделимо слиты граждане и патриоты.

Хочется видеть в этом движении и всех тех, кто выходит в мир из стен нашего университета. Помните бессмертные некрасовские строчки: «Но гражданином быть обязан». Поэт обращал их к своим братьям по перу, своим

согражданам. Призыв необычный: поэтом можешь ты не быть... Как это, если он уже поэт? А вот так, гражданственность, гражданский долг выше, чем его профессиональные навыки. А нам, рожденным учить и воспитывать детей, все подрастающее поколение, растить граждан? Где бы, на каком посту ни выполнял свой профессиональный долг наш выпускник — учитель и педагог, быть гражданином он обязан.

Литература

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации: документы и комментарии. М., 2003.
2. Вера – сила – свобода: программа Движения «Наш дом — Россия». М.: б. и., 1999. 32 с.
3. Коммунистическое воспитание: словарь. М.: Политиздат, 1984. 302 с.
4. ЛДПР: краткий энциклопедический словарь. М.: Издание либерально-демократической партии России, 2008. 48 с.
5. Программа ЛДПР. М.: Издание ЛДПР, 2016. 64 с.
6. 1937-й: статьи и документы. М.: РОДП «Яблоко», 2007. 52 с.
7. *Рябов В.В., Хаванов Е.И.* Поколения выбирают маршруты. Наша Родина — наш дом. М.: МГПУ: НИЦ «Инженер», 2016. 171 с.
8. VII съезд Коммунистической партии Российской Федерации (2–3 декабря 2000 г.): материалы и документы. М.: КИРФ; ИТРК, 2001. 144 с.

Literatura

1. Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii: dokumenty' i kommentarii. M., 2003.
2. Vera – sila – svoboda: programma Dvizheniya «Nash dom — Rossiya». M.: b. i., 1999. 32 s.
3. Kommunisticheskoe vospitanie: slovar'. M.: Politizdat, 1984. 302 s.
4. LDPR: kratkij e'nciklopedicheskij slovar'. M.: Izdanie liberal'no-demokraticeskoy partii Rossii, 2008. 48 s.
5. Programma LDPR. M.: Izdanie LDPR, 2016. 64 s.
6. 1937-j: stat'i i dokumenty'. M.: RODP «Yabloko», 2007. 52 s.
7. *Ryabov V.V., Xavanov E.I.* Pokoleniya vy'birayut marshruty'. Nasha Rodina — nash dom. M.: MGPU: NICz «Inzhener», 2016. 171 s.
8. VII s'ezd Kommunisticheskoy partii Rossijskoj Federacii (2–3 dekabrya 2000 g.): materialy' i dokumenty'. M.: KPRF; ITRK, 2001. 144 s.

*V.V. Ryabov,
E.I. Khavanov*

And a Citizen Must Be

The authors write about civil society and patriotism as axial problems in the traditions and life of modern Russian society, in the upbringing of the younger generation.

Keywords: civil society; patriotism; youth.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2017, № 2 (26)**

Буданов Андрей Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии, истории и философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал (andreybudanov@yandex.ru).

Гусева Инна Евгеньевна — аспирант кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (ieguseva@mail.ru).

Данчеева Маргарита Юрьевна — магистрант общеуниверситетской кафедры истории Московского городского педагогического университета (DancheevaM@mgpu.ru).

Емельянова Александра Андреевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель общеуниверситетской кафедры истории Московского городского педагогического университета (platonovaa@mail.ru).

Ершова Тамара Витальевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (ershtamaris@yandex.ru).

Касаров Георгий Георгиевич — доктор исторических наук, профессор, профессор-консультант кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (ggkasarov@yandex.ru).

Ляпустин Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ (bsl51@mail.ru).

Малышева Ольга Геральдовна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (malysheva_o56@mail.ru).

Музафарова Нелли Ильинична — доктор исторических наук, профессор, профессор общеуниверситетской кафедры истории Московского городского педагогического университета (muzafarovan@mail.ru).

Подшибякин Сергей Сергеевич — аспирант кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (mr.visenka@rambler.ru).

Рагимова Афат Фируддиновна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета (ragimova.afa@mail.ru).

Рябов Виктор Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий общеуниверситетской кафедрой истории, президент Московского городского педагогического университета (Ryabov@mgpu.ru).

Серёгичев Сергей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета (sers80@mail.ru).

Смирнова Юлия Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (juliasmirnova68@yandex.ru).

Токарева Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (tokarev-elena@yandex.ru).

Фатеев Андрей Витальевич — аспирант кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (andyfateev@gmail.com).

Хаванов Евгений Иванович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета (ehavanov@yandex.ru).

Щемелев Артём Владимирович — аспирант кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета (artemvshchemelev@gmail.com).

AUTHORS
of «MCU Vestnik», Series «Historical Sciences»,
2017, № 2 (26)

Budanov Andrey Vyacheslavovich — Ph. D. (History), docent, docent of department of Political Science, History and Philosophy, the Russian President Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Chelyabinsk branch (andreybudanov@yandex.ru).

Guseva Inna Eugeniievna — postgraduate student of department of History of Russia, Moscow City University (ieguseva@mail.ru).

Dancheeva Margarita Yurievna — master's student of department of History of Russia, Moscow City University (DancheevaM@mgpu.ru)/

Yemelyanova Alexandra Andreevna — Ph. D. (History), senior lecturer of all-university department of History, Moscow City University (platonovaa@mail.ru).

Ershova Tamara Vitalievna — Doctor of History, professor, professor of department of History of Russia, Moscow City University (ershtamaris@yandex.ru).

Kasarov Georgi Georgievich — Doctor of History, professor, professor-consultant of department of History of Russia, Moscow City University (ggkasarov@yandex.ru).

Lyapustin Boris Sergeevich — Ph. D. (History), docent of department of World and National History, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia (bsl51@mail.ru).

Malysheva Olga Geraldovna — Doctor of History, professor, professor of the department of History of Russia, Moscow City University (malysheva_o56@mail.ru).

Muzafarova Nelly Ilinichna — Doctor of History, professor, professor of the all-university department of History, Moscow City University (muzafarovan@mail.ru).

Podshibyakin Sergei Sergeevich — postgraduate student of department of History of Russia, Moscow City University (mr.visenka@rambler.ru).

Ragimova Afat Firuddinovna — Ph. D. (History), docent, docent of the department of General History, Moscow City University (ragimova.afa@mail.ru).

Ryabov Viktor Vasilievich — Doctor of History, professor, head of all-university department of History, President of Moscow City University (Ryabov@mgpu.ru).

Seryogichev Sergey Yrievich — Ph. D. (History), docent of department of World History, Russian State Humanitarian University (sers80@mail.ru).

Smirnova Julia Valerievna — Ph. D. (History), docent, docent of department of History of Russia, Moscow City University (juliasmirnova68@yandex.ru).

Tokareva Elena Anatolievna — Ph. D. (History), docent, professor of department of History of Russia, Moscow City University (tokarev-elena@yandex.ru).

Fateev Andrey Vitalievich — postgraduate student of department of History of Russia, Moscow City University (andyfateev@gmail.com).

Khavanov Evgeniy Ivanovich — Doctor of History, professor, professor of department of World History, Moscow City University (Khavanov@mgpu.ru).

Shchemelev Artyom Vladimirovich — postgraduate student of department of World History, Moscow City University (artemvshchemelev@gmail.com).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Федору Александровичу Михайловскому* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета

Серия «Исторические науки»

№ 2 (26), 2017

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № ФС77-62499 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*

Редактор:

И.Е. Посоха

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

А.С. Джанумов

Техническое редактирование и верстка:

Г.П. Васильева, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

Телефон: 8-499-181-50-36

E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 31.05.2017 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆

Бумага офсетная

Объем 7,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.